

ISSN 0868-6440

литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ЖУРНАЛ

издание Союза писателей
Северной Осетии - Алании

4'98

октябрь - декабрь

ДАРЬЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ВЛАДИКАВКАЗ

1 • 9 • 9 • 8

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Издание
Союза писателей
Республики
Северная
Осетия-Алания

Выходит с 1991 года

Главный редактор
Р.Х.ТОТРОВ

Редакционная коллегия:

Г.А.ТЕДЕЕВ
ответственный секретарь

А.А.ГАЛАЗОВ
ред. отдела публицистики

Р.С.ГИБИЗОВ
зав. издат. отделом

Редакционный совет:

И.Г.ГУРЖИБЕКОВА
К.Ц.ГУТИЕВ
В.В.ДЕГОЕВ
А.А.ДЗАНТИЕВ
Л.Б.ДЗУГАЕВ
А.А.МАГОМЕТОВ
С.М.ХАБЛИЕВ
К.Х.ХОДОВ
В.М.ЦАГОЛОВ

4 98

(33) ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

Адрес редакции:
362040,
г.Владикавказ
пр. Мира, 25
Тел. 33-60-30
33-58-10

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Формат бумаги 60x90 1/16
Бум. тип. № 1 высококаландрированная
Печать офсетная. Усл.п.л.15,5

Полиграфическое предприятие «Рухс»
362015, г.Владикавказ, пр. Коста,11

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- 4** Чермен БЕДЖИЗАТЫ. Батай Албегов и невестка Барсаговых. Перевод с осетинского А.Дзантиева
- 13** Юрий МУЗАЛЬКОВ. Септимий Север. Поэма
- 22** Сослан ХЕТАГУРОВ. Маяк. Фантастический рассказ
- 22** Тамара ГУСОВА. Мой берег. Стихи
- 32** Сафар ХАБЛИЕВ. Древо жизни. Роман. Перевод с осетинского О.Хаблиева. Окончание

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

ИЗ ЗОЛОТОГО ФОНДА

- 78** Чермен БУГУЛОВ. Осколки. Стихи
- 92** СКАЗАНИЯ О НАРТАХ. Перевод с осетинского Г.Тедеева

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

- 124** Атанас СЛАВОВ. Порнографическая поэма. Перевод с болгарского И.Вороновской

ПУБЛИЦИСТИКА

- 132** Валерий ДЗИДЗОЕВ. Итоги фальсификации

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

- 152** Георгий ЯСЬКО. Свет неугасимый

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 174** Валерий ЦАГАРАЕВ. Золотая яблоня нартов. Окончание

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

- 198** Павел ЯДЫХ. 24 этюда о музыке Осетии. Окончание

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- 218** Борис АЛБОРОВ. Осетинские абречьи песни. Окончание

НАУКА И КУЛЬТУРА

- 226** Феликс ГУТНОВ. Тырсыгом: исторические этюды

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 238** Сослан РАМОНОВ. Национальная проблематика в трилогии В.М.Цаголова «Послы гор»

Чермен БЕДЖИЗАТЫ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

БАТАЙ АЛБЕГОВ
И НЕВЕСТКА БАРСАГОВЫХ

В давние времена, дорогие мои, могущество рода, фамилии измерялось числом достойных мужей, зажиточность — количеством земельных наделов, порядочность и честность — тем, насколько строго соблюдались обычаи. Предки наши во всем следовали обычаям, по ним строили свою жизнь. Иначе и быть не могло, люди о царе знать не знали, об алдаре слышать не слышали, а что до начальства и законов, то их на нашу землю привнесли извне. В прежние времена начальством у нас были старейшие рода, законом служили обычаи гор. О том, чтобы преступить обычай, не могло быть и речи, правда, сильному многое позволено, сильный порой и обычай преступал и ничего, сходило ему с рук, а вообще-то, кто следовал обычаям, тот и был самым сильным.

Да что говорить вокруг да около, лучше послушайте предание. Могущественным был род Албега, молва о нем разнеслась не только по нашему селу Башен, но и по всему ущелью Башен. Могучими, крепкими мужами прославился этот род, не был он обделен и богатством. В полном достатке жили Албеговы, днем пировали, по вечерам свадьбы играли, так и жили на крутом холме, вон и сейчас еще виднеются развалины их замков. Но счастливая жизнь, как и благоуханная весна, никогда не бывает вечной, глядишь, и налетит зимней выюгой свирепая беда. Обрушилась выюга и на род Албеговых, да такая лютая, такая жестокая, что весь род с лица земли стерла. Род Барсага был еще могущественнее, еще сильнее рода Албега. До того могуч был, что с целой страной мог бы сразиться. Земли у него было столько, сколько ни одному алдару не снилось, даже род Тагигата не имел столько. Око имущего ненасытно. Где доблестью, где грубой силой Барсаговы приумножали свое богатство. Соседние фамилии очень страдали от притеснений жестокого рода, но не в силах были что-либо изменить: Барсаговы даже птице над собой не позволяли пролетать.

В дружбе, согласии жили Албеговы с Барсаговыми. Один Бог знает, что связывало эти два рода, но так или иначе, дружба эта сыграла свою роль в гибели Албеговых.

Настал праздник Тутыра. Со всего ущелья Башен съехались люди в село Башен на игры, и задрожала, заколыхалась земля от громких криков.

Спесивые Барсаговы никого к себе не подпускали, играли между собой. Но вот появился Салдженыг из рода Албеговых и вступил в игру с Барсаговыми. Несравненным наездником был Салдженыг, но еще несравненнее был его черный арабский скакун, приведенный из Грузии. Когда-то Салдженыг ходил туда в поход и силой отнял его у знатного князя.

Молодежь Барсаговых устроила скачки. Приняли в игру и Салдженыга, решили проверить, ловкий ли он наездник и быстрый ли у него конь. У Барсаговых ли не было резвых коней, у них ли не было лихих наездников, вот и стали они играть с Салдженыгом. Долго играли, как же иначе, день уже к вечеру стал клониться, но так сильнейшего и не выявили. Ни в чем молодые друг другу не уступали, будь то скачки, стрельба по мишени вскачь, джигитовка или верховая езда. Тогда говорит Салдженыг, оглаживая гриву коня: — Теперь испробуем, достойнейшие юноши, наших коней на крутом спуске. Кто удержится в седле и раньше других доскачет до реки, тот и победит.

— Пусть будет так, славный сын Албега. Только постарайся, чтобы ты сам своего коня на спуске не опередил, — пошутил Дадай, самый доблестный среди молодежи Барсаговых.

— Что ж, поглядим, храбрый Дадай, — только и ответил Салдженыг. И поднялись всадники на вершину холма.

Вон, поглядите, какой крутой и затажной спуск ведет к реке! Нынешняя молодежь пешком и то боится по склону сбегать, а чтобы верхом на коне спуститься, об этом и речи нет. Прежде мои солнышки, люди могучими, ловкими были, а в ратных делах и там, где доблесть свою показать надо, с ними и вовсе нынче никто б не сравнился. Хилого да трусливого юношу все презирали, прогоняли его прочь, иди, мол, к девицам, не место тебе среди мужчин. В свою очередь девушки тоже не желали с таким знаться, отворачивались от него, гнушались им. Горе такому юноше, позор ложился на него несмываемым пятном. А потому каждый готов был скорее умереть, чем покрыть себя позором.

Вот всадники взобрались на вершину холма, потом ринулись все разом вниз, а то как же. Скачут-несутся по крутому склону достойнейшие юноши, кто вперед выскочил, кто поотстал. Подскакали к реке, и опередил Салдженыг Барсаговых юношей ровно на лошадиную голову.

Опечалились славные юноши Барсага так, будто их молния ударила. И во второй, и в третий раз испробовали они свое счастье, только каждый раз чуточку опережал их Салдженыг на арабском скакуне.

Тогда подъезжает к нему могучий Дадай и говорит сердитым голосом:

— Салдженыг, живем мы с тобой в дружбе, точно родные братья. Конь да не станет причиной вражды между нами. Продай мне арабского скакуна, проси за него, что хочешь, ничем я не поскуплюсь,

Может, и не пожалел бы Салдженыг арабского скакуна Дадаю, ведь друзьями они были, но обидно ему стало, что на него сердятся, и так он ответил:

— Не знает тебя мой конь, Дадай, вдруг с непривычки в беду с ним попадешь. Лучше пусть на меня одного падут и несчастья и радость.

Ни слова больше не сказал Дадай, но в сердце своем затаил обиду.

Был у Салдженыга брат, Кудзан его звали. Легкомысленным, ветреным человеком был Кудзан. Бывало, затянет потуже пояс на нарядной, красной черкеске, сядет верхом на игривого коня и мчится во весь дух на свадьбу или еще на какое-нибудь веселье. Так, в лени и праздности проводил бездельник Кудзан свою жизнь.

Этого-то Кудзана и стал обрабатывать Дадай. Между братьями и так особой дружбы не водилось: да и как могли Салдженыга радовать разгул и бесконечные попойки брата. Салдженыг пытался учить его уму-разуму и по-хорошему и по-плохому, только не таким человеком был Кудзан, чтобы кого-то послушаться. А тут еще и Дадай стал натравливать его на Салдженыга. — У Салдженыга семья, жена и дети, в доме он трудится, точно вол, ты же один и никому не нужен, — говорил, бывало, Дадай Кудзану. — Так вот, запомни, придет день, когда он выпвырнет тебя за порог голодным и раздетым. Он бы и сейчас это сделал, да ждет, пока дети у него подрастут. Ты только послушай, как он поносит тебя дома и на людях, разве так обращаются с любимым братом?

А еще он придумывал ему обидные прозвища, вдруг возьмет и крикнет при всех: «Эй, объедок Албеговых!» Или позовет: «Эй, ты, однодневный мотылек!», «Эй, обездоленный человек!»

Как-то раз Дадай допоздна продержал у себя Кудзана. Мог ли он отпустить гостя без того, чтобы не поднести ему бокал злой араки, мог ли не угостить его чашей черного пива, или, может, в богатом доме Дадаю нечего было поесть и выпить? Кто знает, о чем толковал ему Дадай за обильным столом, но когда Кудзан отправился домой, он не забросил за плечи свое крымское ружье, как обычно, а нес его, держа под мышкой. Пошатываясь да спотыкаясь при каждом шаге, переступил Кудзан порог дома и у горящего очага увидел лежащего к нему спиной брата: нездоровилось Салдженыгу, приболел он немного. Дети давно легли спать, а невестка, жена Салдженыга, дожидаясь моего возвращения, стал посреди комнаты меж двух столбов и разрядил ружье в брата. Ружье было заряжено медной пулей. Пуля вошла меж лопаток и вылетела из груди. Да случится такое с врагом твоим — Салдженыг даже не шелохнулся, сразило его наповал.

С этого дня смерть надолго поселилась в доме Албеговых. Рассказывали, что кто-то из их семьи побывал в Грузии и привез оттуда какую-то заразную болезнь. Явилось ли именно это причиной или что другое, но со дня гибели Салдженыга на род Албеговых напал мор и стал косить людей одного за другим, так что в доме Албеговых днем и ночью только и слышались вопли да причитания. Сельчане, боясь заразиться, сбежали кто куда. Уже некому и на похороны было прийти к Албеговым, некому было оказать им помощь. Бедняги, пока они еще могли, сами относили умерших в склепы, сами их хоронили, а потом и это некому стало делать. Теперь уже ни плача, ни причитаний не было слышно, и дыма над окнами не видно.

— Все до единого погибли, весь род вымер, — решили сельчане, и каждый вернулся в свой родной дом. Но вот как-то с верхушки башни Албеговых раздался голос:

— Добрые люди, да избавят вас дзуары наших гор от злой болезни! Мор унес весь мой род, один лишь я в живых остался. Пусть те из вас, кто хочет заслужить себе в будущем рай, помогут мне похоронить умерших родичей.

Люди смотрят, дивятся, как же иначе, — кричит с верхушки башни Батай из рода Албеговых. В селе Башен знали Батая как благородного, смелого юношу. Сидят на нихасе старики и говорят младшим:

— Заразы теперь можно не бояться, идите и помогите похоронить достойнейших Албеговых, не то позор нам всем.

Собрались люди у Албеговых, оплакали умерших, потом похоронили их в склепе. Вход в него закрыли камнем. Люди помогли также прибрать в доме, накормили проголодавшуюся скотину, после чего разошлись по домам.

Батай, бедняга, решил справить тризну по умершим. Послал гонцов к дальним родственникам, всех жителей ущелья Башен пригласил к себе. Когда в назначенный день люди собрались в его доме, он велел испечь лепешки из всего оставшегося в доме зерна, а весь скот зарезать. Люди стали его отговаривать, не стоит этого делать, ведь тебе самому еще жить, но Батай никого не послушал, поступил по-своему. Люди сели за печальный стол, как же иначе, и поминули род Албеговых.

Когда же тризна подошла к концу, Батай вышел перед народом и сказал:

— Добрые люди! Благодарю всех, кто оказал последние почести роду Албеговых. Особое благодарение наших горных дзуаров да снизойдет на Барсаговых, которые предали земле умерших. Все, что еще остается от нашего рода — скот и дома, земли и реки, все передаю роду Барсаговых. Пусть берут и владеют этим добром на счастье, пусть распоряжаются им, как

сами пожелают, с этого дня я здесь не хозяин. Жить дальше мне ни к чему, я отправляюсь той дорогой, которой ушел мой род. А кто станет мешать мне в этом, пусть того постигнет участь рода Албеговых, а род его да будет жертвой моему роду на том свете.

Подивились люди этим словам, стали отговаривать Батая, не губи свой род, не дай ему исчезнуть бесследно, но никого не послушался Батай, ни друзей, ни старших, пошел к склепу, влез туда и вход за собой камнем завалил. Силой удерживать его никто не стал, каждый проклятия боялся.

Что теперь было делать людям, собравшимся на тризну? Самые достойные из них пришли на нихас и стали решать, как выманить Батая из склепа. По-всякому просили, уговаривали его, но никого Батай не послушался. Тогда послали к нему старейшего из рода Барсаговых, именитого Батага. Но и к его мудрым речам не прислушался Батай, не вышел из склепа. Вот уже ни одного сколько-нибудь известного человека не осталось, кто не побывал бы у Батая, кто не просил бы его оставить родовой склеп, но все напрасно. А пока гадали да решали, что и как делать, дни шли за днями, и вот уже пять дней минуло с тех пор, как Батай заперся в склепе.

В эту же пору старик Калауты Хамат гостил в доме Абаевых, у одинокой вдовы. Вдова, которая была из рода Калаута и приходилась родственницей Хамату, являла собой женщину пожилую, мудрую, добропорядочную. Как-то за ужином, узнав, что Батай ни за что не желает покидать склеп, Калауон сказала Хамату:

— Брат мой, знаю я один способ выманить его оттуда, но боюсь, как бы это не привело к великой беде. Только подумаю об этом, и волосы у меня на голове поднимаются, сердце сизым огнем начинает пылать, язык во рту не поворачивается.

— Сказав «огонь», уста не опалишь, сестра моя! Скажи, если знаешь, как выманить Батая из склепа. Албеговы нам не чужие, они наши родственники. В доме мы одни, никто нашего разговора не слышит, и если твой план и в самом деле будет грозить бедой, никто о нем ничего не узнает, — сказал Хамат женщине.

— Ладно, так и быть, только заклинаю тебя прахом усопших родственников, не рассказывай об этом никому до тех пор, пока сам все не обдумаешь. Я глупая, неразумная женщина, могу и ошибаться, только мне кажется, что Батай был увлечен Царахон, женой Барсагова Дадая. Меж небом и землей для него дороже ее не было никого, она была ему слаще, чем весь его погибший род. Так вот, если послать к Батаю Царахон, он не сможет устоять и выйдет из склепа, так мне подсказывает сердце. Но род Барсаговых жесток, если узнают об этом, Батаю не поздоровится, из-под земли его достанут, чтобы отомстить, да и Царахон в живых не

оставят. Вот я и не знаю, глупая, как быть, что придумать, — дрожащим голосом поведала старая женщина.

— Но откуда ты все это знаешь?

— Как же мне не знать, когда я сама им в этом помогала. Батай любил Царахон еще в ее девичество, а после того, как она пришла в дом Барсаговых, юноша часто навещался ко мне, к своей родне, здесь их сердца и раскрылись друг другу. Меж небом и землей кроме нас троих об этом ни одна живая душа не знает, а сейчас еще и ты об этом узнал, только умоляю тебя, правом усопших заклиная, не делай ничего, что повредило бы этим двум людям, — слезно попросила женщина. — Не беспокойся, сестра, — успокоил ее Хамат, — сделаем, как лучше, нового горя не допустим.

Всю ночь не мог сомкнуть глаз старый Хамат: как быть, что делать? В тайне от всех послать Царахон к склепу? А вдруг это и в самом деле заставит Батаю покинуть склеп, ведь тогда Барсаговы вмиг поймут, в чем дело. А не посылать Царахон, так ведь даже мудрые старики и те не в силах ничего другого придумать. Измучил себя Хамат вопросами, а тут и утро наступило.

На рассвете Хамат пригласил к себе в дом трех самых мудрых рассудительных старцев и в разговоре с ними как бы невзначай обмолвился о тайной связи Батая и Царахон. Все четверо долго спорили, как быть, и, наконец, решили, что надо переговорить с самим Батагом, старейшим из рода Барсаговых. Пришли к нему в дом и рассказали все, как есть, после чего чуть ли не на коленях стали его просить:

— Мы уже все испробовали, ничего другого нам не остается, теперь в твои руки мы передаем судьбы многих людей, пусть же твой ум будет нам судьей, и судьбу этих двух несчастных тоже тебе решать, да съесть нам твои болезни.

Крепким, сильным стариком был Батаг, ни один мускул не дрогнул на его лице. Долго он молчал и, наконец, сказал:

— Добрые люди, слова ваши дошли до моего слуха, но коснутся ли они сердца или ума, пока не знаю, прежде мне надо переговорить с младшими.

Задрожали старцы холодной дрожью и скрылись за дверью. А вскоре в полном вооружении собрались Барсаговы в большом доме старейшего рода на семейный совет, ни один сколько-нибудь взрослый юноша не остался дома. Кто знает, о чем говорили и что решали Барсаговы на своем семейном совете, уже и солнце стало к закату клониться, а они все не расходились. Люди на улицах дивились: что принудило Барсаговых собраться на семейный совет, что они решают? Те из стариков, которые знали, в чем дело, сидели на нихасе, будто на колючках: ждали, какое решение вынесет немилосердный род Барсаговых.

На исходе дня двери, наконец, отворились, и из дома вышел Батаг, опираясь на палку, а за ним и весь его род, среди них и хмурый Дадай. Батаг пришел на нихас и сел среди стариков. Ждут люди, что скажет старейший из рода Барсаговых. И сказал Батаг:

— Среди нас не найдется ни одного человека, который бы с ликованием встретил весть о гибели рода Албеговых. Этот род был известен своим благородством и учтивостью. Теперь пришел его конец, от всего рода остался в живых один несмышленный младенец, да и тот укрылся в склепе и закрыл вход могильной плитой. В течение пяти дней, добрые люди, мы делали все, чтобы он покинул склеп, но так ничего и не добились. Теперь пусть к склепу идут все женщины села и оплатят погибший род, как велит обряд. Впереди пусть идет самая лучшая плакальщица? может, сердце юноши не выдержит женского плача, и он выйдет из склепа. Это последнее средство, которое я знаю, добрые люди.

Тут люди засуетились, забегали, собрали всех женщин села и послали их к склепу. Впереди всех с плачем шла Царахон. Мужчины стали вокруг склепа по старшинству, впереди старики и склонили головы. Женщины приближались к склепу тремя рядами по старшинству, вначале по очереди причитали три женщины, потом запричитала и бедняга Царахон.

Царахон была известной в селе плакальщицей. Едва зарыдала она возле склепа, едва запричитала во весь голос над своим несчастьем да над несчастьем своего возлюбленного, едва заголосила о том жестоком наказании, которое ее ждет за свой позор, выйдет ли Батай из склепа или нет, как люди не выдержали и сами зарыдали. Даже старики, слушая душераздирающие причитания, не смогли удержаться и стали кулаками вытирать набегающие слезы. Скалы крошились от горя, внимая плачу Царахон, даже речка приумолкла, приглушила свой рокот. О женщинах же и говорить нечего, слезы ручьями сбегали по щекам, а ручки эти, слившись, потоком мчались к селу. Слушая ее причитания, люди и о Батае забыли.

Не вынес этих мук сын Албега, разворотил каменную дверь склепа и, повалившись на землю у ног Царахон, горько зарыдал. Люди опомнились, подняли Батаю и отвели его в дом. Женщины-плакальщицы вернулись в село.

Но гости из других сел не спешили расходиться. Люди опасались, как бы разгневанные Барсаговы не расправились с Батаем и Царахон. Между тем весь род Барсаговых, старики и молодежь, мужчины и женщины, укрылись в своем доме, затихли, никто и за порог не выглядывал. Забеспокоились люди: что-то недоброе замышляют Барсаговы. Послали стариков к Батагу узнать, что и

как, но те вернулись ни с чем: не пожелал их принять старейший рода, идти же во второй раз старики не решились.

Ничего другого не оставалось, как ждать. Всю ночь люди на ногах простояли, никто даже глаз не сомкнул.

На рассвете, едва солнце поднялось над скалами, Батаг вновь собрал в доме мужей своего рода, велел прийти всем, кто мог держать в руках оружие и способен был дать разумный совет. Сам Батаг, прикрыв глаза, восседал в родовом кресле во главе многих рядов, остальные мужи безмолвно входили в дом, и каждый занимал себе место по возрасту, либо среди сидящих, либо среди стоящих. В доме стояла мертвая тишина, будто живых здесь и в помине не было. Мужики стояли, нахмутив брови, сжимая рукояти кинжалов. Вот уже весь род в сборе, а Батаг все не нарушает своего молчания. Молчат и другие. Наконец тяжелые веки Батага дрогнули, он неторопливо открыл глаза и, устремив взгляд на очажную цепь, стал говорить. И пока он говорил, веки его ни разу не моргнули:

— Позор, невиданный, неслыханный позор, словно папах, накрыл тебя, о доблестный род Барсага! Зная о нанесенной тебе обиде, ты своими руками извлек обидчика из могилы. Прослышав о таком чуде, люди по всей Осетии от удивления рты пораскрывали. Имя твое запятнано, лицо измарано в грязи, кто еще отведаст твоего хлеба, Барсагово племени? Как теперь станете жить среди людей, ведь малые дети и те будут плевать вам вслед, деревья станут горячими слезами оплакивать ваш невиданный позор, горные куропатки сложат о вас бесславные песни. Отныне место вам не на зеленых лугах, а в грязном болоте. На что надеешься, чем себя тешишь, род Барсага, презренным и опозоренным нет места в наших горах!

При этих словах грозные лица мужей заливают кровь, от гнева сердца их пылают синим пламенем, глаза вылезают из орбит.

— Дада, как о великом благе прошу о смерти. Дай мне право умереть! — вырвалось из груди Дада.

— Да, да, покараем нечестивцев или сами умрем! — хором повторили собравшиеся.

Глаза старого Батага засверкали так, будто он вдруг превратился в двадцатилетнего юношу.

— Смерть? Но когда смерть была спасением от позора? Когда она помогла смыть его или забыть о нем? Ну, обагрите вы мечи кровью презренного Албегова, кровью Царахон, и что же, разве это поможет смыть ваш позор? Изрубите родичей Царахон или позвольте себя изрубить родичам Албегу, разве это поможет избежать позора? Выбросите из склепа Албеговых всех покойников, втопчете их надочажные цепи в грязь, разве

это уменьшит ваш гнев? Смерть? Нет, ей никогда не смыть позора с ваших лиц! — и суровый, неумолимый Батаг опустил голову на грудь.

— Гнев и обида разрывает нам сердце, сознание наше мутится, не жди от нас разумного совета, старейший! Говори, что ты решил, не томи нас больше, — попросил Батага сидящий рядом старик.

Точно ловкий, проворный юноша, вскочил Батаг с места. Могучий голос его, прогремев по дому, приподнял крышу:

— Слушайте же, что вам скажет старый Батаг! Пусть горы позора обрушатся на грудь Барсагу, пусть реки бесчестия перемалывают камни и скалы на груди Барсага, не поддастся стальная грудь, выдержит. Род Барсаговых поступит так, как никто прежде в Осетии не поступал, и славное имя его останется в веках, пока на земле будет слышна наша речь. Идите и приготовьте для Царахон свадебный наряд, приготовьте что нужно для свадьбы. Не какой-нибудь бедный род справляет свадьбу, а род Барсага! Невесту вы сами выдаете и сватами сами будьте! И чтобы завтра вечером невеста была в доме Албегу. А теперь расходитесь, Барсаговы, готовьтесь к свадьбе!

Молча, безропотно расходились люди из большого дома Барсаговых.

Назавтра, когда весть разнеслась по селу, люди от удивления не знали, что и подумать. Потом вдруг все разом хлынули к дому старого Батага. Веселые, ликующие крики взлетели к небесам: народ благодарил, славил род Барсага. С большими почестями проводили Барсаговы Царахон в дом Албеговых. Целую неделю веселились люди на чудесной свадьбе Батага и Царахон, а потом каждый из гостей, возблагодарив Барсаговых, отправился в свой родной дом.

А вскоре у Батая и Царахон появились дети. Вновь пустил ростки род Албеговых. Совсем еще недавно жил один из них в нашем селе. Сосе его звали, до чего же славный мужчина был. Позже он в Кобан переехал.

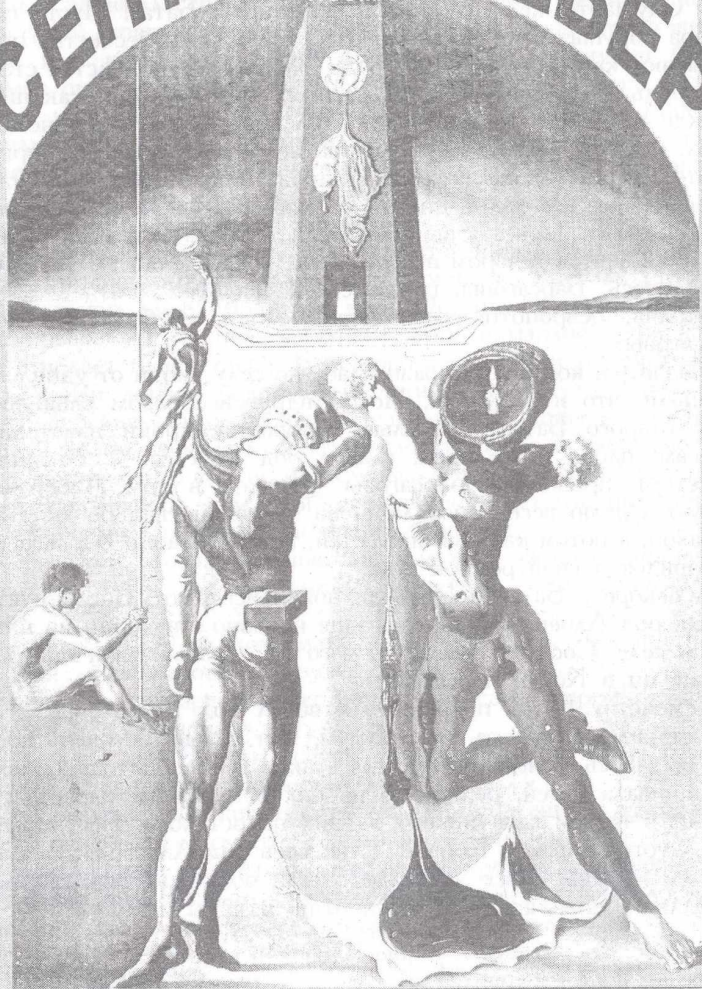
Семейству Батая покровительствовал род Барсаговых. Чем мог, старался услужить им и Батай. Вот только не очень крепким выдалось у него потомство. Какая-то непонятная болезнь подкашивала детей, редко кто из них в мужчину вырастал. С годами в нашем селе никого из них не осталось. Вот, может, Сосе пустил корни в Кобане, а так весь род Албеговых вымер. Их земли, реки — все за Барсаговыми осталось. Вот так, мои солнышки, жили когда-то наши отцы и деды.

Перевод с осетинского
Анатолия ДЗАНТИЕВА

Юрий МУЗАЛЬКОВ

СЕПТИМИЙ СЕВЕР

ПОЭМА

В оформлении использованы работы Сальвадора Дали

Когда к ногам Септимия Севера
Холеной сучкой приласкалась власть,
Он встретил будущее с бодрой верой,
Хоть Дидий Юлиан смеялся всласть
Над дерзким африканцем, ибо масть
Пунийская сквозь римский лоск виднелась,
Как темное пятно сквозь ветошь. Часть
Сенаторов молчком, однако смелость
Такую похвалила: драчки им хотелось.

Тем более, что прежний царь, Коммод,
Как гладиатор бился на арене
Перед народом. Но под Новый год
Он был задушен. И сенат, дуря
От радости, что рок постиг злодея,
Хоть Марк Аврелий был отцом его —
Владыкой Рима Пертинакса сделал
(На восемьдесят семь лишь дней всего).
Вольноотпущенника сын — а повезло!

Преторианцев будто б он прижал,
И невзначай они его убили
В возникшей заварушке. Очень жаль
Народу стало, а сенат уныло

Его назначил богом. А для тыла
Земного Дидий Юлиан был дан
Стране в правители. Деньки златые,
Скупясь казной, он упускал всегда,
И, скажем, поросенка за три дня съедал.

Сто девяносто третий то был год —
Год Петуха, о чем не знали в Риме.
От основания Рима — девятьсот,
Гм, сорок пятый... Дидия отбрили
Солдаты на местах: парад открыли
Различных претендентов. Клодий там
Альбин в Британии расправил крылья,
Песценний Нигер на Востоке... Срам,
Но победил Септимий — негр почти что сам.

Пуниец, и навряд ли в Карфагене
Считались предки знатью. А жена
Сирийка, родом. Имя папы — Гета:
«Курчавый» (по-арабски Джаада
С учетом сдвигов звуковых сюда
Подходит, думаю). Его в Карнунте,
Где плещется дунайская вода,
Чуть выше Вены нынешней, орудьем
На Юлиана сделали солдаты, грудью

Решив во имя Пертинакса стать,
А Дидия низринуть. Были иды:
Тринадцатый апрельский день. Узнать
Лишь стоило, что на Дунае лидер
Явился новый, как сенат, в обиде
На самозванство, объявил врагом
Отечества его. Но вскоре виден
Стал мощный меч. Подосланный тайком
Убийца сдался пред лицом грозы такой.

Направил сам преторианцам в Рим
Приказ Септимий: кончить Юлиана.
И был приказ исполнен. Вслед за сим
Туда явился он, сенатом званный.
Стоял июнь. Песценний же осанной
Его не встретил, а к рукам Восток
Прибрал, Византий обложил осадой
И целился на Ливию — исток
И родину Севера (Лептис Магна). Бок

Прикрыв тот парой верных легионов,
Септимий из Италии пошел
По Саве и Дунаю вниз без гонок.
Деревья покрывал весенний шелк
Уже давно, как реденький мешок,
Яркозеленый. А к исходу мая
В области гетов были, где большой
Устроен праздник, так как молодая
Жизнь Геты (сына), как пришли на брег Дуная,

Достигла пяти лет от роду. Он
Двадцать седьмого мая — до июньских
Календ в шестой, выходит, день рожден
В Медиолане был (Милан). Не узки
Места у гетов, так что недоуздки
Парадные на лошадей надев,
На приз скакали. С виду самых грузных
Легионеров выбрав из людей,
Борьбу затеяли: стоял веселый день.¹

И состязанья в воинских приемах
Наградами кончались. Серебро
Тут всякое, причем был список емок:
Оплечья в виде ожерелий, брошь
Какая-нибудь (орден, что ли), бровь
Тройная или четверная штучки
Такой вроде браслета — хочешь, брось
Врагу в лицо, коль нет меча прижучить.
И пояски с чеканкой по веленьям щучьим.

А зрители из ближних деревень
Стояли кучкой. Вдруг какой-то рослый
Парнишка отодвинул, как плетень,
Солдат охраны, хмурившихся грозно,
И подбежал к Септимию. Не поздно,
Спросил корявым слогом, за призы
Мне тоже побороться? Очень косно
Он выразился по-латыни: зык
Сонантов на фракийский смахивал язык.

¹ Был понедельник, год сто девяносто
Четвертый - год собаки. Очень просто
Проверить может это сам, кому не лень.

Септимий ухмыльнулся: ну, верзила!
 Не знает, что сноровка тут нужна,
 А вовсе не физическая сила.
 Велел позвать обозных крепких: на,
 Борись пока что с этими. Смешна
 Казалась мысль, но поборол шестнадцать
 Единым потом. Выдала казна
 Шестнадцать мелких премий. Записаться
 Смог в легион, чтоб впредь, как воин, подвизаться.

И выяснилось имя: Максимин,
 Чуть больше двадцати, а пас баранов
 До этого. С парнями и один
 Разбойникам засады делал, бранной
 Забавой тешась, и смирял буянов,
 Вторгавшихся из сопредельных стран.
 И предводителем был постоянно
 У молодежи. Матерью – алан,
 Отец же римлянин из Готии. Талан

Случился как-то с конницей поездить,
 Там и нанюхался латыни. Но
 Отчислен, так как явно не на месте
 Был с этим ростом: лошадь между ног
 Мог бы носить. Тем временем, как бог,
 Септимий веселился, ибо праздник
 В разгаре. Как-то торною тропой
 Он возвращался в лагерь. Среди разных
 Солдатских рож, со всех сторон глазевших праздно,

Он видит Максимиана, что его
 Фракийским поприветствовал манером,
 Весьма довольный. Речью грозовой
 Вмиг в легионных грянул офицеров
 Властитель. Мол, достойного примера
 Не получают воины от них
 Касательно приличий. И чтоб меры
 Принять, и чтоб солдат от сих до сих
 Знал, как начальников приветствовать своих.

А Максимин, поняв, что говорят
 О нем, что императором замечен,
 Как распутивший паруса пират,
 Из легиона бросился навстречу

Коню Септимия. Чтоб не увечить
 Героя, тот поворотил коня
 И быстро поскакал. Но ветра легче
 Держался рядом Максимин, гоня
 Во весь опор, хоть пеший. Из остатка дня,

Вконец запыхавшись, решил потеху
 Септимий сделать. Да, чтоб не забыть –
 Лет сорока восьми он был. Для смеха
 Спросил: что, хочешь побороться? Пыл
 После такой пробежки не остыл?
 Тот: даже очень, император! – дерзко
 В ответ. Север, опешив, холостых
 Ребят из самого крутого теста
 Велел готовить в предвкушении гротескной

Борьбы. И чудная была борьба:
 Как прежде, победил единым потом
 Семь самых сильных Максимин: он лба
 Не почесал! В награду ему подан
 Оплечник золотой, ведь было модой
 У римских воинов такую вещь
 Носить, как знак отличья. Мимоходом
 Септимий повелел его привлечь
 К охране собственной персоны. И прилечь

Отправился в палатку. Вечерело.
 А вскорости продолжен был поход
 Против Песценния, который спелой
 Маслиной ждал в Византии, свой сброд
 Отправился в палатку. Вечерело.
 А вскорости продолжен был поход
 Против Песценния, который спелой
 Маслиной ждал в Византии, свой сброд
 Отправив осаждать Перинф.¹ Хлопот
 Военных избегая, предложил он
 Северу править сообща, но тот
 Отверг, хоть милость обещал: ведь жили
 Когда-то в молодости, как друзья большие.

¹ У вод

Морских вблизи Византия (Стамбула)
 Стоял тот город, мыс уткнув сутуло
 В пучину. Ныне Эрегли.

Советники, однако, на войну
 Настроили Песценния, заботясь
 О власти и о шкуре: чуял нюх,
 Что кровь пойдет рекою. Много сотен
 Погибло, Нигер же увяз в болоте
 Близ Кизика и раненный взят в плен
 И вскоре умер, где волна колотит
 О берег Мраморного моря тлен
 Солдат погибших, с кизикских смывая стен.¹

Септимия он видел прежде смерти,
 А голова была отсечена
 И в Рим отнесена на толстой жерди.
 Семья сначала-то пощажена,
 Но после, как нагрязнула война
 С Альбином, приказал Септимий срочно
 Всех перебить. Погибли и жена,
 И мать, и сыновья. Все очень точно
 Исполнено, словно гиена труп курочит.

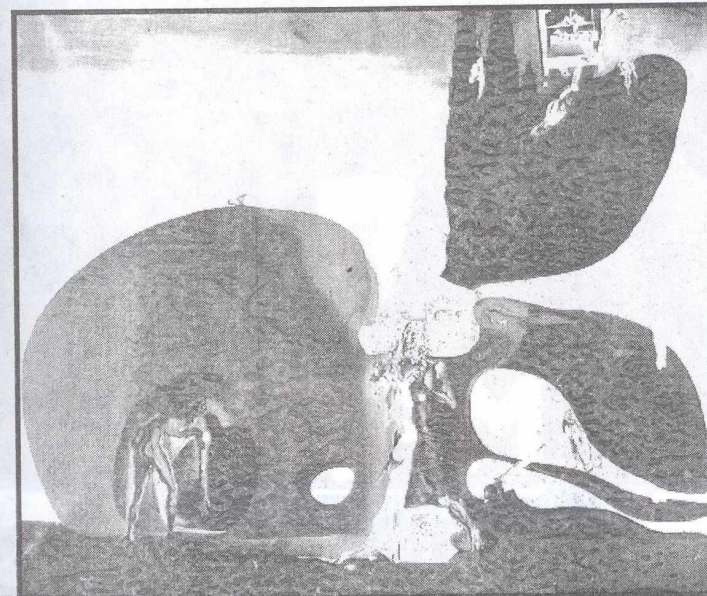
Клодий Альбин, как и Север, рожден
 Был в Африке, на юг от Карфагена,
 В старинном Гадрумете (Сус). На трон
 Залезть не смог он, но Септимий, гений
 Политики, чтоб жить без осложнений,
 Назначил было цезарем его
 (Наследником престола). Только тени
 Убийц тому почудились. И свой
 Удел спасая, он вступил в неравный бой.

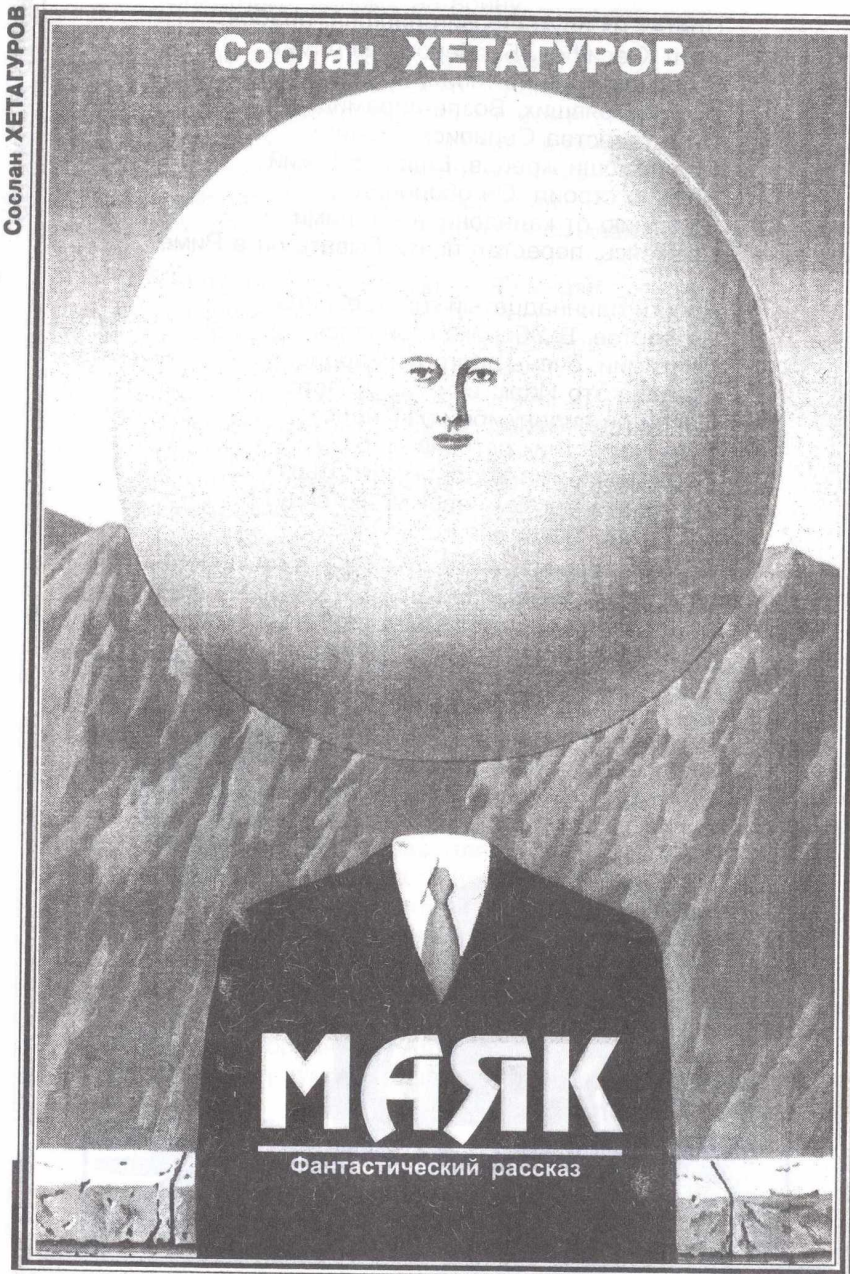
И девятнадцатого февраля
 Он принял смерть, в году сто девяносто
 Седьмом, от собственной руки, поля
 Над Роной озирая. Значит, остов
 Империи, хоть и немного поздно,
 Вновь сросся в целую величину.
 Септимий проредил в сенате воздух,
 Казнив сторонников Альбина. Гнул
 Он арки триумфальные, как мастер, стул.

¹ На море Мраморном есть полуостров
 Калыдагы, где южный берег. Врос он
 Подобно грыже в море. Перекоп
 По форме, перешеек - вот прикол!
 Был занят городом. Теперь пыльцу там ветер носит.

Плетет из прутьев. Бил парфян, арабов,
 Взял Ктесифон. Берберов разгромил
 В родной Триполитании, нахрапом
 Все разорявших. Возле пирамид
 Он в таинства Сераписа проник
 При помощи жрецов. Еще Септимий
 Немало строил. Он оборонил
 Британию от каледонцев — с ними
 Сражаясь, перестал почти бывать он в Риме.

Двести одиннадцатый год, февраль,
 Четвертое. В Эбораке скончался
 Септимий, очень долго прохворав.
 Сегодня это Йорк: в ту пору часто
 Царей он видел, ибо назначался
 Туда наместник острова. В ряду
 Солдатских императоров считается
 Септимый мог бы первым. Но ведут
 Обычно с Максимиана эту череду.

Айзенк и Волк растерянно смотрели на пустые полки.

— Вот так, — уныло произнес Волк, — восемь банок чесночной приправы и один прошлогодний сухарь.

— Зато воды сколько хочешь, — отозвался Айзенк, — так что от жажды мы не умрем.

— Может быть, нас скоро найдут, — без особой надежды в голосе сказал Волк. — Иначе долго мы не протянем.

И они снова посмотрели на пыльные пустые полки.

Планетка им подвернулась веселенькая — повсюду одни только голые бесплодные скалы да застывшие потоки вулканической лавы, усеянные угловатыми блестящими камнями. Ни единого деревца, ни единой травинки. Негостеприимное место. По крайней мере, там, где они совершили посадку. Впрочем, выбирать особенно не приходилось — они сели на первую же подвернувшуюся планетку.

Айзенк и Волк, как обычно, совершали рутинный транспортный рейс. Они только что доставили геологам на станцию Альфа-пять оборудование и почту и возвращались на базу, чтобы забрать новый груз. Все как обычно. Но, как известно, в космосе стопроцентно безопасных путей нет. Айзенк и Волк это, конечно же, знали, но все же для них было неожиданностью, когда вдруг неизвестно откуда взявшийся метеорит пробил им отражатель основного двигателя. Мало того, поврежден был и топливный отсек, так что все топливо улетучилось в космос.

Но и на этом несчастья не кончились — при срочной посадке на кстати подвернувшуюся планету вышла из строя связь. Даже сигнал бедствия подать не успели. Повезло еще, что на планете оказалась почти пригодная для дыхания атмосфера. И не успели они обрадоваться этому обстоятельству, как выяснилось, что холодильник совершенно пуст.

Было над чем задуматься.

— Извини, — сказал наконец Волк, огорченно ероша свои и без того встрепанные рыжие волосы. — Это моя вина. Но ты же знаешь этих геологов — у них вечно голодные глаза. А мы скоро рассчитывали быть на базе.

— Не извиняйся, никто не может угадать, где на него свалится кирпич. Будем ждать.

— Они не знают, где мы сели, а мы сильно отклонились от трассы. Тревогу поднимут дня через три, если не вернемся. Свяжутся с геологами... ну это еще день. Потом начнут искать. Хотя здесь и близко, но планет много. Пока все облазят... не меньше двух-трех недель.

— Ну ладно. Ситуация, конечно, неприятная, но мы как-нибудь продержимся. Я пойду пока в топливный отсек, а ты посмотри, что можно сделать с передатчиком. Главное — наладить связь.

— Вряд ли из этого металлолома можно еще что-то сделать. Я же миллион раз говорил, что нужен новый передатчик. Но я посмотрю.

Мезут, щурясь, выполз из пещеры, встал на непослушные от недостатка воды ноги и огляделся. Ночь он провел у постели своей внучки Нали. У нее опять был бред, вся кожа покрылась зелеными сухими чешуйками, которые, отпадая, обнажали молодую незащищенную древесину. Только под утро ей стало лучше, и она успокоилась. Мезут тоже забылся наконец чутким беспокойным сном. Сквозь сон он слышал какой-то гул, но решил, что это снова проснулся старый вулкан за холмами. А теперь он увидел, что никаких признаков извержения нет, вулкан спит, как и раньше. Но ведь ночью он слышал с этой стороны какой-то шум. Но надо набрать воды. К тому же и источник в той же стороне. И Мезут, не торопясь, двинулся к источнику.

Он был стар, но возраст его был не таким большим по сравнению с тем, как жили раньше. В его племени всегда жили очень долго. Когда-то их было очень много. Склоны холмов сплошь были усеяны пещерами, а внизу, у их подножий, резвились дети. Это было не так давно, но порой казалось, что этого и не было вовсе, или было в древние-древние времена.

Болезнь начиналась незаметно. Это была странная, непонятная болезнь, от которой не было излечения. Сначала умирали самые слабые, потом уже целыми семьями, и их оставляли прямо в их же пещерах и заваливали вход камнями. Но это не помогло, и болезнь продолжалась. Теперь же их осталось всего пятеро — он, его внучка и трое из семьи Загов. Неужели так и придет конец всему племени?

Мезут вспомнил, что говорил ему отец незадолго до того, как болезнь погубила его. Он говорил, что болезнь эта из-за того, что они слишком долго живут на одной земле, а земля эта стала почему-то нездоровой. И единственный способ выжить — уйти на новые земли. Там, за горами, много хорошей земли. Но племя Мезута не любит переходов и долгой ходьбы. Пока решали идти или нет на новые земли, стало уже слишком поздно. И вот их осталось всего пятеро. Что-то будет с ними?

Размышляя так, Мезут добрался до источника и сел, устало погрузив в него ноги. Вода была живая, и Мезут, стараясь побольше запасти ее, целиком залез в источник и пил воду всей кожей, до тех пор, пока не пересытился ею. Пора было возвра-

щаться. Но перед этим все же решил взобраться на холм и посмотреть, что же было причиной ночного шума.

Он был полон водой, и поэтому взбираться было трудно и тяжело. А когда наконец взобрался и, отдохнув немного, взглянул вниз, то увидел неведомое. И замер, стараясь запомнить все как можно лучше и не выдать при этом своего присутствия. Он бы долго еще разглядывал непонятное, если бы не вспомнил вдруг о своей больной внучке. А вспомнив, заторопился в обратный путь.

Айзенк и Волк трудились целый день, и в результате топливный отсек был приведен в рабочее состояние, но все равно топлива не хватило бы даже на взлет с планеты. Связь наладить так и не удалось.

— Ничего нельзя сделать, — авторитетно заявил Волк, грызя свою половину сухаря, — вот если бы у меня были запасные блоки, я бы смог, а так... — и выразительно взмахнул рукой.

— Значит, будем ждать. А завтра обследуем ближайшие окрестности, — решил Айзенк, — а сейчас — спать.

На следующее утро Айзенк проснулся от неприятного чувства в животе. Постель рядом пустовала — Волк уже встал. И Айзенк отправился искать его. Он нашел Волка на кухне яростно отплевывающимся. В воздухе стоял резкий запах чеснока, и Айзенк, сразу все поняв, расхохотался:

— Ты, что же, решил это попробовать?

— Как видишь, — огрызнулся Волк, прополаскивая водой рот. — Ну и гадость. К тому же и срок годности давно уже истек.

— Послушай, у меня ночью возникла идея. А вдруг не вся планета такая безжизненная? Может быть, где-то есть хотя бы растительность?

— На что ты намекаешь? Если здесь и есть растительность, пробовать ее будешь ты, а я уже свою норму отработал с лихвой. Но спасибо за предложение. И в справочник заглянуть тоже стоит.

— А что толку? Мы даже не успели определить, что это за планета. Не до этого было. Нужно самим все посмотреть. Вдруг уже за вон теми холмами лежат плодородные долины?

— Вот это фантазия! Будь реалистом.

— И все же осмотреть окрестности не помешает, — упрямо сказал Айзенк.

— Согласен.

— А раз так, пойдем одеваться.

— Нам еще повезло, что здесь низкая гравитация, — сказал Айзенк, обходя звездолет. — При посадке пострадал только один амортизатор. Можно исправить за несколько часов.

— Это, конечно, хорошо, — сказал Волк, озабоченно оглядываясь вокруг.

— Знаешь что, пойдем-ка вон к тому холму.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, что там за этой грядой. В том месте она ниже всего.

— Но зато и дальше.

— Пойдем.

— Ну пошли, если ты так рвешься.

Восхождение оказалось не из легких, и уже где-то на полпути они почти совсем выбились из сил, несмотря на пониженную силу тяжести. Мешали тяжелые защитные комбинезоны.

— Я никогда не был мастак в скалолазании, — пропыхтел Айзенк, присев на камень. — Я и в горах всего-то раза три и был. На Земле.

— А что там, на Земле?

— Родители. Под старость переселились в горы, да в такую глушь, что по земле и не проехать. Живут, словно в каменном веке, кроме телефона и телевидения никакой связи.

— Да это все причуды. Лет им, должно быть, порядочно?

— Отцу уже за сто пятьдесят перевалило.

— Возраст солидный, что и говорить. Ну ладно, полезли дальше.

— Надеюсь только, что мы лазили не зря, — пробурчал Айзенк, неохотно вставая с камня.

И когда они наконец перевалили через вершину, сразу стало ясно, что лазили они не зря. То, что они увидели внизу, в открывшейся их взгляду долине, очень было похоже на поля. Квадраты и прямоугольники имели разный цвет — серый, бурый, охряно-красный. Это не могло быть каким-то естественным образованием — геометрия расположения полей была явно продуманной.

— Вот мы и нашли их, выдохнул Айзенк. — Даже не верится.

— А самое главное, у них может быть что-нибудь съестное, — заметил более прагматичный Волк. — Спускаемся?

— Спускаемся, — согласился Айзенк.

От упоминания о еде оба почувствовали, что зверски проголодались.

— Как ты думаешь, — прокричал Волк, прыгая с камня на камень, словно занимался этим всю жизнь, — их пища подойдет нам?

— Трудно сказать, — откликнулся Айзенк, — но поскольку это все же кислородный мир, то, вероятнее всего, подойдет.

— Ладно, потом разберемся.

И они продолжили спуск.

Где-то, почти на середине склона, они наткнулись на проби- вающийся сквозь землю ручей, образовавшийся в этом месте не-

большое озеро. Вода была на вид хрустально чистой, но Айзенк на всякий случай проверил ее ручным анализатором.

— Ну как, можно пить? — нетерпеливо спросил его Волк.

— Можно. Идеально чистая вода.

Волк тут же нагнулся, зачерпнул в пригоршню воды и вдруг замер с поднесенной ко рту рукой.

— Смотри-ка, — сказал он шепотом. — Там, на том берегу... видишь белый камень? Рядом...

— Что? — Так же шепотом спросил Айзенк. — Что там?

— Да смотри ты, — настойчиво повторил Волк — Вон.

И вдруг Айзенк увидел на другом берегу длинную серую корягу с многочисленными ветками, погруженными в воду.

— Я не понимаю, что... — начал было он, но вдруг коряга шевельнулась, слегка повернулась в воде, и Айзенк увидел, что у нее есть глаза. Глаза серые и большие, и они смотрели внимательно и без страха.

Вернувшись от источника, где он увидел неведомое, Мезут никак не мог успокоиться, и все время думал об этом. К счастью, внучке стало немного лучше, и он смог больше времени посвятить заготовке питательных корневищ. На заброшенных полях, несмотря на то, что их давно никто не трогал, растения продолжали активно плодоносить, только измельчали и выродились. И в них не было многих необходимых веществ, а на некоторых полях растения стали почему-то ядовиты. Но Мезут отгородил часть поля и, когда было время, возделывал его, и там всегда были крупные и здоровые растения. Заготовив достаточно растений, Мезут решил снова сходить за водой к ручью. Вода не была ему нужна пока, просто хотелось снова взглянуть на неведомое. Смутно вспоминал, что когда-то, очень давно, так давно, что трудно даже сказать, было ли это вообще, он слышал рассказы древнего Ракки, который в свою очередь услышал их от своего отца, о чем-то похожем на то, что Мезут видел у озера. Но это были сказки стариков, и никто к ним особенно не прислушивался. Разве что дети, когда им становилось скучно резвиться перед пещерами. Но сказки забывались, как только были рассказаны, слишком уж непонятными они были. А теперь он почти ничего не мог вспомнить и жалел об этом.

Мезут почти целиком погрузился в воду, она была живой и чистой, совсем не такой, как вода в реке, она легко растекалась по его стариковским жилам. Это было хорошо и приятно, и вызывало воспоминания о тех временах, когда воды было много и народу было много, и поля давали невиданно щедрый урожай. Все было по-другому. А потом вдруг что-то случилось. Неизвестно почему испортилась вода в реке — стала неприятной, и растения, которые поливали этой водой, становились несъедоб-

ными или безвкусными. А потом началась та страшная болезнь...

Мезут так погрузился в свои размышления, что не заметил, как что-то вокруг него изменилось. Он почувствовал рядом чьи-то мысли и обернулся, чтобы понять, откуда они исходят. И увидел двух существ. Он не испугался. Сильные эмоции вообще несвойственны его народу, и к тому же он был слишком стар, чтобы чего-то бояться. А ведь это были они, спиты. Существа из стариковских сказок.

Айзенк и Волк замерли, боясь шелохнуться и спугнуть это странное животное, похожее на корягу. А коряга больше не шевелилась и внимательно смотрела своими глубокими серыми глазами. В этих глазах было что-то стариковское, что-то, заставлявшее думать, что их хозяин прожил длинную трудную жизнь.

— Как ты думаешь, — шепотом спросил Волк, — оно разумное?

— Откуда же я знаю. Может быть, и да.

И они почувствовали, что что-то произошло. Это было внутри них. Странное ощущение заданного вопроса. Как будто их спросили о чем-то, но не словами и не звуками. Это был не сам вопрос, только ощущение его. Как бывает, если помотришь на яркий свет и зажмуришь глаза, а ощущение света остается.

— Кажется, это оно, — испуганно прошептал Волк, — я чувствую. Оно что-то спрашивает. Мне все мерещится что-то перед глазами... какие-то картинки.

— А я не вижу никаких картинок. С тобой все нормально?

— Да погоди ты, — отмахнулся Волк и снова закрыл глаза, — не мешай.

И как только он закрыл глаза, четко увидел это: множество существ, похожих на эту корягу. Одни были чуть меньше, другие — чуть больше. Они занимались чем-то. Волк вдруг понял — обрабатывали поля. Потом — еще что-то, совсем непонятное. А вот что-то похожее на пещеру, и в ней множество существ. Спят. Но потом Волк понял, что они или умерли или чем-то больны. И вот — их всего пятеро, и один из них — эта самая коряга. А потом еще одна картинка — космический корабль. Это был их космический корабль, и на него смотрели сверху. Может быть, с этой вершины. И все исчезло.

— Волк, очнись, что с тобой случилось? — тормошил его Айзенк. — Ну, наконец-то. А то я прямо не знал, что и делать. Застыл, как изваяние. Что с тобой было?

Волк молчал, медленно приходя в себя. Потом задумался:

— Я совершенно уверен, что это существо разумное, — он кивнул в сторону коряги. — Насколько я понял, у них было что-то вроде эпидемии, какая-то болезнь. Сейчас их осталось очень мало — кажется, всего пятеро. Да, пятеро. Я видел пятерых.

— Видел?

— Да. Оно мне показывало все это. Что-то вроде телепатии.

— А почему же я ничего не видел? — с недоверием спросил Айзенк. — Почему ты один?

— Может быть, я более восприимчив, — предположил Волк, — или оно не может контролировать одновременно двоих. Не знаю.

— Что же, вполне возможно. Что ты еще видел?

— Наш корабль. Вид был сверху, с этой вершины, глазами этого существа.

Айзенк задумался. Потом посмотрел в сторону коряги, находившейся все в том же положении, и перевел взгляд на Волка.

— Послушай, оно только картинки показывает? Не говорит?

— Нет. Понимаешь, это смутные образы, не слова. Даже не мысли. Ощущения. Я уверен, что эти существа не умеют говорить.

— А ты можешь ему что-нибудь передать? Ну, для начала попроси хоть еды.

— Откуда же мне знать, как выглядит их еда? А иначе как он поймет? Но я попробую.

Он попытался сосредоточиться, представил себе поля, на них много существ, они что-то собирают. Какие-то растения. Он представил себе это растение, потом Айзенка с этим растением в руках, и как он его ест.

Когда он открыл глаза, вовсе не уверенный в успехе, коряга зашевелилась и поползла из воды на берег.

— Получилось, честное слово, получилось! — радостно хлопнул Волка по плечу Айзенк. — Видишь, оно выходит из воды.

— Да? — слабым голосом сказал Волк. — А я не верил, что что-то получится.

— Он, кажется, хочет, чтобы мы шли за ним. Стоит, делает шаг, и снова стоит. А посмотри-ка! Ведь это же... Это же растение!

Действительно, существо очень было похоже на какое-то растение. Корни выполняли, видимо, одновременно и функцию ног, тело было покрыто не то чешуей, не то корой, число рук (или ветвей) разобрать было трудно. С них капала вода, а корни оставляли на земле влажный след. Одним словом, довольно необычное создание. Но оно не казалось страшным или уродливым, только очень уж непривычным.

— Да, такого земляне еще не встречали, — сказал Айзенк, пытаясь припомнить энциклопедию. — Хотя, кажется, на планете Тан в звездном скоплении Ксант обнаружены полумрачные растения, но ходить они не умеют. Я думаю, что...

— Ладно, ладно, пойдем лучше за нашим новым знакомым, — перебил его Волк. — Может быть, у него действительно найдется что-нибудь съедобное.

— Ты прав. Пошли.

Существо двигалось не слишком быстро, но и не так уж медленно, как можно было бы ожидать. Они спустились с крутого склона и двинулись вдоль подножия по едва заметной петляющей тропинке к полям. За полями снова были видны нагромождения скал, где-то совершенно выветрившиеся, а где-то гладкие, словно отполированные. На отполированных поверхностях были видны какие-то темные пятна.

— Кажется, нам туда, — заметил Волк. — Это, видимо, пещеры.

— Похоже на то. Минут за двадцать доберемся.

Это, действительно, оказались пещеры. Почему-то некоторые из них были завалены камнями.

У входа в одну из пещер они остановились. Существо не стало их приглашать внутрь, да у них и не возникло желания идти неизвестно куда в темноту. Огня, как видно, аборигены не знали. На время они остались одни.

— Теперь эту планету назовут нашими именами, — толкнул друга плечом Айзенк — Как ты к этому относишься?

Волк только хмыкнул.

— А мне все равно. Гораздо больше меня интересует то, что у них здесь произошло. Может быть, мы как-то сумеем им помочь?

— Этим растениям?

— Ну, назовем их друидами.

— Друидами?

— А что? Есть на Земле легенда о странных сказочных существах, живущих в лесу. Они так долго жили в нем, что сами, в конце концов, стали похожи на деревья.

— Кстати, леса здесь как раз и не видно. Голые скалы.

— погоди. Мы-то вначале думали, что на всей планете вообще нет ни травинки. Как знать, будут тебе еще и леса.

Они услышали в глубине пещеры шорох — друид возвращался. Он действительно принес что-то, как будто съестное. Корни какого-то растения, клубневидные, тщательно отмытые и просушенные. Он положил их на землю, недалеко от астронавтов, и снова отошел к входу пещеры.

— Думаешь, стоит попробовать? — с сомнением спросил Айзенк. — А вдруг это для нас чистой воды яд?

— Все равно сдохнем от голода, — философски изрек Волк, подбирая с земли небольшой клубень и стряхивая с него налипшие камешки. Так не все ли равно, от чего загнуться.

— Постой-ка, — удержал его Айзенк, — я совсем забыл про анализатор. Сейчас проверим.

Пока Айзенк хлопал себя по карманам, Волк уже откусил от клубня кусочек и с задумчивым видом принялся пережевывать его во рту языком, словно он был слишком горячий.

— Стой, что ты делаешь! — закричал Айзенк, подняв глаза и увидев, как ест Волк. — Сейчас же выплюнь! Я еще не проверил!

— Между прочим, довольно приятный вкус, — не обращая внимания на его вопли, сообщил Волк. — Сладковатый. Что-то он мне напоминает.

В это время затрепал анализатор, и Айзенк взглянул на его показания.

— Ты прав. В этих клубнях высок процент содержания сахара. Крахмал, практически все необходимые аминокислоты, следы жира, белок. И микроэлементы: железо, медь, цинк...

— Значит, есть можно, — с набитым ртом кивнул Волк, надо будет набрать их побольше.

— Где-нибудь на поле выкопаем, — согласился Айзенк, осторожно беря в руки клубень, — действительно, вполне сносно.

— Особенно после трехдневной диеты, — подхватил Волк.

Пока друзья были заняты гастрономическими открытиями, друид отошел от пещеры и двинулся к полю. Когда они закончили первое знакомство с местной пищей и снова обратили внимание на своего благодетеля, тот был уже достаточно далеко. Они подошли к нему поближе и с удивлением обнаружили, что он занимается поливкой растений. Причем поливал он их весьма странно — вода сочилась у него прямо из рук и стекала на землю тоненькой струйкой.

— Наверное, он может запасать в своих корневищах воду, — предположил Волк, — и когда нужно, извлекает ее.

— Похоже, что так оно и есть. Вспомни, мы же нашли его сидящим в ручье.

И, не желая мешать, они отошли подальше в поле и принялись усердно выкапывать из земли съедобные клубни. Но эти были почему-то заметно меньше. Неожиданно рядом с ними возник друид, он вел себя как-то обеспокоенно. Волк снова увидел перед глазами те же картинки — множество неподвижных друидов в огромной пещере, одни — больны, другие — мертвы, и все это как будто было связано с этими клубнями, которые они сейчас выкапывали.

— Послушай, — обратился Волк к своему напарнику, — проверь-ка эти растения.

— Сейчас, — ответил Айзенк, доставая анализатор. — Дай-ка их сюда.

Через минуту все стало ясно.

— На этом поле все заражено тяжелыми элементами. Повышенная радиоактивность. Нечего и говорить — есть их нельзя ни в коем случае. Запросто можно подхватить тяжелую форму лучевой болезни.

— А теперь проверь, пожалуйста, то поле, которое он сейчас поливал, — попросил его Волк, смутно о чем-то догадываясь. — Что-то тут не так.

Действительно, это было странно — на другом поле уровень излучения был значительно ниже. Волк попытался спросить у друида, что это значит. Хотя не сразу, но Друид показал ему реку — из нее поливали поле, то поле, где они только что были, потом показал свое поле, но его поливали водой из ручья в горах.

— Кажется, он хочет сказать, что когда началась эпидемия, он стал поливать свое поле родниковой водой, а не из реки, как делал раньше. Река теперь почему-то заражена. Кстати, где она? Не мешало бы нам на нее взглянуть.

Река была не очень большая, но было видно, что когда-то воды в ней было гораздо больше. А потом обмелела. Проверка показала в воде очень высокую радиоактивность.

— Надо подняться вверх по течению, — решил Айзенк, — так мы найдем источник заражения.

И они двинулись вверх по реке. Друид сначала шел за ними, а потом начал отставать и в конце концов вообще остановился. Они тоже остановились.

— Видишь, он не хочет идти, — сказал Волк.

— Ну и что? Без него обойдемся.

— Подожди. Посмотрим, что будет.

Друид постоял, сделал несколько шагов в сторону, снова постоял, снова сделал несколько шагов, словно приглашая идти за ним. И они решили на него положиться.

Шли они, судя по всему, параллельно реке, только она текла теперь по одну сторону холмов, а они шли с другой стороны. Дорогу было невозможно запомнить — местность была сильно изрезана оврагами, расщелинами, буграми, которые приходилось огибать. Шли долго. Они уже окончательно выбились из сил, а друид все так же уверенно вел их только ему известной дорогой. Наконец после очередного поворота им открылась совершенно ровная, словно отполированная площадка. На ней стояла оранжевая блестящая полусфера высотой метров пять.

— Смотри-ка, — прошептал Волк. — Это же маяк.

— Как он здесь оказался? — так же тихо спросил Айзенк, словно боясь спугнуть его.

— Не знаю.

Волк подошел к маяку и осторожно, словно боясь, что он исчезнет, дотронулся до его гладкой поверхности. Она была слегка теплой. Потом обошел его кругом и скоро нашел нужную кнопку. С тихим шипением раздвинулись створки и открылся вход. Внутри автоматически зажегся свет, словно приглашая войти. Они вошли, а друид остался топтаться у открытой двери.

Обычно, если на планете нет высокоразвитой разумной жизни, то на ней после исследования ставят маяк, или даже несколько маяков далеко друг от друга. Маяк снабжен всем необходимым, что может пригодиться людям, попавшим в катастрофу или по каким-либо причинам терпящим бедствие. И самое главное — маяк снабжен мощной передающей станцией, которая в случае необходимости может послать сигнал бедствия через любое расстояние. И это было самым главным назначением маяка. Но ведь у этой планеты в каталоге был только номер, а это значило, что ее не изучали люди. В лучшем случае здесь побывал автоматический разведчик. Все изученные планеты обязательно имеют имена. Оставался еще один вариант. Здесь кто-то терпел бедствие и был спасен.

Айзенк нашел в маяке достаточно большой запас пищевых концентратов, а Волк успел проверить передатчик и убедиться, что он функционирует. И тут же послал сообщение на базу. Оказалось, что их ищут, но совсем в другом секторе. Помощь должна прийти не раньше, чем через четыре дня.

— Вот и закончилось наше приключение, — сказал весело Айзенк. — Когда нас заберут?

— Не раньше, чем через четыре дня.

— Ну что же, теперь смерть от голода нам не угрожает

— Да. Но осталось выяснить еще одну вещь.

И Волк пошел искать какое-нибудь сообщение, оставленное теми, кто поставил здесь маяк. И он нашел его. Здесь, неподалеку, совершил вынужденную посадку пассажирский лайнер. Это было почти сто лет назад. Были жертвы, но всех, в конце концов, спасли. А корабль оставили здесь. И неподалеку — маяк. И еще один — на другом полушарии.

Выслушав сообщение, Волк помрачнел. Потом молча пошел проверять снаряжение, которым был снабжен маяк, и заставил Айзенка переодеться в найденные противорадиационные скафандры.

— Идем, — сказал он наконец, сделав все приготовления. — Нужно еще кое-что сделать.

— Куда? — ничего не понимая, спросил Айзенк.

— Туда, — махнул рукой Волк, — должно быть рядом.

Разбитый лайнер действительно оказался рядом. Это был старый звездолет с атомным двигателем, каких уже давно не

ставят на корабли. Он лежал, накренившись. Почти со всех сторон его окружали нагромождения скал, и только с одной стороны ничего не было. А река брала свое начало именно здесь. Волк обошел лайнер, внимательно его разглядывая, и быстро нашел то, что искал.

– Видишь, – сказал он, показывая рукой, – они не позаботились даже проверить, не поврежден ли реактор. Может быть, вначале ничего и не было видно, но потом трещина значительно расширилась. Находиться здесь без скафандров смертельно опасно, даже сейчас, когда прошло столько времени. А ведь с момента катастрофы прошло больше ста лет!

– Ну и что же мы теперь можем сделать? – возразил Айзенк. – Тех людей, вероятно, давно уже нет в живых, или они составились.

– Ты не понимаешь! – взорвался Волк. – Ведь это по вине людей здесь вымерли друиды. И мы тоже в ответе за это!

– Мы ни за что не в ответе, – возразил ему Айзенк, – нашей вины здесь нет.

– Твоей вины, может быть, и нет, но я чувствую себя в ответе за все. И я обязан что-то сделать.

И с молчаливой злостью принялся за работу. Нужно было найти трещину и залить ее свинцовым пеноизолятором, потом вообще залить весь реактор, дюзы, весь двигатель изнутри и снаружи, чтобы полностью исключить любую утечку.

Айзенк мялся вокруг, пытаясь помочь, но Волк справлялся и сам. Заканчивали уже при свете шламмовых ламп. А потом пошли к маяку. Друида там не было.

Вдруг Айзенк, что-то вспомнив, полез ковыряться в аптечке. А Волк устало повалился в кресло. Он сразу догадался, зачем Айзенк роется в аптечке.

– Брось, ты ничего не сможешь сделать. Мы же не знаем их обмена веществ. Наши лекарства не вылечат друидов от лучевой болезни, это точно.

– Ну и что же, что мы не знаем их обмена веществ? Есть и другие способы. А! Вот оно!

– Что там?

– Простой десорбент. Кажется, так он называется. Вспомни, они буквально хранят в себе воду. Значит, в его организме препарат может раствориться, а большего и не нужно. Растворенный, он блокирует все радиоактивные вещества и выводит их. За несколько часов твой приятель и его соплеменники будут почти здоровы. Конечно, надежда небольшая, но попробовать можно. Завтра пойдем.

Но Волк уже вскочил на ноги:

– Не завтра. Прямо сейчас.

– Почему? Ночь уже.

– Почему? Потому, что он ждет нас за дверью. Я почувствовал его мысли. Он просит помощи.

Волк придирчиво проследил за тем, чтобы поврежденный реактор надежно изолировали и погрузили в трюм. Роботы проделали точно. Четыре дня они провели не просто так. Они многое сделали, и теперь в долине стало чуть-чуть чище. Конечно, пройдет еще немало времени, пока земля совершенно освободится от радиоактивного заражения, но вода в реке уже почти чистая. А вода для друидов – самое главное. А вот и они – старый друид и его внучка, которую они в ту ночь спасли от смерти и вылечили от лучевой болезни. Старый друид не боится, а внучка слегка робеет. Какие забавные картинки она передает! Вот поодаль еще трое. Их мысли вообще не слышны – далеко. Но и так можно понять, что они совершенно сбиты с толку. Есть от чего. Еще бы: теперь точно придется переселяться на новое место, на новые земли. Не было такого никогда. Но Волк объяснил друиду, что вся их болезнь – из-за зараженной воды. А почему заражена вода, умолчал. И до сих пор не решил, правильно ли он поступил. Но теперь все позади. Он оставил им кое-какие полезные инструменты для земледелия и еще всякую полезную мелочь. Теперь им ничего не грозит. А дорогу к месту нового жилья он им уже показал. И даже подготовил для них несколько вполне комфортабельных пещер. От домов они отказались наотрез. Ну что же, теперь все будет хорошо.

После прощания, которое было недолгим, друиды тут же двинулись в путь, везя поклажу на небольших подаренных Волком тележках. Они были им несказанно рады. И пока они удалялись, Волк смотрел им вслед. И размышлял о друидах. Он так и не понял, растения это или нет, и как они общаются между собой.

Его размышления прервал Айзенк, выглянувший из люка:

– Волк! Поднимайся! Готовность – десять минут. А что, друиды уже ушли?

– Ушли. Можно взлетать.

Волк поднялся по трапу и вошел в корабль. Но перед тем как закрыть за собой люк, он еще раз оглядел эту землю с ощущением, что он сюда еще вернется. Потому что человек всегда должен отвечать за свои поступки. И за ошибки тоже.

ТАМАРА ГУСОВА

МОЙ БЕРЕГ

Как беспощадная тоска
 Меня в твои владенья тянет,
 Зовет меня издалека,
 Из глубины сердечных граней.

Мелодии твоих шагов
 И пальцев длинных монограммы,
 Смешалось все в метели слов
 Бессонницы в оконной раме...

Вот здесь когда-то ты ходил,
 Ты полюбил кварталы эти...
 О, Господи! Хватило б сил
 Пройти по гулкому паркету.

Хватило б сил не повернуть,
 Не побежать к заветной двери,
 К твоим ладоням не прильнуть,
 И не простить, и не поверить.

Рук бледных леденящий хлад,
 Перил рассерженных бряцанье...
 Вперед, вперед! А не назад.
 Скорее — от знакомых зданий.

Все. Кажется, ушла от грез.
 Теперь — в толпу. Поближе к людям.
 Спасусь от набежавших слез
 И, наконец, тебя забуду.

МАЯК

Когда-нибудь. Не очень скоро.
В том самом месте, в тот же час,
Нас вновь обнимут волны моря,
Которые бросали нас.

Когда-нибудь. Поодиночке.
К тому потянет маяку,
Где два окна горят, как точки,
Где б столько счастья на веку.

Когда б не чья-то клевета,
И наша злая суета.

Я ухожу. И покидаю
Последней гаснувший маяк,
К чужому свету принимаю,
Чтоб в ледяной не кануть мрак.

Я оставляю все приметы
Застывшей нежности моей.
И если ты замерзнешь где-то,
Здесь свою душу отогрей.

Найди последние слова:
«Ты – мой. Покуда я жива».

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

О Боже! Что за наважденье!
Опять – звонок.
Стальным гвоздем сердцебиенье
Сверлит висок.

Но почему опять – молчанье?
Смех пустоты.
Врываются воспоминанья,
Где – только ты.

Гудки слагают серенады,
Твердят, твердят,
Что надо верить, надо, надо
Назад, назад.

Кто это был? – меня спросили
Мой взгляд угас.
«Не в ту квартиру позвонили,
А может, – Вас.»

* * *

И часто так во сне я вижу,
Под шепот струй,
Соединеньем пары вишен
Наш поцелуй.

Дождь чистотой наполнит воздух
И смоем пыль,
Клонима ветром, ищет отдых
Трава – ковыль.

А в поцелуе том мятежном
Полынь горчит,
И нерастроченная нежность
В висках стучит.

Как сердце сладко замирает,
Как ясен он...
Хоть и во сне я точно знаю,
Что то – лишь сон.

* * *

Мне снился новгородский сон –
Боярыней к тебе сошла.
Был ты хоть чуточку влюблен?
Я сердце чудом сберегла.

Они все знали наперед,
Старинных храмов купола,
Что жизнь с тобой нас разведет,
Что память о тебе светла.

Потомки скифов и сармат,
Таким разлуки нипочем.
Тогда о чем они грустят,
Когда сидят перед огнем?

Вновь слышен колокольный звон
Под гомон недовольных птиц.

Как больно душу ранит он,
Как гордость повергает ниц!

Склонив колена пред судьбой,
Молитву невпопад твержу:
«О, Господи, пусть будет мой
Тот, кем я очень дорожу».

* * *

Я не знала, что так бывает:
Когда все утонуло в смуте,
Когда грабят и убивают,
Я в покое живу, в уюте.

Я не знала, что так бывает:
Когда горе корежит души,
Словно ветер листы скрывает,
Я спокойно готовлю ужин.

Как давно я ждала покоя,
А пришел он такой ценою.

* * *

Я люблю, когда сидишь ты молча,
Когда куришь или когда спишь,
Когда шуткой голову морочишь,
Или тайну в голосе хранишь,

Вот мой берег, он мне не приснился,
Я иду по солнечной косе,
И восход, что столько дней таился,
Восстает во всей красе.

Здесь вода прозрачна и игрива,
Здесь ладони трогает волна,
Не ждала, что буду я счастливой,
Ты спаситель мой, и я вольна.

* * *

Я вошла в тебя, как в старый дом,
В дом, который встретился попутно.
Думала, что прочно будет в нем,
Думала, что будет в нем уютно.

Мне б вдохнуть забвенье от свечи,
Что в твоих глазах теплом горела,
Но в холодном зеркале лучи
Съежились и вдруг заиндевели.

Если только солнца ветерком,
Лишь теплом от счастья потянет,
В ужасе покину старый дом
И пойду опять искать пристанищ.

Господи, прости мне этот грех,
Что в тебе любовь и свет убила.
Господи, прости еще и тех,
Кто со мною это сотворили.

* * *

Зачем мы, люди, рождены на свет?
Ведь не славы и не для богатства,
Не для того ж, чтоб в капле наших лет
Достигнуть мудрости высот или лукавства.

Зачем мы, люди, рождены на свет?
Ведь не затем, чтобы, пройдя меж терний,
Изрезав души о колючки бед,
Стать дряхлым телом и земною чернью.

Я долго не могла найти ответ,
Пока не увидала, как садовник
Срезает алых розанов букет,
Грустит, беря их бережно в ладони:

«Они пришли затем, чтоб умереть,
Чтоб растерять и аромат, и младость»...
Я ж поняла, что мы, как тот букет,
Пришли на землю дать друг другу радость.

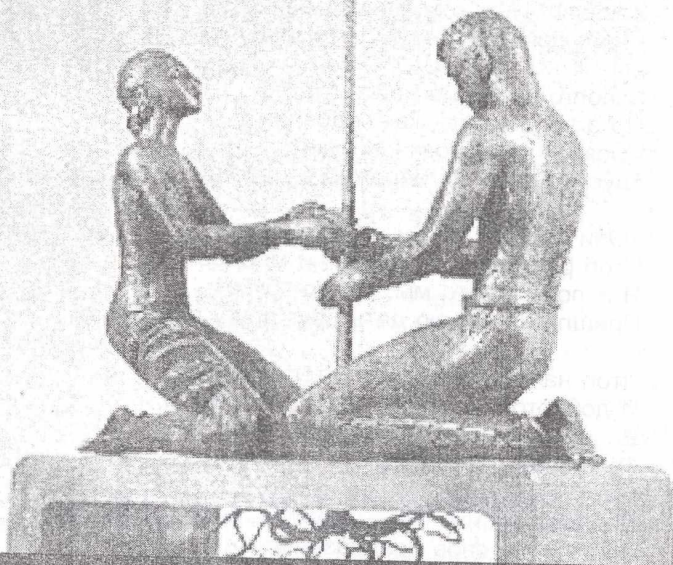
Чтоб напоить друг друга теплотой
И добротой, и ясным светлым взором,
Ведь мы же все равны пред немотой,
Глядящей беспощадно и с укором.

Досадно то, что в суетном мученье
Забыли мы свое предназначенье.

Сафар ХАБЛИЕВ

ДРЕВО ЖИЗНИ

РОМАН

Перевод с осетинского О. Хаблиева

В оформлении использована скульптура И. Рукавишникова «Древо жизни»

Блестящая металлическая трубка с двумя разъемными частями. В одну вставляется перо, в другую — карандаш; я давно мечтал о такой ручке. Не только в нашем первом, но, по-моему, даже в четвертом классе ни у кого не будет подобной. Пусть теперь Батмурза хвастается своим командиром; он втайне-то он будет завидовать мне, хотя и будет говорить, что ручка никудышная. Это чтоб выманить, но он меня уже не проведет. И перо у моей ручки не «лягушка», которое царапает бумагу, а с закругленным концом — «рондо». Писать таким пером — одно удовольствие. Говорят, что только десятиклассникам их разрешают. Я решил — пусть она пока побудет у меня, а там отдам ее Яи, чтобы положила в комод и заперла на ключ.

Наутро полковника на его привычном месте не оказалось. Я его увидел во дворе. Он, как я понял, давал какое-то поручение водителю «шевроле» и старшине, которые стояли перед ним навтыжку.

— Понятно, товарищ полковник!

— Ясно, товарищ полковник! — отвечали те наперебой.

Окончание. Начало см. Дарьял №№ 2, 3 '98.

Наконец полковник дал старшине связку ключей, а сам вышел на улицу и сел в ожидавшую его с заведенным мотором легковушку.

Шофер и старшина тут же взялись развязывать веревки на брезенте «шевроле» и опустили задний борт. Обычно они спали в кузове, а брезент был все время туго натянут. Я хоть и сгорал от любопытства, но мне так и не пришлось увидеть, что находится в машине. Как поставили ее во двор с самого начала, так с тех пор она и стояла. Водитель и старшина неотлучно находились при ней, разве что по очереди носили обед из полевой кухни.

Но на этот раз, когда отбросили брезент, я увидел, что в машине стоят закрытые на замок металлические сундучки в два яруса. Старшина залез в кузов, стал открывать один сундучок за другим и кипами выбрасывать из них на землю перевязанные шпагатом пачки бумаги. Недалеко от машины шофер поджег кучу из этих кип, но костер не разгорался. Огонь опалял только крайние листы, а затем гас. Тогда шофер начал брать из пачек по несколько листов, комкал и бросал в огонь.

Я подошел к выброшенным из машины пачкам и присел возле них на корточки. Листы ничем не были скреплены, однако держались как склеенные. Белая-белая бумага, на самом верху листа — пятиконечная звезда, под ней крупными печатными буквами: «Народный комиссариат обороны СССР», ниже, почти на весь лист — отпечатан текст. Я взял второй лист, он ничем не отличался от первого. И там и тут оборот совершенно чистый. Вот это да! Сшей сложенные вдвое листы — и тетрадь готова. Я сложил себе стопку, с трудом поднял ее и направился к сараю. Старшина и шофер даже не догадывались, какое добро они сжигают. «Из этой бумаги получится сотня тетрадей, — ликовал я, направляясь под сарай. — Поделюсь с друзьями. Это обрадуются!»

Но ликование было преждевременным: за несколько шагов до сарая меня настиг водитель. Он грубо вырвал у меня бумагу и бросил в костер.

Я заплакал. Да и как было не заплакать, если я, не успев порадоваться сокровищу, тут же потерял ее. Собачье отродье — шофер! А еще каждый день ест наши абрикосы и вишни и никак не нахвалится ими. Как назло, полковника не было на месте, а то бы он его проучил. Будь он здесь, приказал бы отдать бумагу мне — и пусть бы эти двое попробовали послушаться полковника! В том, что он велел бы отдать бумагу мне, я нисколько не сомневался. Ведь не пожалел он самую красивую из своих ручек, подарил мне.

Стою и смотрю, как сжигают бумагу. На мои слезы не обращают внимания. Старшина тоже хорош: не остановил водителя, когда тот отнимал у меня мою кипу.

Наконец я понял, что не разжалоблю их слезами и успокоился. Сел на траву под абрикосом и оттуда с грустью наблюдаю, как огонь пожирает бумагу. Хоть бы шофер по нужде отлучился. Я бы схватил несколько связок. Старшине меня и не увидеть. Он возится в кузове, швыряет кипы на землю, даже не глядя, куда они падают.

Из огорода вошли во двор Яи и Оля. На обед они откопали молодую картошку у ручья, в низине за огородом. Равнодушно взглянув на военных, они вошли в дом, я — за ними. Когда Оля поставила на стол ведро с картошкой, я понял, как досадить шоферу и старшине:

— Яи, больше никогда не приглашай их обедать!

Я не боялся, что мои слова могут быть услышаны старшиной и шофером.

Все равно не поймут. Хотя — чего не бывает: может, они шпионы-диверсанты и по-осетински тоже понимают? Надо же, как я до сих пор не догадался: конечно же, шпионы! Не зря они начали сжигать такую добротную бумагу, едва полковник уехал.

Оля расхохоталась над моими словами, и это еще больше расстроило меня: ничего не понимает, а смеется. Если бы это было смешно, то и Яи умеет смеяться.

— Какая кошка пробежала между вами? — спросила меня Яи.

— А так!

— Но все же почему? Ведь без них даже кусок тебе в горло не шел.

Я рассказал про отобранную бумагу и попросил Олю передать красноармейцам: или они дадут мне хотя бы одну пачку, или я донесу на них полковнику. Это для Оли отличный повод подойти к военным. В другое время Яи останавливает ее: «Нечего тебе разводиться с военными хаханьки да хиханьки!» А теперь Оля подошла к ним и завела долгий разговор. Смеются все трое — ну как тут не лопнуть от злости! Особенно злит меня смех водителя: как будто ничего не случилось и он никого не обидел. Яи же сердится на Олю: чего она разболталась!

Вдоволь наговорившись, Оля вернулась и, еле сдерживая смех, сказала:

— Они говорят, что мальчик зря обижается на них и зря угрожает полковником: он сам приказал сжечь всю бумагу до единого листа.

Села возле печки и озабоченно сказала:

— Все это не к добру, Яи.

Яи вздрогнула, прекратила стряпню и медленно повернулась к ней:

— Что-то случилось?

— Видишь, чем они заняты весь день? — Оля кивнула в сторону красноармейцев.

— Откуда мне знать! Жгут какие-то бумаги. И пусть себе жгут.

— Вот, вот: жгут бумаги! А зачем? Подумай сама: через всю Россию гнал их Гитлер до наших краев. Они погибших товарищей оставили не похороненными, бросили раненых на произвол судьбы. А бумаги привезли. Значит, это не простые бумаги. Это — документы. А теперь, видишь, жгут их.

Яи так и остолбенела. Наверное, то, что делают старшина и водитель, и в самом деле не к добру.

— Понимаешь, почему сжигают? — сказала Оля.

Яи насторожилась.

— Бояться, что бумаги попадут к немцам, — объясняет Оля. — Вот почему!

— Прямо уж! Кто сюда немцев пустит! — сказала Яи, но как-то нетвердо.

— Думаешь, можно еще остановить тех, кто дошел до Эльхотово и Моздока? Не видишь, сколько раненых везут ежедневно в школу? Не сегодня-завтра немец будет здесь.

— Но ведь Дыгына уверяет, что немцев сюда не пустят.

— Нашла кому верить! Дыгына — партийная. Она обязана так говорить, ей иначе нельзя. Ну да ладно — Бог с ней, с Дыгыной. Лучше подумаем, что делать.

— Больше всего я беспокоюсь об этой пшенице: закопать бы ее. Может, и уберем.

Немцы только раз бомбили Бесланский маисовый комбинат. После этого оборудование стали эвакуировать. А немцы, наверное, спохватились: зачем разрушать комбинат — он же все равно им достанется. Наш зять Захар, инженер, уже не нужный в комбинате, с семьей на время переехал в Алагирское ущелье, а свою мебель: шкафы, кровати, столы, стулья привез к нам, чтобы их не растащили из его комбинатской квартиры. Заодно завез нам и два мешка пшеницы. «Солдаты, — сказал он, — откуда-то пригнали полмашины зерна, он и выменял у них пшеницу на спирт. Часть раздал родне, часть везет с собой. А два мешка — родственникам жены. Никто не знает, как повернутся события. А небольшой запас не повредит.

Вот об этих двух мешках и говорит Яи.

— Пшеница подождет, — махнула рукой Оля. — Из-за пшеницы немцы вас не расстреляют. Надо подумать о книгах.

— А кому они мешают? Когда арестовали Афако, то мой сын — царство ему небесное — работал писарем в сельсовете и привез их на телеге. Я его спросила: «Что это?» — «Книги». — «Чьи книги?» — «Генерала Афако Фидарова». Сердце мое оборвалось: «Сейчас же отвези их обратно, нам чужое добро не нужно. Будь прокляты те, кто погубил его. Увези их, увези, чтобы в День Ахарата наша совесть была чиста. Зачем нам брать грех на душу?» А он говорит, их выбросили во двор, когда увозили имущество генерала. Они просто валялись под ногами, вот я и привез их. И добавляет — выйдет генерал из чека, я их верну. Он еще благодарить меня будет, что сохранил их. А немцев чего бояться из-за книг?

— Ошибаешься, Яи. Вот увидят немцы книги и спросят: «А что это такое?» Что им тогда ответишь? Ты знаешь, что написано в книгах? Вот то-то! Я тоже неграмотная, но вдруг это книги Ленина или Сталина?

Оля зажмурила глаза и помотала головой: ужас, какие пытки ожидают тех, у кого обнаружат книги Ленина и Сталина! Нужно избавиться от них.

— Может, закопать их вместе с пшеницей? — спросила Яи.

— Нет, нет! О чем ты говоришь?! — замахала руками Оля. — Так можно пострадать еще больше. Вдруг немцы найдут их спрятанными. Тогда уж они точно скажут: «Коммунисты!» — и, всех расстреляют, даже детей. Лучше сжечь их!

До сих пор я молчал — помнил строгое наставление: не слушай и не вмешивайся в разговор взрослых. Но теперь не сдержался:

— А я что буду читать? Мама мне всегда говорит: когда вырастешь, эти книги будут твои.

— Помолчи: тебя никто не спрашивает!

Так грубо Оля еще никогда не разговаривала со мной. Я обиделся и вышел во двор. Я не хочу, чтобы книги жгли, особенно те, что с рисунками. Как все плохо! Вот и водитель со старшиной, как бы дразня меня, продолжают жечь бумагу. Даже за обедом не идут. Видимо, боятся, что я стащу бумагу. Нехорошо у меня на душе. Даже пойти поиграть с мальчиками неохота. Я сел на место полковника в сарае и хмуро смотрю на военных.

Но не могу видеть, как жгут добротную бумагу. Поэтому встал и зашел в комнату. Разулся, залез на тахту и укрылся клетчатым платком Яи.

Проснулся от какого-то странного треска. Смотрю: Оля сидит посреди комнаты на низеньком табурете, справа и слева от нее навалены книги. Она с треском отрывает переплеты и корешки. На полу уже целая гора серых, коричневых, красных и черных

перецетов и корешков. В комнату зашла Яи, молча набрала в фартук разорванные книги и вышла во двор. Я сел на тахту и смотрю на Олю. Она увидела это, но не подала виду и молча продолжала терзать книги. Я прыгнул с тахты и, не заговорив с ней, вышел во двор.

Красноармейцы все еще заняты своим костром. А в летней кухне Яи сидит перед печкой и бросает книги в топку. Одна еще не сгорит до конца, она бросает другую. И потом ворошит их кочергой.

— Яи, я есть хочу.

— В шкафу чугунок с картошкой. Достань и ешь. А на ужин накрошу тебе чурек в молоко.

Поел и ушел к реке. Там я долго купался с ребятами, потом мы играли на прибрежной траве.

Только затемно я пришел домой и застал маму горько плачущей. Глаза — красные, по щекам текут слезы. Стоит возле пустой этажерки. А Яи понуро сидит на тахте и тоже вытирает глаза краешком фартука. Оля устроилась в мягком кресле и отрешенно смотрит в сторону.

Еще не поняв, отчего мама плачет, я подбежал к ней и схватил ее за руку:

— Не плачь, мама!

— Как же мне не плакать, если на мою несчастную голову обрушилось еще одно несчастье! — запричитала она. — С какой совестью я предстану на том свете перед их хозяином?! — Я понял, что это она о книгах. — Даже перед смертью наказывал, чтобы я присматривала за ними, чтобы пылинки даже не села на них. Что я теперь отвечу ему? Скажу, что была на войне, когда их жгли? Хотя целый день копать окопы под палящим солнцем — чем не война? Ну, а у тебя-то как поднялась рука на такое? Ты же прекрасно знаешь, как дорожил он книгами! — обратилась она к Яи.

Та, по-прежнему сгорбленная, сидит на тахте, слезы текут по ее сморщенным щекам, всхлипывает и краем фартука вытирает глаза.

— Яи тоже любила своего сына, но другого выхода нет, — скрипучим голосом ответила Оля вместо Яи. — Не ради удовольствия мы их сожгли. Подумай, если эти книги увидят немцы, то без всяких разговоров всех вас расстреляют. Или, может, книги тебе дороже сына и свекрови?

Но мама не обращает внимания на ее слова, продолжает причитывать:

— Что я скажу их хозяину, если он наказывал мне пуще глаз своих их беречь? Как я предстану перед ним?!

Когда Бабу увидела книги на этажерке, то, несомненно, вспомнила наказ мужа, вот только запомнила, что те книги были сожжены во время войны, а вместо них на полках — другие. Вот почему она спросила о пыли.

Я думал, что о том, что она приехала, еще никто не знает. Я ведь часто приезжаю в село на машине, которая въезжала и во двор. Бабу не провела в постели и десяти минут, как в комнату зашла одна из немногих живых еще ее ровесниц — Бади.

— Посмотрите на эту барыню! Вставай, чего разлеглась?

Сказать про Бади — худая, не то слово. Совсем высохла Бади: кости да сморщенная темная кожа, на лице светятся большие выпуклые глаза. Тонкие беззубые челюсти и острый подбородок, из-под платка выбиваются седые кудри — такова Бади.

— Ишь ты, разлеглась! Подумаешь, барыня объявилась!

Говорит она шутя, но в ее голосе чувствуется упрек. И даже зависть. То есть: не верю я тебе, обманываешь, что не можешь встать. Ты же намного моложе меня. Нет, не может быть, чтобы ты не могла встать. Завидую тебе, что лежишь беспечно. Мне же правнуки покоя не дают: только-только соберусь прилечь в полдень, они тут как тут. Поднимают возню, дерутся, визжат. Да и за грядками мне самой надо присматривать, не когда даже подумать об отдыхе.

Бади и Бабу особенно сдружились во время совместной работы на колхозной птицеферме. В послевоенную весну в старую саманную развалину далеко за окраиной села завезли несколько сот цыплят и нарекли ее птицефермой. Но через неделю на ферме не осталось ни одного цыпленка: перемерли. Видимо, от холода или какой-то болезни.

Такая же участь постигла и завезенных повторно цыплят — протянули не более двух недель. К счастью для работников фермы, их не причислили к вредителям — будь на месте Казбека Дзарасова другой председатель, он, по всей вероятности, так и поступил бы. А Казбек рассудил по-иному: грех загонять незаданных птичек в Сибирь, лучше я поменяю их. Из всех колхозниц выбор его почему-то пал на Бади и Бабу. И у них дошли цыплята — без этого не бывает. Вдобавок досаждали сороки — самые пакостные из пернатых: то поднимут беспричинный тревожный стрекот, то бесшумно налетев, уносят цыплят, в укромном месте отрывают голову и выклеивают мозг, словно ядро из ореха.

Бади с Бабу большую часть цыплят все же выходили, и председатель колхоза остался доволен работой птичниц. Кроме кукурузной муки и листьев крапивы цыплятам были положены

еще и сваренные вкрутую яйца и творог. Лгать не буду: птичницы для своих голодных детей урывали из корма. Свой ребенок все же дороже общественного цыпленка. Казбек, несомненно, догадывался: птичницы, которые прежде работали на ферме, цыплят кормили только листьями крапивы, остальное — домой. Несли домой и Бабу с Бабу, но по-божески: каждому ребенку в день — яичко и горсточку творога. Для себя не брали — совесть не позволяла морить голодом Божьи твари. И, кроме того, уважали председателя.

А Казбек и в самом деле был достоин уважения. Спусти много лет его сын Боб, служивший в Мурманске, летчик-испытатель, выехал в Баку, чтобы перебраться в свою часть новый самолет. По пути завернул в Зильгу, к родителям, побывал у друзей, навестил и меня. Посидели мы, поговорили, угостил я его чем мог, потом вышел проводить гостя. Женщины нашей улицы сидели на своем обычном месте, под деревом у ворот Мисиковых. Как только мы показались из-за угла, они с любопытством уставились на незнакомца. Был он намного выше меня ростом, в парадной офицерской форме, его золотые погоны блестели на солнце. А сам стройный, подтянутый. Когда мы проходили мимо женщин, они почтительно встали. А Боб засмущался, словно молодая невестка. И произнес так тихо, что даже я едва услышал его:

— Сидите, сидите, зачем встали? Дай Бог вам здоровья!

Мы прошли мимо них по самой середине улицы. Женщины его не узнали, а то обязательно остановили бы. Я проводил Боба до моста, простился с ним и повернул домой. Еще издали Олинка нетерпеливо спросила меня:

— Что это за красавец был с тобой? Ни дать, ни взять — царский офицер.

— Вы что, не узнали его? — я изобразил изумление.

Узнать его они, конечно же, не могли: к тому времени он уже несколько лет служил, да и перед армией не так уж часто его видели на нашей улице.

— Как мы можем его узнать? Душинка сказала, что это кто-то из твоих хумалагских друзей.

— Ха-ха, из хумалагских! А что? Зильгинские не могут стать офицерами? И даже генералами! Это сын Казбека Дзарасова!

— Неужели сын Дины?

— Почему — Дины? Я же говорю — Казбека.

— А по-нашему — Дины. Надо же! Так он офицером стал?

— Не просто офицером, а военным летчиком.

Некоторое время женщины сидели молча. Видимо, каждая подумала о своих сыновьях: а почему из моих хотя бы один не стал таким, как этот сын Дины?

— Дай Бог ему всяческих благ, — проговорила, вздохнув, Нади. — А какой он вежливый да скромный: когда мы встали, покраснел, как девица.

— Сразу видно, что это сын Казбека, — встала Бабу. — А где сам Казбек, давно его не видно?

— Да, да, что-то не видно его ни на кувдах, ни на похоронах.

— Он уже давно болеет. Вот и не видно его.

— Жаль, — посокрушались женщины. — Казбек — порядочный человек.

— У вас все порядочные да хорошие, — разыгрываю их. — Где он показал эту порядочность?

— Молчи, если ничего не знаешь, — оборвала меня Бабу. — Тебе бы все шутить, а мы-то знаем Казбека. Когда мы в голод выходили убирать кукурузу, то работали только до обеда. А потом до самого вечера сидели у куч и набирали зерно в рукава телогреек да за пазуху. Если появится кто из начальства, то те, кто сидел поближе к дороге, давали знать другим. И тогда мы изображали работу. А когда вечером возвращались, то боялись встречи, нет, не с Казбеком, а с районным начальством.

— Не одни районные начальники лютовали, — не сдержалась Нади. — Хватало и своих в селе.

— Да. Но я говорю про Казбека. Думаете, он не догадывался, отчего набухали рукава наших телогреек и отчего обвисали полы фартуков? Но он сам смущался, когда мы попадали ему навстречу. И сворачивал бидарку на размякшую от дождей пашню. И гнал коня, пока не разминемся с ним, чтобы в случае чего мог сказать: я ничего не видел. С него же могли спросить: «Ты что, не видишь: как колхозное зерно растаскивают?» Вы, наверное, забыли, что после Казбека кое-кого из-за пары початков сослали в Сибирь.

— Что верно, то верно: никто из-за него никогда не пострадал, — подтвердила Олинка. — Этого греха нет на нем.

Олинка и Бабу в подтверждение своих слов согласно закивали. Нади же сидит с недовольным видом, ждет, когда наступит ее черед высказаться.

— Не то что родич его, Казихан. Не таким уж и большим начальником был — бригадир всего лишь, — а сколько навредил людям! Какие же негодии встречаются в жизни!

— Что же он такого натворил, что называешь его негодяем? — спросил я Нади. — Послушать его самого, так честней и добрей во всей Зильге не найдется.

— Это сейчас они все выдают себя за чистеньких и добреньких, а в свое время готовы были человеку на горло наступить, лишь бы выслужиться перед районом. Но ничего, я принародно в лицо ему высказала, что он за человек.

Не только на нашей улице, но и во всем селе знают, что Нади остра на язык. И за это многие ее недолюбливают.

— За что же ты обижена на него?

— А вот за что. Как-то я слегла. Не то что выйти в поле, даже свой огород не могла прополоть. Старшего из ребят призывали в армию, средний был в Сибири, а Мурику пришлось бросить школу и пойти в колхоз. В солнцеворот, сами знаете, сорняк так и лезет из земли. Кукуруза наша совсем заросла, и тогда я два дня Мурика не пустила в колхоз, велела прополоть огород. На третий день Казихан с Дзамболатом Дзарахоховым остановили свою бричку вон у той изгороди. Спрыгнули и сняли с брички плуг. Казихан подошел и постучал кнутовищем в ворота. Я выглянула. «Где твой сын?» — «Он встал затемно и до полудня работал в огороде, а теперь прилег немногo отдохнуть». — «Ишь какой неженка — отдохнуть прилег! А он забыл или не знает, что его участок в поле не прополот?» — «Знает он все, но наш огород совсем зарос. Это я его не пустила в поле». — «Ты посмотри на них! А если каждый займется своим огородом, то кто будет государственный план выполнять?» — «Он, моему, достаточно работает и на государство: ладони уже в кровавых мозолях. Вы не смотрите, что он такой длинный вымахал. Ему еще и шестнадцати нет». — «Это меня не касается, а вот указание райкома о том, что следует перепахать огороды тех, кто не выходит на работу, я выполняю». До этого он разговаривал, направив на меня указательный палец. Теперь же он уставил его в сторону огорода и резко черкнул им: перепахать! А сам обернулся к Дзамболату. Тот стоял, понуро прислонившись к бричке. И не проронил все это время ни слова. После решительного «перепахать!» Казихана он виновато посмотрел на меня: «Постойте, постойте! Это же дом Арсамага?» — «Да, Арсамага». — «Но ведь Арсамаг был одним из основателей колхоза! Неужели, когда его не стало, мы должны измываться над его семьей? Клянусь Аллахом, не бывать этому никогда!» Он взял плуг и бросил обратно в бричку. Стеганул коней и уехал один. А Казихана оставил ругаться со мной. До сих пор не могу понять, как он один закинул плуг в бричку — снимали-то его вдвоем. И то с трудом.

Бади присела на низкую скамеечку возле кровати и затеяла долгий разговор с больной. Тем временем стали появляться и другие соседки с гостинцами. Затем стали приходить родственники и знакомые с других улиц. Бабу всех узнавала, разговаривала с ними, расспрашивала. Я же ругал себя: раньше надо было ее привезти, не зря она все твердила — домой да домой.

Бади каждый день приходила с утра и сидела возле больной до самого вечера. И каждый раз с гостинцами: то чашку супа принесет, то пирог! Только войдет в комнату и обращается к Бабу:

— Смотрите на нее: разлеглась, как барыня! Вставай сейчас же, хватит отлеживаться!

Наконец-то вернулась ее подруга. И теперь можно вести долгие разговоры. Из других ее ровесниц на нашей улице уже никого нет в живых: ни Нади, ни Олинка. Родом она из Зильги, сосватала ее в Заманкул, но во время войны вернулась в Зильгу и обосновалась с детьми на нашей улице.

Сидит Бади возле больной, отгоняет от нее мух веточкой ореха. Во время бесконечного разговора Бади иногда засыпает, но тут же просыпается. У Бабу же глаза чаще закрыты, так что не разберешь — заснула она или нет.

Сменяют один другого, уходят бесценные летние дни. Вместе с ними тает, готовится к далекому путешествию и Бабу. Она совсем исхудала, аппетит у нее совершенно пропал.

— Бабу, принести тебе покушать? Скажи, что бы ты хотела?

— Ничего.

— Как это — ничего? — возмущается Бади: глухая, а расслышала. Она встала: — Схожу-ка я домой: сноху оставила у плиты. Посмотрю, что у нее есть.

Когда Бади вышла и Бабу заснула, я пошел поработать в огороде. За лето приходится не раз полоть грядки, но к уборке они все равно буйно зарастают. Лук уродился как никогда: луковички вылезли из земли и легко выдергиваются. Заодно вырываю и сорняки.

Что это: голос Бабу или мне просто послышалось? Я потропился во двор. И вижу — стоит Бабу у ворот и шатается, схватившись за ручку калитки, как ребенок, впервые оставивший колыбель. В комнатных тапочках, в длинной ночной рубашке, простоволосая, стоит и озирается, будто попала в незнакомый двор.

Эх, уходишь, уходишь, Бабу, и не остановить тебя на полпути! И не вернуть тебя, если уйдешь совсем! Не достать мне веточки азабалас, с помощью которой только и возможно вернуть человека с того света.

Я подошел к ней, и она спросила:

— Это все наши цыплята?

— Наши, Бабу, наши.

— Как много их.

Куда там много: с месяц назад я купил два десятка пестрых цыплят, возможно, что их уже стало меньше — не считал.

— Зачем сюда вышла, Бабу? Куда собралась?

— Домой.

— Мы же дома. О каком еще доме говоришь?

— Неужели ты и в самом деле настолько непонятлив, что каждый раз задаешь один и тот же глупый вопрос?

В голосе ее не чувствуется ни упрека, ни обиды, она смотрит мне прямо в глаза. «Домой». Что она имеет в виду?

— Пошли в дом, Бабу.

Я взял ее под руку. Она отпустила одну руку, но другой еще сильнее вцепилась в ручку калитки.

— Упаду.

— Не бойся, я тебе не дам упасть.

Она с трудом переставляет ноги. Как же смогла пройти от комнаты до ворот? У самого порога Бабу пошатнулось. Тогда я подхватил ее на руки и донес до кровати. Она была легкой, как пупышка.

— Полежи пока на диване, я поправлю твою постель.

— Воды хочу.

— Выпей молока.

— Молока не хочу. Ситро бы.

Как я и полагал, в нашем магазине прохладительных напитков не оказалось. В эти жаркие дни лимонад и минералку берут целыми ящиками. А завезти не успевают. Пришлось ехать в Беслан. В магазине на привокзальной площади нашелся клубничный лимонад. Успел тем же автобусом вернуться домой.

— Бабу, спишь?

— Нет, я просто закрыла глаза.

— Ты желала ситро.

Она выпила половину чайного стакана и довольно вздохнула:

— Ой, спасибо тебе.

— И еще, я много принес.

Сделав еще несколько глотков, протянула стакан:

— Да, поставь рядом, когда захочу — попью.

Она закрыла глаза и тут же уснула.

Вскоре пришла и Бади. В руке у нее глубокая тарелка, прикрывая марлей.

— Ну, как больная? Мы сегодня зарезали курицу. Вот я и задержалась, пока сноха приготовила ее, — оправдывается она, будто провинилась. Осторожно поставила тарелку на стол и посмотрела на Бабу: — Она спит?

— Зачем ты, Бади, каждый день носишь гостинцы? Видишь же, ничего не ест.

— Разве не попробует она куриный бульон с молодой картошкой? Он такой вкусный.

Она села на свое привычное место возле больной и взяла ореховую веточку отгонять мух.

Я достал из шкафа стакан и налил Бади лимонада:

— Бокал тебе от меня, Бади.

Она прищурилась на стакан:

— Что это?

Взяла стакан и, отпив немного, сказала:

— Какой приятный, прямо как морс.

— Вспомнила тоже — морс! Его давно уже нет в продаже.

— Я потому и говорю.

— Захочешь еще — наливай, не стесняйся, а я пойду, поработаю.

Я кинул на пыльную кушетку в сарае старое покрывало, прилег и тут же уснул.

Проснулся к вечеру, когда жара немного спала. Как они там, в доме? Я отодвинул штору на окне и заглянул в комнату. Бабу, видимо, спит, а Бади, уткнув голову в подлокотник дивана, дремлет на своей скамеечке. Я не стал беспокоить их, а пошел добирать лук.

Уже в темноте помылся под краном во дворе, переобулся и зашел в комнату. Бади не услышала моих шагов, подняла голову только когда я щелкнул выключателем.

— Ну как больная, еще не проснулась?

— Да вот стонать начала.

Я подошел ближе. Бабу лежит на спине с закрытыми глазами, руки поверх одеяла. Не руки, кожа да кости.

— Бабу.

Ничего не ответила, только послышался слабый стон.

— Бабу, что у тебя болит?

Запавшие глаза плотно закрыты.

— Бабу, ты слышишь меня?

Я присел возле нее.

— После полудня она еще не просыпалась, — жалобно проговорила Бади, — а то бы опять рассказала что-нибудь смешное.

Да, я слышал. Временами Бади заливалась смехом, как пятнадцатилетняя девочка. Но что смешного могла рассказывать ей Бабу? И почему сама она так громко ни разу не засмеялась? Хотя она такая — вокруг нее покатывались со смеху, она же только улыбнется. Неужели, не раз думал я, она перенесла столь тяжелые испытания, что уже и не может рассмеяться от души?

Она продолжает равномерно стонать.

Сидит Бади. Сижу и я. Молчим в надежде: может, больная откроет глаза и чего-нибудь попросит.

Не могу спать при свете. Многие — так. А вдруг и Бабу не может и потому она стонет? Я встал и скрутил из газеты подобие абажура для лампочки. Комната погрузилась в полутьму.

Но это не помогло: она продолжает стонать. Что ее беспокоит, чем ей можно помочь? Позвать врача? Но в это время она уже уехала, то ли в Беслан, то ли во Владикавказ, она у нас не местная. Да и чем врач может помочь. Ну сделает обезболивающий укол. Но что из того, знакомые медики мне прямо сказали: при ее болезни от уколов никакой пользы. Да и стонет она тихо, как человек, уставший за день от тяжелой работы и, наконец-то, забывшийся сном.

— Бади, уже поздно. Сколько ты будешь сидеть? Проводить тебя до дому?

— Нет, нет. Я посижу, может, ей чего-нибудь надо будет, когда проснется.

— Ну если ей что понадобится, то я же рядом буду.

— Ты уснешь и пушкой тебя не добудешься.

И Бабу мне всегда тоже так говорила. Бади, видимо, от нее это слышала. Прошли уже те спокойные ночи, когда я спал безмятежным сном. Вот уже около года я подсакиваю в постели от малейшего шороха. Спасибо сыну: еще перед тем, как Бабу привезли в Зильгу, он вместо меня много ночей провел в ее комнате. Меня жалел? Или хотел хотя бы частично отплатить Бабу за ее заботу о нем. Она ведь воспитывала его вместо матери. Впрочем, такие вопросы ему задавать бесполезно, не привыкли мы к подобным сантиментам. Я хорошо знал: если Алик при Бабу, беспокоиться нечего. Он лучше присмотрит, чем я.

Колодезь во дворе мы вырыли только когда его призвали в армию. Водопровода еще и в помине не было. Воду мы носили от соседей. Алик ходил в начальную школу, каникулы проводил с Бабу в селе, с утра до вечера играл на улице. Но как только во дворе раздавался звон ведер, сразу догадываясь, что бабушка собралась за водой. Бросал все и отбирал ведра. И сам приносил воду, по пути сделав несколько остановок под тяжестью ноши. Но в эти ночи, несмотря на то, что Алик сидел при Бабу, каждый раз, когда в комнате раздавался малейший шорох, я в соседней комнате тотчас просыпался.

Бади так и не согласилась уйти домой, просидела при Бабу до утра. Даже свет не позволила выключить.

Я провел ночь, засыпая урывками. Несколько раз выходил к ним и каждый раз заставлял Бади бодрствующей: как села она еще днем на скамеечку, так и просидела на одном месте до утра. В руках у нее ореховая ветка, время от времени проводит ею над головой больной, хотя и мухи заснули в полутьме.

На следующий день Бабу тоже не проснулась. И я послал сообщить об этом в Гизель. Внуки Бабу, мои сыновья, тоже ушли на работу. Весть о приближающемся конце Бабу быстро

разнеслась. Соседки и родня уже не отходили от нее. Прибыли и из ее родительского дома: Токон с дочерьми. А Бабу так и не приходит в себя, только стонет и стонет непрерывно. Я же места себе не нахожу, стараюсь чем-нибудь заняться то во дворе, то в саду. Но ноги меня сами вновь и вновь несут в комнату: может, больная пришла в себя, может, скажет что-нибудь мне на прощание. Но она продолжает все так же стонать. Время от времени сноха с чьей-нибудь помощью приподнимает ей голову, и поит ее чайной ложкой. Она не столько глотает, сколько проливает воду. Глаз не открывает и ничего не говорит.

— Ну, Бабу, открой глаза и скажи, как облегчить твой страдания? Как взять хотя бы часть твоей боли на себя?

— Иди, иди во двор, оставь ее с нами. Никто еще ничью боль не взял на себя: ни мать — от сына, ни сын — от матери. И без твоих причитаний нам немоготу, — выпроваживают меня женщины.

Но меня все время неудержимо тянет в комнату, я снова захожу и стою у двери. Женщины прерывают свой разговор. Понимаю: мое присутствие тяготит их. Они молчат долго, но когда видят, что я не намереваюсь выйти, кто-то произносит несколько слов и они постепенно возвращаются к прерванному разговору.

— Поверните ее набок, — упрекаю я женщин. — Что вы такие недогадливые: у нее же пролежни на спине будут!

— Да мы ее уже несколько раз поворачивали и без твоего напоминания. Но она сама переворачивается на спину. Так ей легче.

Сноха приподнимает ее, и когда холод серебряной ложки касается ее губ, она делает глоток. Но от второй ложки отказывается, плотно сжимает губы. Она что-то говорит, но разобрать невозможно.

— Что ты сказала, Бабу? Повтори еще раз.

Но она молчит, и не понять: слышит меня или нет.

Наконец, день подходит к концу. В доме тесно от собравшейся родни. Соседи, Малкаровы, пригласили меня переночевать у них. Зара приготовила ужин, хозяин дома наполнил рюмки.

— Борис, пей сам, я не смогу.

— Понимаю твое состояние, но попробуй — полегчает: на то и придумана арака. Не беспокойся, даст Бог — и Бабу выздоровеет. Мы еще на кувде посидим.

— Дай Бог, чтоб твои слова сбылись.

Выпили по три рюмки.

— Борис, ты пей, на меня не обращай внимания. Мы с тобой оба понимаем: вдруг с больной что случится, что тогда, пьяного, что ли, меня будут тормозить в постели: «Эй, проснись?»

— Хотя бы поешь тогда.
И есть тоже не могу. Я поблагодарил Бориса, и мы встали из-за стола. Спросил, где умывальник?
— Сейчас я тебе согрею воду, — Зара направилась к плите.
— Зачем греть — не зима же на дворе. Вода из-под крана и та мне кажется теплой. Вот если бы не радиация в вашем колодце...

— Ты еще не забыл про радиацию? — засмеялась Зара. — Будь спокоен: мы не только умываемся, но давно уже и пьем из него.

Через несколько дней после того, как сообщили о Чернобыльской катастрофе, над Зильгой пробуждал такой ураганный ветер, что люди испугались, как бы не снесло их дома и постройки. В разных концах села ветер вырвал с корнями множество старых акаций. Против ожидания, они оказались самыми слабыми по сравнению с другими деревьями. Все, что не было прибито или привязано, разметал и разнес ветер. Самое удивительное было то, что свинцовые тучи при этом касались земли, но дождь так и не пошел. Люди однозначно решили: до нас тоже добралось злое дыхание Чернобыля.

Крышка колодца Малкаровых не прикрывается плотно, поэтому ветер нанес туда пыли, травинки, птичьих перьев, пуха, и все это плавало на поверхности. Колодец очистили — водопровода в селе еще не было. Но вместе с пылью туда попало и что-то маслянистое, и оно радужно переливалось. Увидев это, Борис не на шутку испугался. С нашего огорода мне было хорошо видно, как глава семейства и сын с трудом сняли с кузова машины четыре сорокалитровые алюминиевые фляги, в которых обычно везут молоко. «Видимо, араку привезли», — решил я, наблюдая эту сцену, хотя устраивать кувд сосед вроде бы не собирался. «А может, у них свадьба намечается?» — строил я предположения, но о таком событии соседи уж знали бы наверняка. Вряд ли свадьба: младший сын у Малкаровых несовершеннолетний, а старшего только прошлой осенью призвали в армию. Видимо, готовятся к его возвращению. Вот и купили заранее араку. Хотя вряд ли Зара будет покупать араку. У нее достаточно запасов. Чтобы арака лучше отстоялась, она годами лежит закопанной в герметично закрытых двадцатилитровых баках. Молоко! Видимо, на ферме взял. Вряд ли, однако. Надон в колхозе мизерные. Хоть и разбирало меня любопытство, но выяснять ничего не стал. Но вот спустя два дня к их дому снова подъехала машина. Борис вылез из кабины, зашел во двор, но вскоре вышел, оглядел улицу, заметил меня в огороде и крикнул: «Помоги немного». Пока я подходил к нему, он открыл задний борт машины: стоят четыре молочные фляги. «Шофер после операции только недавно выписался из больницы и пока

ему нельзя поднимать тяжести. А Ромика дома нет». Мы сняли фляги. «Сепаратор купил или молочный завод в Беслане закрыли?» — «Глупости говоришь, — обиделся Борис. — Посмотри вот». Он открыл крышку одной из фляг. Вода вроде бы. Я наклонился и понюхал. «Это же вода». — «А ты думал: молоко?» — «Из Хилакского источника привез или Зарамагского?» — «Какой тебе Хилак?! Из артезианского колодца, возле фермы». — «У тебя же в колодце отличная вода, зачем тебе привозная?» — «Если бы мой колодец еще годился, то, думаешь, мне охота возить воду издалека, надрываясь с погрузкой-разгрузкой». — «А что случилось — крыса, что ли, в нем дохлая?» — «Какая тебе крыса?! Радиация плавает на поверхности, как масло. Разве эту воду еще можно пить?» «Ой, Борис, Борис — уморил!» — «Дур-рак, ты и ржешь, как дурак! — рассердился он. — Я же пока из ума не выжил и не намерен травиться и домашних травить радиацией. Ничего не понимает, а сам...» Шофер, парень ушлый, корчась от смеха, привалился к баранке.

Зара постелила мне в комнате окнами на улицу. Одно окно я оставил приоткрытой: чтобы было слышно, если вдруг случится что-нибудь. Ворочаясь в постели, то засыпая, то просыпаясь, я с трудом дождался утра. Быстро умылся и пошел домой. Все спят, кто сидя на кровати, кто на диване, да так и заснули одетые, не спит только Бади: сидит возле больной на скамеечке и время от времени машет веточкой над ее головой. Бади посмотрела на меня, ничего не сказав, и снова повернулась к больной. Я тоже ни о чем не стал спрашивать, и так все ясно: Бабу лежит, хрипло дыша и все так же тихо постанывает. Я постоял и вышел во двор.

Вскоре женщины проснулись. У Бади появилась замена и она мелкими шажками засемила домой.

Опять будет душный день: солнце только взойшло, но уже предвещает духоту. По-видимому, лето в последнюю свою неделю старается наверстать упущенное.

Пока не зачастили соседи, я присел возле больной. Бабу уже и с ложки не может пить: сноха макает в стакане кусочек марли и выжимает ей на губы.

— Блусик... — вдруг произносит Бабу.

Внук находился во дворе, и его сразу позвали. Я уступил ему скамеечку и стал поодаль.

— Здесь Блусик, посмотри на него.

Тем временем Бабу вновь впала в забытие, так и не открыв глаза. Женщины поняли, что Эльбрус вот-вот разрыдается и выпроводили его.

Эх, не зря, наверное, сказано, что не легкой жизни нужно просить у Бога, а легкой смерти.

Больная снова перестала стонать, зато дыхание ее участилось. Руки ее, который день лежавшие поверх одеяла неподвижно, вдруг зашевелились: она поднесла ладони к лицу, будто собираясь умыться, поддержала их в таком положении и уронила. Затем скрестила руки на животе, положив правую ладонь на левую и внятно спросила:

— Так, Асатин? Или вот так? — теперь она левую ладонь положила на правую и замолкла. Больше руки ее не пошевелились.

По всей видимости, она обращалась к своему родственнику по материнской линии — Асатину Доеву. Другого человека с таким именем я никогда не встречал. Асатин скончался более десяти лет назад. При жизни отношения между ними были довольно прохладными. Почему же именно Асатина она спросила, как нужно складывать руки? Она никак не могла простить ему, что он на время попросил для ансамбля фамильный серебряный кинжал ее отца Гафьра и больше не вернул. Может, и в самом деле на том свете прощаются все обиды, что близкие выходят навстречу тому, кого призвали туда и указывают ему дорогу?

Около полудня Бади опять пришла. Я уступил ей скамеечку, она села на привычное место и спросила меня:

— Может, прочитать ей Коран?

Я понял: пора прощаться с больной. Неужели так быстро настала эта пора?

— Как хотите. Если положено — пусть прочитают. Но сама она ни Коран не читала, ни намаз не совершала.

— Грешно так говорить. Мы тоже не читаем Коран и не совершаем намаз — и что оттого? Хотя ее родители и были христианами, но она, как и мы, произносила «бисмиллаги». К сожалению, большему нас не научили.

Бади права. Когда Бабу еще не болела, то каждый вечер, ложась в постель, она неизменно молилась: «Бисмиллаги рахман-ар-рахим. Великий и единый Боже, просим Твоего покровительства во всех наших добрых делах и препоручаем Тебе детей своих». Этой молитве научила ее Яи. Знала бы свекровь другие обряды — тоже научила бы.

— Из Долаково или Кантышево привезти муллу? — спросил я женщин.

— Зачем? Окки читает.

— Фидарова Окки? — удивился я.

— Она, конечно. Второй Окки в селе нет.

Первый раз слышу, что Окки читает Коран.

— Если так, — говорю я, — то почему ее не пригласили к Ханшиат или Елзару? Почему из Ингушетии везли мулла? Для

солидности, что ли?

— Эх, ты! А еще институт окончил, — не дала мне договорить Тереза. — Прочитать Коран и совершить дуа — это же не одно и то же. Разве женщине положено совершать дуа?

— Ладно, оставьте его в покое. Не учили же его в институте тому, что такое дуа и что такое намаз, — заступилась за меня Токон. — Приведите Окки. Не нужно спорить.

— Я пойду за ней, только подскажите, где она живет, — вызвалась сноха.

— За ней машину нужно послать, — сказала Тереза. — Пешком она не сможет прийти.

Машина. Это у жителей других улиц много машин, а на нашей ни одной.

Пришлось пойти на соседнюю улицу к своему родственнику Чермену. Но, как назло, дома его не оказалось. К кому же еще обратиться? Прошел в другую. Вижу — у ворот Цораевых стоит фиолетовый «Москвич». Агубечир — спасибо ему — без лишних слов выполнил мою просьбу.

С большим трудом узнал я Окки. Давно, очень давно я ее не видал. С тех пор, как учился в Хумалаге. Тогда в школу я ходил мимо их дома. Встречал ее по утрам, когда она выгоняла корову. А в полдень, когда возвращался из школы, ее невозможно было увидеть, подобно другим женщинам, сидящей на улице.

Тереза и сноха помогли ей выбраться из машины. Женщины почтительно вышли ей навстречу.

— Добрый день всем вам и дай Бог вам здоровья, — она мягко поприветствовала женщин и повернулась ко мне: — О тебе я слышала много лестного. Спасибо, что не забыл тягот, которые перенесла твоя мать. Люди все видят и все знают.

Она состарилась как-то внезапно. Конечно, тому виной гибель единственного сына в автокатастрофе. Окки вошла в комнату. На ней длинное темное платье, шерстяной жакет, черный платок. На ногах — легкие чулки. Лицо у нее рыхловатое, редко, видать, бывает на солнце. Лево́й рукой прижимает к груди толстую книгу, завернутую в холстину.

Опускается на стул у изголовья больной:

— Ой, Душинка, Душинка, не к лицу тебе стоны да болезни, — она погладила голову Бабу.

Бабу, будто смутившись, прекратила стонать и стала дышать спокойнее.

— Всю жизнь у тебя, бедняжка, не было времени спать и отдыхать. А сейчас вон как беззаботно ты разлеглась. Скажи мне, что у тебя болит — принести бы мою душу в жертву тебе.

Бабу взглянула на нее, но ничего не ответила и сразу же опять закрыла глаза.

Мягкий, певучий голос Окки заворожил меня, сразу как-то полегчало на сердце.

— Отодвиньте занавес и сами тоже отойдите от окна. Я посмотрю на нее. Бедняжка, совсем исхудала. И давно она в беспамятстве?

— Со вторника, — ответила сноха. Она взяла кусочек марли, окунула его в воду и выжала на губы больной.

— Прочитать сй Коран? — почему-то меня спросила Окки, будто я лучше других разбираюсь в таких вещах.

— Прочитай, Окки.

— Ее тоже надо спросить. Так положено. Душинка, а Душинка, прочитай тебе Коран?

Бабу опять взглянула на нее, отрицательно помотала головой и закрыла глаза.

Почему она этого не пожелала? Ведь считала себя убежденной мусульманкой — ни разу не ела свинину, пользовалась кумганом, вот только не постилась и не умела совершать намаз. Видимо, оттого и посчитала себя недостойной чтения над ней Корана. А может, она не поняла вопроса Окки? Но взгляд у нее был осмысленный. Головой помотала вполне определенно.

Я думал, что Окки обидится на Бабу. Но нет, она погладила голову больной и тем же мягким голосом продолжала:

— Не бойся, Душинка. В День Ахарата тебе будет прощение. Никаких греховных или предосудительных поступков ты не совершила в жизни. И Всевышний воздаст тебе за это. Ничего не бойся: все свои тяжелые земные обязанности ты выполнила сполна. Молодой вдовой осталась ты с сиротой. До самой старости прожила среди нас и ничего зазорного за тобой не было замечено. Когда в твоём огороде чужая скотина вытаптывала кукурузу, то самое страшное проклятие, которое ты произносила, было: «Да поразит тебя гнев Божий!» Другая на твоём месте пожелала бы той скотине быть зарезанной на поминки хозяину. Будь спокойна, дорогая. Ни мужа, ни домашних ты ничем не запятнала. И место они тебе выпросят у Барастыра среди безгрешных.

От слов Окки я прослезился и почувствовал на душе какую-то необыкновенную легкость. Такого ласкового обращения я не слышал не только к старому человеку, но и к малышу. Казалось, ее устами говорит ангел небесный.

Она еще некоторое время посидела молча у постели больной. Несмотря на то, что в комнате было множество женщин, стояла полная тишина. Только под конец одна из них глубоко вздохнула. То же самое сделали и другие.

Перед тем как встать, Окки еще раз погладила Бабу по голове и опять сказала:

— Ни о чем не беспокойся и ничего не бойся, Душинка. Дорога твоя чиста и пряма.

Окки встала с места, медленно сделала пару шагов, остановилась посреди комнаты и обратилась ко мне:

— При родственниках и соседях хочу поблагодарить тебя за то, что так почтительно относишься к своей родительнице. Дай Бог тебе, дорогой, долгих лет жизни. Все видит Всевышний, и в День Ахарата тебе тоже будет воздано.

Женщины почтительно проводили Окки. И, словно боясь, что машина поедет не по той дороге, смотрели ей вслед до тех пор, пока она не скрылась за поворотом.

После ужина я хотел встать из-за стола, но хозяин дома сказал:

— Сиди, куда спешишь? Спать еще рано. Завтра воскресенье, и мне тоже не надо будет торопиться на работу.

Сидим молча, чувствую, что он хочет что-то сказать, но не решается. Наконец, он спросил:

— Ты чем-нибудь располагаешь?

Спасибо, Борис, что ты вслух упомянул о том деле, которое не дает мне покоя.

— Даже не знаю, что тебе ответить. Есть у меня немного денег, а так ты сам видишь: в хозяйстве никакой скотинки.

— Понятно. Дай Бог, чтоб Бабу вскорости выздоровела. Но надо быть готовым ко всему.

— А я и не решался заговорить об этом. Люди могут подумать: больная еще жива, так чего же он загодя готовится к поминкам?

— Понимаю тебя. Все в руках Божьих: и наша жизнь, и наша смерть. Но если у тебя в доме будет в запасе мешок-другой муки, это тебе нисколько не повредит. Завтра сядем в мое такси и поедем в Беслан. Может, в каком-нибудь магазине найдется мука.

В «каком-нибудь» он говорит нарочно, а сам-то наверняка знает, где можно купить муку. А такси он называет старенький грузовик, один из тех, которые стали выпускать вскоре после войны. Развалюха такая, что ни один из колхозных шоферов не решился ее отремонтировать. А Борис пригнал ее к себе во двор. У нее нет даже фар. Ночью на ней не поедешь. Потому и прозвали «дневное такси». И все же Борис разъезжал на ней по своим делам. То накосит травы по берегам Цалыкского канала и привезет для скотины. То на мельницу отвезет зерно. То

солому привезет — да мало ли для чего в хозяйстве пригодится машина.

Дневная жара в последнее время обычно сменялась вечерней прохладой, но сегодня духота не хочет отступать даже поздним вечером. Как бы погода не испортилась.

Я не ошибся. С самого утра во всем теле чувствовалась противная вялость: верный признак, что день будет пасмурный. Так и есть — небо сплошь покрыто тяжелыми тучами.

Пока Борис управлялся со скотиной, я зашел домой.

Бабу все так же не приходит в себя.

Борис завел «дневное такси» и мы поехали в Беслан. Начало моросить, а я в одной рубашке с короткими рукавами. Мы проехали полпути, когда изморось перешла в дождь. И дождь этот уже был затяжной, осенний.

Пока добежали под дождем считанные несколько шагов от машины до магазина, плечи и спина уже промокли. В магазине же стояла не успевшая выветриться духота.

— Обождем немного, может, перестанет, а то мука в тесто превратится, — сказал Борис.

— Хорошо, — согласился я.

Стоим у окна и смотрим на улицу.

После стольких засушливых дней можно было думать, что земля не скоро насытится влагой. Но дождевая вода, вместо того чтобы уходить в землю, почему-то стекается в лужи.

Поняв, что дождь зарядил надолго, Борис спросил:

— Ну, что будем делать?

— По-моему, надо ехать: вряд ли распогодится.

— Мука промокнет.

— В кузове у тебя я заметил запасной скат.

— А какая от него польза?

— Положим на него мешки, куплю клеенку и накроем их.

Для надежности клеенку расстелили и поверх ската, положили на него мешки и плотно завернули их.

День выходной, поэтому на трассе непривычно мало машин. Я надеялся, что понемногу распогодится, однако дождь все усиливается. Упаси Боже, чтобы в такую погоду... Боюсь даже подумать об этом.

Поехали не кратчайшей дорогой — чтобышний раз не встретиться с председателем колхоза. Хотя особо мы его и не боимся, но на выбракованной машине лучше не попадаться ему на глаза.

Вон посреди улицы идет женщина в потемневшем от дождя плаще и пуховом платке. Ее боты увязают в грязи. Заслышав за собой шум машины, она отошла на обочину и взглянула в нашу сторону. Фидарова Римма! Я почувствовал, как сердце у

меня на мгновение остановилось, а затем начало учащенно биться: Римма неспроста идет под холодным дождем. А может, она в магазин собралась. Но тогда в руке у нее должна быть сумка. Да и магазин в воскресенье открывается лишь после полудня, когда продавцы возвращаются с большого базара.

Нет, нет, зря ты успокаиваешь себя: случилось то, чего ты так сильно боялся всю жизнь и о чем сам в последние дни молил Бога: чтобы он избавил Бабу от мучений.

Вон вдали еще два силуэта. Неспроста люди идут под дождем. Что-то очень важное гонит их по такой погоде. Я искоса взглянул на Бориса. По его расстроенному виду понял, что он раньше меня догадался, куда идут люди.

Машина свернула в переулок. Возле наших ворот стоят несколько человек. Как раз с этого самого перекрестка пятьдесят лет назад, в день похорон отца, я увидел пугающее множество людей у нашего дома. Именно здесь я капризно заупрямился и не хотел идти дальше с Нана.

Вот сейчас напрягаю память, но не могу вспомнить, как мы доехали до наших ворот, как я вылез из машины и вошел во двор. Слезы хлынули так обильно, что я даже не смог разглядеть людей, которых застал в комнате. Я наклонился к Бабу и прижался к ней:

— Куда же ты, Бабу, поторопилась, как же ты меня не дождала! Ведь я же всего-то на неполный час отлучился?! Зачем ты меня оставила одного, как же я теперь буду без тебя?! Почему ты не дождала немного, чтобы передать свое последнее пожелание?

— Ой, бедняжка, зачем ты упрекаешь свою несчастную мать? Чем она еще может помочь тебе? — донеслись до меня чьи-то причитания. — Ведь только ради тебя не стала при тебе отдавать душу свою смерти. Даже в этом она тебя пожалела! Так зачем же ты еще ее и упрекаешь?

От рыданий женщин, кажется, даже стены дома сотрясаются. Кто-то хочет оторвать меня от покойницы.

— Ой, Бабу, Бабу, как же я буду без тебя?!

— Обманула, обманула тебя бедная твоя Бабу! Целый год ты смотрел за ней, как за грудным младенцем. Целый год не отпускал ее, но все равно не смог удержать! — по голосу я узнал Римму. — Кто же теперь будет ругать тебя, когда в стужу ты придешь из далекой Хумалагской школы с заочневшими ногами! Кто будет сушить твои носки на печке?

— Ой, Бабу, Бабу!..

— Уведи его, Борис, ради Бога, из комнаты! Нет мочи видеть его и слышать.

— Оставьте его, пусть выплачется! Кто еще, как не он, сможет омыть слезами последнюю дорогу покойницы?

Борис, наконец, оторвал меня от Бабу:

— Будь сдержанней. Не к лицу мужчине причитания.

Вышли в сарай. Здесь стоят все мужчины нашей улицы, с ними — старейшина нашего рода Алимурза.

Когда меня перестали сотрясать рыдания, ко мне подошел Алимурза:

— Царствие небесное твоей матери. Ту, которая покинула нас, назад не вернешь уже. Теперь надо подумать, что и как делать. Прежде всего, надо разослать вестников. Но они должны сообщить на какой день пазначены похороны.

Я еще не полностью пришел в себя, плохо соображаю и стою в нерешительности. Нас обступают и остальные.

— Может, завтра? Ты как считаешь? — неуверенно спрашивает меня Мурза.

— Завтра?.. — Я задумываюсь. — Успеем ли подготовиться до завтра? И не слишком ли быстро это будет?

— Мне тоже так кажется, но... — произнес Алимурза и умолк. Он хотел еще что-то сказать, но не договорил.

В подобных случаях решительней всех Борис:

— Не понимаю, зачем откладывать до послезавтра? О людях надо подумать. Сегодня вот идут, завтра будут приходить, да еще и послезавтра?

— Так то оно так, но давайте послушаем, что скажет ее сын.

— Алимурза взглянул на меня. Он заметил, что от мокрой рубашки меня пробивает дрожь, и велел кому-то за моей спиной:

— Пойди, принеси ему что-нибудь накинуть на плечи.

Я понял, что все ждут моего ответа. Похороны на завтра мне кажутся слишком быстрыми, но и Борис прав: зачем людям доставлять лишнее неудобство? И я сказал, пересилив сомнения:

— До послезавтра вряд ли стоит откладывать. В дальних краях нет никого из ее родни. Некого ждать оттуда на похороны. Но успеем ли до завтра подготовиться?

— Ты, по-моему, не успел бы при всем старании заквасить и перегнать араку и до послезавтра, — напирал Борис. — Самая большая забота в таких делах — кусарт¹ и выпивка. И то, и другое тебе хоть завтра, хоть послезавтра придется покупать. А со всем остальным можно управиться.

— Согласен? — спросил Алимурза.

— Вам видней.

— Тогда помоги нам составить списки тех, кого надо оповестить. А то всегда получается так, что разбитый горем человек

¹Жертвенное животное.

забывает о ком-то оповестить. А люди потом обижаются: вот, мол, даже не вспомнил.

Соседи наши — низкий им поклон — дружно взялись хлопотать.

Стою в сарае, рядом с настежь открытыми воротами. Сыновья — справа и слева. Люди подходят к нам по одному и группами, выражают соболезнование. Креплюсь, но когда женщины, причитая, подходят и обнимают меня, не сдерживаю слез. Они идут дальше, в дом, к Бабу. Мужчин же непогода гонит под крышу сарая. Беда, если дождь не прекратится до завтра. Непогода при похоронах усугубляет горе. Дождевая вода уже совершенно не впитывается в землю.

Размышления мои прервал Мурза. До того он стоял с другими соседями. Рассуждали о том, где можно купить бычка, у кого взять сыр, кого послать копать могилу, где достать добрую араку...

— А это самое... — нерешительно начал Мурза. — Об оркестре говорят и...

— Какой еще оркестр? Она, что, с германской войны вернулась офицером-калейкой? Если кто будет смеяться надо мной, то пусть смеется. Когда старушку провожают в последний путь с музыкой, то мне это кажется издевательством. Не то что на похоронах моей матери, но и на моих собственных прошу обойтись без оркестра. Может, вы еще митинговать замышляете?

— Но есть же обычай...

— Никогда не было у осетин обычая устраивать на похоронах митинги. Напутствовали покойника — и все. Какие еще митинги? Вот если пожалует вас всех государство медалями, тогда и устройте один большой, общий на всю Осетию митинг.

— Правильно, — согласился со мной Мурза. — Оркестр не нужен. А слово митинг такое казенное!..

Люди шли к нам до самой темноты. Наконец, появился и Борис. Я его не видел с полудня: был занят нескончаемыми похоронными хлопотами. Постоял возле меня и сказал:

— Сегодня к тебе уже никто, наверное, не придет. Пойдем, отдохнем. Все, что надо, готово. Можешь ни о чем не беспокоиться.

Я мысленно поблагодарил Бориса. Чтобы ни случилось на нашей улице, все, конечно же, принимают участие. Но основные заботы всегда ложатся на Бориса. Так уж он устроен — не привык быть сторонним наблюдателем. Когда у кого-нибудь из соседей случается горе или какое-либо пиршество, то больше всех старается не уронить честь нашей улицы Борис.

Дождь не прекратился и ночью. Лежу, но сон не идет, ворочаюсь в постели. Бабу ушла, завтра она найдет последнее

пристанище, опустеет ее постель. Больше я ее никогда не спрошу: «Ну, как чувствуешь себя?» И больше не услышу ее неизменный ответ: «Как молодой олень». Ох, нелегко же придется мне с новыми обязанностями старшего в доме. Про умершего говорят: «Покойника жаль, а живые как-нибудь да перебыют-ся». Так-то оно так, но...

Слышно, как за окном падают с крыши капли дождя. Но все же среди ночи я встал и вышел на крыльцо в надежде увидеть на небе хоть маленький просвет в тучах или одну-единственную звездочку. Непроглядная темь. Дождь беспрестанно шелестит по черепице, капли падают на асфальт двора, на пока еще полетному густую листву деревьев. Хоть бы слабенький ветерок подул — может, разогнал бы тучи...

Едва до меня донесся слабый звон ведер, я тут же проснулся. И сообразил, что Зара идет доить коров. Я встал и быстро оделся. На дворе по-прежнему пасмурно, все так же не переставая идет дождь. Кругом лужи, понуро повисли ветви мокрых яблонь.

С ведром молока из стойла вышла Зара. Вместо приветствия я пожаловался ей:

— Не зря, Дзандарон, говорится, что когда похороны приходят на ненастный день, это все равно что в доме второй покойник.

— И не говори: кругом сплошь вода.

— Какую несчастную жизнь она прожила, на такой же точно несчастный день пришлось ее похороны.

— Не расстраивайся: это Всевышний тоже проливает над ней слезы.

А что она может сказать, как не слова успокоения?

В дверях показался Борис, взглянул на небо и, ничего не сказав, помотал головой.

Вдвоем мы прошли к нам. У железной печки под навесом мы застали женщин в фартуках, с воспаленными глазами. Всю ночь они пекли поминальные пироги. Вскоре стали подходить соседи и близкие, готовые помочь, пособить. Каждый из них знает, чем ему заняться, и без лишних разговоров приступают к делу. Ни во дворе, ни в огороде невозможно зарезать и разделать жертвенного бычка. Везде непролазная грязь, пришлось резать в сарае.

— А ты как думаешь? — подошли ко мне Мурза и Мурик.

— О чем вы?

— Досок у тебя навалом. Кругляка и шифера достаточно. Вот мы и решили соорудить из них на улице временный навес. Хотим узнать, что ты на это скажешь. Не под дождем же накрывать столы? Брезент-то вчера достали один, но под него

и половину людей не посадишь. Да и провисает он от тяжести воды и тогда начинает капать.

— Спасибо вам большое, мои дорогие, за вапу смекалку. Я и сам вот уже второй день ломаю голову над тем, как рассадить людей. Ничего так и не смог придумать.

— За шифер не беспокойся: закрепим только крайние листы, а остальные прибавить нет нужды.

— О чем вы говорите! Хорошо, что догадались. Могли бы и не спрашивать меня, а сразу приступить к делу.

— Спрашивать никогда нелишне. Люди разные: у некоторых возле дома кирпич бывает сложен тысячами, но ему жалко отдать какие-то две сотни для могилы матери или отца.

— А меня, что, в подобной скаредности когда-либо заподозрили?

— Нет, но все же...

Мурик собрал несколько парней, объяснил им, что нужно сделать. И те тут же принялись таскать на улицу доски, кругляк, шифер.

Дождь то стекает с крыши струйками, то капает, вот только никак не может прекратиться.

— Могильщики готовы, — Мурза снова подошел ко мне. — Садись с ними в машину и сам выбери место, где копать.

Ребята уже загрузили в кузов кирпичи и сами тоже забрались наверх и сидят, укрывшись полиэтиленовой пленкой. Старший, Сослан, где-то задержался и мы с ним одновременно подошли к машине.

— Сколько кирпичей загрузили? — поинтересовался он у сидящих в кузове.

— Двести штук.

— Надоело мне повторять каждый раз одно и то же: больше ста шестидесяти никогда не берите, — разозлился Сослан. — Сгружайте лишнее.

— Оставь, Сослан, а вдруг не будет хватать — второй раз, что ли, гнать машину по такой слякоти?

— Ты-то когда-нибудь копал могилу? — повернулся он ко мне. — Думаешь, я экономить собрался кирпичи? Просто, когда остаются лишнее, они валяются возле могилы. Что тут хорошего? Одним словом, тут мы без тебя разберемся.

Сослан заставил своих подопечных сгрузить лишние кирпичи и сам аккуратно сложил их там, где брали. Я тоже хотел забраться — за компанию — в кузов, но он посадил меня в кабину.

На кладбище я выбрал место в семейном ряду подле могилы умершего в прошлом году моего ровесника Ермака. И как только ребята разгрузили машину, поехал обратно.

Родня и ближайшие родственники стали у ворот, чтобы видеть всех, кто придет разделить горе не только семьи, но и всей нашей фамилии.

Я отошел, как и положено, шага на два в глубь двора. Сыновья стали рядом со мной. Теперь с этого места мне пельзя сойти до тех пор, пока не вынесут покойницу.

Пришедшие на похороны, опустив руки, скорбно останавливаются у ворот, выражают соболезнование. Один из соседей, кому это поручено, благодарит их, что разделяют горе дома. Затем люди подходят ко мне:

— Царство небесное твоей матери. Пусть ей найдется место в раю.

— Царство небесное Душинка. Понимаем всю тяжесть вашего горя, но на все воля Божья. Крепитесь: какой бы тяжелый камень ни упал с неба, земле суждено выдержать его удар.

— Царство небесное твоей матери. Пусть ей на том свете будет место среди святых. А вам она да покровительствует в этой жизни.

— Царство небесное твоей матери...

Когда женщины входят во двор с громкими причитаниями и обнимают меня: «Горе-то какое, как же теперь ты будешь без матери!» — то сам себе я кажусь беспомощным малолетним сиротой. Не сдерживаю слез и начинаю рыдать. Они же, причитая, проходят в дом, к Бабу. Не успеваю подавить рыдания, как другие женщины подходят ко мне, с новой силой возобновляются плач и причитания.

А дождь никак не перестает: то сильней, то слабей бегут с крыши струйки воды. С полей шляпы холодные капли затекают мне за воротник и оттуда сползают вниз по позвоночнику. Плащ уже совсем промок, вода проникла до самого тела. Вся одежда стала непривычно тяжелой, оттягивает плечи.

Боже, ведь просил я тебя: если суждено будет мне похоронить Бабу, то ниспошли мне погожий день. Почему же ты не вынял моей мольбе? Не завирайся, однако: прежде всего ты просил Бога, чтобы он не забрал тебя раньше матери. И Он исполнил твоё желание. Если бы еще и солнечный день выдался на ее похороны, то это было бы слишком для тебя. Видимо, Всевышний решил, как в той поговорке: некто не надеялся получить глаза, а получив, захотел еще и брови придачу.

— Царство небесное твоей матери...

— Царство небесное Душинка...

Чем ближе к полудню, тем больше идет народу: едва одни отходят от меня, как тут же их сменяют другие. Ни в комнатах, ни в большом сарае во дворе, ни под временным навесом на улице народ уже не помещается. Некоторые — это промокли до

нитки и им уже безразлично — стоят прямо под открытым небом. Сколько лет уже строю новый дом, но так и не смог достроить. Женщины уже не помещаются в старом доме и покойницу вынесли под сарай. В нем стало совсем тесно.

Из Алагира приехала Кора с множеством соседей и родственников. Издалека слышны ее причитания. До того я все время стоял на одном и том же месте, теперь же, заслышав ее голос, я не удержался и, не видя перед собой дороги, вышел навстречу ей на улицу. Понимаю, что мужчине это не к лицу, но все равно обнял ее.

— О моя единственная тетя, из родни ты осталась у меня самой близкой! Не дай Бабу сойти в могилу не оплаканной горько! Друг в друге вы души не чаяли, к кому же теперь ты будешь приходить в родительский дом?!

Как хорошо, когда на свете есть человек, перед которым, не стесняясь, можно выплакать свое горе.

— Люди добрые! Прошу вас подойти ближе, — обратился к народу распорядитель похорон Рамазан. — Женщины, а вас я прошу — отойдите немного в сторону. Позвольте нам напутствовать покойницу в последнюю дорогу.

Дождь, словно сжалившись, стал идти немного тише, но не прекращается. Народ уже не помещается в просторном дворе, носилки с Бабу пришлось вынести на улицу и установить на двух стульях.

К изголовью покойницы подошел Хаджимусса Батагов, один из старейшин села.

— Люди добрые, царство небесное Душинка! Совсем юной девушкой сосватали ее Хаблиевы и вся ее жизнь прошла на наших глазах. Не такой уж дряхлой старушкой покидает она этот мир. Ей бы еще жить и жить да нянчить внуков, но против смерти человек бессилен. Была она достойна более счастливой судьбы, но Бог рассудил по-иному. Вы сами не хуже меня знаете: молодой вдовой осталась она с единственным сыном. Вывела его в люди, ни разу ничем не запятнала себя. Когда ей уже казалось, что миновали тяготы, связанные с воспитанием сироты, то ей выпала еще более тяжкая доля — воспитывать уже не одного, а двоих сирот, своих внуков. Она заменила им родную мать. И пусть они никогда не забывают ее трудов, а сама она да покровительствует им с небес. Люди не забыли твоих трудов и потому, несмотря на непогоду, пришли проводить тебя, Душинка, в последнюю дорогу. Ты всегда все свои поступки соизмеряла с мнением людей. Прежде чем решиться на какой-нибудь шаг, ты каждый раз спрашивала себя: понравится ли это людям, будет ли угодно Богу? Так и прожила свою жизнь, опасаясь, с одной стороны, людской молвы, а с другой — Божь-

его гнева. Не обессудь, Душинка, если в день прощания мы не смогли воздать тебе должное. В счет этого пусть на том свете Барастыр определит тебе место среди праведников. А теперь благодарю всех пришедших на похороны. Все вы сегодня оставили свои уютные дома и пришли к Хаблиевым, чтобы разделить их горе. Пусть Всевышний воздаст вам за это. Счастливых покойников не бывает, но дай Бог, чтобы после похорон Душинка мы в течение многих лет шли друг к другу только на радостные торжества. Если в чьем-либо доме есть больные, то дай Бог, чтобы вы, вернувшись к себе, застали их здоровыми. Тем же, кто ждет путников, я желаю встретить их живыми и бодрыми. А вам, женщины, я хочу выразить особую признательность. Это вы скрашиваете и печальные, и радостные события. И я желаю вам побольше радостных дней, чтобы вы всегда были довольны делами и поступками своих детей. Прощай, Душинка, задерживать тебя мы больше не будем: день — короткий, а путь твой — долог, — Хаджимусса коснулся рукой носилок.

Женщины вновь заплакали. Я стараюсь сдерживать рыдания, но это выше моих сил. Мне трудно сделать глубокий вдох, горло перекрывает в тот самый момент, когда в легкие лишь наполовину набираю воздух, и от этого у меня вздрагивают плечи. С тех пор как носилки с Бабу поставили для прощания, я не могу оторвать от нее глаз и никого вокруг себя не замечаю. Даже Хаджимуссу я не видел в двух шагах от себя, а только слышал.

— От фамилии Хаблиевых слово скажет Алимурза.

Нащ почтенный старейшина сменил возле носилок Хаджимуссу.

— Люди хорошие, спасибо вам большое за то, что пришли сегодня в этот дом. Испокон веков в Осетии не было такого случая, чтобы похоронами покойника занимались семья и родственники: все заботы и хлопоты берут на себя соседи и односельчане. Вот и вы, не посчитавшись с непогодой, пришли проститься с нашей дорогой невесткой. От души благодарю вас за это и в знак признательности снимаю перед вами свою шапку и низко кланяюсь вам. Царство небесное Душинка, а Хаблиевым дай Бог, чтобы приходили в ваши дома только по радостным поводам. Перед тем как попрощаться с покойной, я обращаюсь ко всем собравшимся здесь: осталась ли Душинка в долгу перед кем-нибудь? По мусульманскому обычаю человеку не положено покидать этот мир должником. Долг умершего должен быть оплачен к сороковому дню или к годовщине смерти. Вот вы и скажите прямо, ничего зазорного в этом нет: если Душинка осталась должна кому-нибудь хотя бы миску муки, то ее родня и фамилия посчитают для себя благом расплатиться за

нее. — Алимурза сделал паузу, никто ничего не сказал, и тогда он продолжил: — То, что она никому не должна — это еще не все. Может, кто-то ей должен — пусть скажет об этом. — Он снова сделал паузу, но ответа не последовало. — Ты уходишь в вечность, наша добрая и отзывчивая невестка, и если вдруг мы воздали тебе недостаточно почестей перед тем, как проститься с тобой, то просим тебя не обижаться на нас. Желаю тебе всех своих — мать, отца, братьев, свекра и свекровь, супруга и свою маленькую дочку, своих деверей заставить в раю, и пусть рядом с ними найдется место и для тебя. После смерти благочестивого Эфенди Хаблиева три года на кладбище не довелось хоронить никого: дай Бог, Душинка, чтобы твои похороны оказались счастливее похорон Эфенди и чтобы всем собравшимся здесь ты покровительствовала с небес! — Алимурза коснулся рукой носилок, слезы хлынули из его глаз и он громко заплакал.

Я тоже дал волю слезам, двумя руками вцепился в носилки. А там уже подошли ближайшие родственники последний раз оплакать покойную и коснуться кончиками пальцев носилок.

Носилки подняли, и Бабу отправились в свой последний путь. До самого кладбища я не смог поднять голову, шагал за носилками, меся жидкую грязь. Носильщики тоже, уже не обращая внимания на слякоть, идут посреди улицы, время от времени сменяя друг друга. Наконец достигли кладбищенского взгорья.

Носилки опустили у могилы. Конечно же, нелегко пришлось тем, кто с раннего утра копал могилу под дождем. Но свою работу они выполнили на совесть. Могила выкопана по мусульманскому обычаю, с нишей, куда вкладывают покойника. Последний раз, чтобы запомнить на всю жизнь, до встречи на том свете, вглядываюсь в лицо Бабу. А тем временем голову покойной укрыли голубым шелковым покрывалом, в изголовье положили подушку из хмеля. Потом вместе с ковром подняли Бабу с носилок. Дзанте Мерзоев и Рамазан Борукаев сняли свои куртки, прыгнули в могилу и осторожно приняли Бабу и так же осторожно уложили ее на правом боку в нишу, развязав ей связанные по ритуалу ноги. Сверху подали им на совковой лопате могильной глины. Они, взяв по пригоршне, посыпали ею покрывало с головы до ног. Затем им подали кирпичи и вскоре ниша оказалась заложеной.

Легкая рассыпчатая глина южного кладбищенского склона приняла в свои объятия Бабу.

Поезд, наконец, тронулся. Без пяти минут девять. Совсем опоздали, к автобусу не успеем. Щеки Лапына порозовели в тепле, он заснул безмятежным сном на жестком сиденье, как в мягкой постели. Не пойму его родителей: родили одного ребенка

и остановились. Прав был в свое время — мир праху его — Дабегка Мерзоев.

Жили на нашей улице три брата: Мисост, Джетагаз и Дабегка. Мисоста я помню веселым, жизнерадостным стариком с устрашающими пиками-усами. Балагур и балалаечник, он умер вскоре после войны. Джетагаз — тугодум и молчальник, целыми днями не услышишь от него слова, если не заговоришь с ним. Дабегка же весь в Мисоста: остроумный, находчивый весельчак, наездник и балагур. Из братьев он прожил дольше всех.

Уж сколько лет прошло, но до сих пор в ушах звучат его голос и заразительный смех. Когда сына Мисоста, Мурзу, призвали в армию, то его молодая жена осталась в доме с престарелой свекровью. На Пасху они испекли три пирога и решили позвать Дабегка. Тереза выглянула на улицу, чтобы послать за ним кого-нибудь из соседских ребят. Подвернулся я.

— Пойдем со мной: позовешь старика, чтобы он освятил наши праздничные пироги.

— Ну, если ты до сих пор не знаешь, где его дом, я отсюда укажу тебе.

Указывать ей, конечно же, ничего не надо. Старик жил через два дома от них, но Тереза — шутница, как и Мурза. О такой паре говорят: если не на этом, то на том свете они встретились бы непременно. Вот я и ответил ей шутливо.

— Не зубоскаль, я не нарушу перед ним обет молчания. Но не стану показывать и жестами, что мне надо.

— А ты-то куда? — говорю Терезе. — Обойдусь без провожатых.

— А вдруг он обидится, скажет, прислали соседского мальчишка, что невестка Марзоевых дряхлая старуха, которой трудно пройти считанные шаги?

— А между прочим, в прошлом году, приглашая народ на твою свадьбу, я обошел полсела, и, представь себе, ты меня не сопровождала.

— Приглашать гостей — это одно, другое — когда приглашаешь старшего рода. Кто-нибудь из домашних должен постучать в его калитку.

— Степенностью ты уже успела превзойти свою свекровь.

Шутливо препираясь, мы дошли до дома старика.

— Дабегка, а Дабегка! — постучал я в калитку.

Выглянул сам Дабегка. Густые брови, лицо чисто выбрито, только под носом темнеет полоска редкой щетины, которую трудно назвать усами. Кепка сдвинута на затылок, он в галифе, коричневые носки приколоты к штанинам булавками, на ногах — матерчатые чуваки, холщовая рубашка поверх брюк препоясана

ремнем с серебряным набором. Ростом Дабегка высок, но выпирающий живот скрашивает его рост.

— Это самое... Нана послала Терезу, а Терезе сказала мне... Мурзы нет дома и... Они испекли три праздничных пирога и их надо освятить, — запинаясь, объяснил я цель нашего визита. Старик же, словно ожидая услышать нечто небывалое, смотрит мне прямо в глаза и потому я выпадаю в косноязычие.

— Кто — я? Кто — Дабегка? Ей-Богу, освящу! — Он без лишних раздумий пошел впереди нас. — Вся Осетия отмечает праздник, и надо непременно освятить три пирога. Кто — я? Обязательно освящу! — Старик остановился и повернулся к нам, будто мы подвергаем сомнению его способности на этот счет или же само освящение требует неслыханной отваги, он упер большой палец правой руки себе в грудь: — Кто — Дабегка? Дабегка тысячи и тысячи раз освящал пироги.

И чуть не бежит впереди. Когда дошли до ворот Мурзы, я собрался свернуть к себе домой, но Тереза сделала жест рукой и тихо, чтобы не услышал Дабегка, прошептала:

— Пойдем к нам, прислужишь ему.

— Ох! — вырвалось у меня.

Прислуживание за столом мне уже приелось. Честно говоря, Дабегка я еще никогда не прислуживал и понятия не имел, как он ведет себя за столом. Но прислуживать двум старикам с нашей улицы, Асахмету или Ибрагиму, особенно когда сойдутся за столом, я не пожелаю и врагу: для хозяев дома их визит — это сущее наказание. После нескольких рюмок начинался бесконечный и бессвязный разговор. Что поздний час, что хозяева устали — никакого значения для них не имело. «Встань и уходи» тоже им не скажешь. Я стою возле гостей с графином, мама прислонилась к печи — ноги уже не держат ни ее, ни меня. Стоим и слушаем пьяную околесицу, которую то один из них, то другой начинает двадцатый или сороковой раз и которую не может довести до конца.

Невеселая эта картина мгновенно пронеслась перед моими глазами.

— Мне, что ли, становиться возле него с графином? — упрекнула Тереза.

Ничего другого не оставалось, кроме как войти в дом.

Араку хозяева достали, видимо, из холодного погреба, и когда графин постоял некоторое время на столе, он вспотел, на скатерти под ним образовался мокрый круг.

— Невестка, следовало бы подогреть араку.

Тереза густо покраснела, подошла к столу, и уже хотела взять графин, но Дабегка остановил ее:

— Теперь оставь, но в следующий раз имей в виду. Кто — Дабегка? Дабегка и в разгар лета пьет подогретую араку. Кто? — Я!

Он истово освятил пироги, при этом я, как и положено младшему, сопровождал его тост возгласами «оммен» и по обычаю даже откусил от верхнего пирога. Потом разрезал пироги и встал с графином возле старика.

Тереза сняла со шкафа тарелку с отваренной целиком курицей, поставила ее на стол и опять заслужила замечание:

— Разве можно ставить курицу на стол с гузкой? — укоризненно покачал головой Дабегка.

Он достал из кармана отделанный костяными пластинами складной ножик, с двух сторон потер лезвие о ладонь, срезал гузку и бросил кошке. Кошка схватила гузку и юркнула с ней под кровать.

Дабегка оторвал от курицы ножку и протянул ее мне вместе с куском пирога, уже надкушенным мною.

— Не хочу, — произнес я деликатно. Но я, конечно, притворился: кто откажется от мягкого горячего пирога, не говоря уже о куриной ножке.

— Ишь, какой: не хочу, говорит! Разве младший может отказать от того куска, который обязан съесть? Да ты силой должен отобрать надкушенное, если даже забудут отдать его тебе. Поставь графин и ешь быстро, не задерживай меня.

Я быстренько справился с пирогом и ножкой.

Нана ушла и больше не вернулась. Тереза же молча стоит в углу с кислым лицом. Ей, конечно, неприятно было слышать замечания старика, но что она могла поделать?

Дабегка произнес тосты в честь Всевышнего, Уастырджи, вышел за праздник, за то, чтобы солдат отслужил положенный срок и живым-здоровым вернулся домой, и еще раз поручил его Уастырджи:

— Дай Бог, чтобы молодежи, которая с оружием в руках охраняет государство, никогда больше не довелось узнать, что такое война. Служба же в армии пойдет им только на пользу.

Настал черед тоста за здоровье домочадцев. Тем временем арака начала действовать, и Дабегка — и на трезвую голову словоохотливый — устоялся на Терезу:

— Смотрите на нее: стоит, как кукла-матрешка. Тоже мне невестка, только и знает, что хи-хи да ха-ха. Рожать ты должна, рожать, если уж вышла замуж. А не хи-хи да ха-ха. Я прав или нет? И без того наша фамилия малочисленна, поэтому ты пришла в этот дом не как гостя, а для того, чтобы приумножать наш род. Я прав или нет? Хорошо, что в дом зашел соседский мальчик, а не то я сам был бы за столом и за

младшего, и за старшего. Должен же хотя бы один из младших нашей фамилии прислуживать мне за столом? А ты все хи-хи да ха-ха.

Тереза понуро уставилась в пол, я же еле сдерживаю смех.

— Или хочешь сказать, что ты не из породы кроликов?

Тереза еле заметно улыбнулась. Видимо, старик и в самом деле угадал ее мысли.

— Не смеяться надо невестка, а рожать. Или я не прав?

В незавидном положении оказалась Тереза: лопается от смеха, но попробуй рассмеяться при старике. Хотя бы в ворота кто-нибудь постучался, тогда бы она под благовидным предлогом вышла из комнаты, чтобы во дворе нахототаться. Но никто не стучится.

— И сыновья Джетагаза тоже сидят холостяками, будто вальхи. Не пойму, чего они ждут. Да еще и в моем доме двое жеребцов-переростков. Кто — Дабегка? А Дабегка насильно их женит, что ли? Даже не думают обзаводиться семьями, так что вся надежда нашей фамилии на тебя. Рожать надо! — повысил он голос, да еще так топнул ногой под столом, что кошка отнесла это на свой счет и пулей вылетела из комнаты. — Роди десять! Даже двадцать! Если девятнадцать из них уродятся придурками, то хотя бы один все равно окажется нормальным. Я не прав? Разве недостаточно будет, если хотя бы один из двадцати выйдет в люди? Я к тебе обращаюсь: недостаточно? Я уж не говорю об остальных девятнадцати, но и они, наверно, не все окажутся придурками. Я не прав?

Что может ответить невестка, соблюдающая обет молчания?

Двадцать: Не слишком ли много? Попробуй прокормить такую ораву. Перегнул, конечно, Дабегка — да пребудет душа его в раю.

После появления внука на душе стало легче: слава Богу — наследник. Пока его не было, я все свои труды считал напрасными. Но я слишком хорошо знаю по себе, каково одному — без братьев и сестер, и потому не желаю этого Лапыну.

Поезд прошел под эстакадой, засияли огни ночного Беслана. Я обул Лапына, надел на него шапку, застегнул пуговицы пальто. Он все так же сладко спит.

Поезд остановился. Летом даже в такое время из него выходит много пассажиров, теперь же сошло лишь несколько человек. Они по чистому снегу заторопились по домам. Со спящим ребенком на руках я пересек перрон и направился к стоянке автомашин. Как я и ожидал, на привокзальной площади не оказалось ни одного автобуса. Лишь на стоянке такси сиротливо виднеется одинокий «москвич».

— Дада, вон буква «а»! — неожиданно подал голос Лапын.

— Проснулся, маленький?

Я подошел к «москвичу» и опустил ребенка на землю. Водитель даже не посмотрел на меня. А ведь он наверняка заметил меня, как только я к нему направился. Я потянул на себя дверцу автомобиля, но она оказалась запертой. Водитель, словно только сейчас заметил меня, наполовину опустил стекло:

— Что скажешь?

— В Зильгу повезешь?

— В Зи-ильгу? — с детским удивлением протянул он.

— Да, в Зильгу. Сколько возьмешь?

— Восемь рублей, — последовал нелюбезный ответ.

— Сколько? — не поверил я своим ушам.

— Восемь рублей. Или ты, отец, туговат на ухо?

— Ну и загнул же ты цену! Или думаешь, я первый раз еду в Зильгу? За два рубля возили все время. Ладно еще: три рубля можно в такой поздний час. Но не восемь же! До того как такси подорожало вдвое, отсюда до разворота у зильгинской мечети таксометр насчитывал сорок восемь копеек. Когда таксисту давали рубль, он рассыпался в благодарностях, а ты...

— А мой дед знавал времена, когда гусь на бесланском базаре стоил три копейки.

Мотор «москвича» тихо урчит, стекла изнутри запотели и свет от фонаря на высоком столбе с трудом проникает через них и потому черты водителя расплываются. Он держится за баранку обеими руками, будто давно собрался уехать, а я удерживаю его. Разговаривает высокомерно, словно делает одолжение. Я внимательней всмотрелся в него. Ушанка нахлобучена на самые брови. На худощавом лице выпирают бугристые скулы. Не так уж холодно, а он, в машине, сидит с застегнутой до самого подбородка молнией болоньевой куртки и с поднятым воротником.

— Слишком дорого — восемь рублей!

— А бензин, по-твоему, дармовой? Да и на часы посмотри — сколько они показывают? А заснеженная дорога? Думаешь, меня в такой поздний час выгнали из дому? Нет, дорогой, все хотят жить.

— А чего ты кипятишься? Я же ничего обидного тебе не говорю. Думаешь, мне с ребенком в такое время...

Я осекся: «Не унижайся перед ним, не рассчитывай, что такого разжалобишь ребенком».

Лицо водителя выражает злое упрямство: «Зря надеешься, что ради ребенка уступлю. Небось, думаешь: если я, вместо того, чтобы уложить дитя в теплой постели, возьму его с собой, то шофера задарма меня повезут. Зря, зря ты надеешься прогнать меня ребенком».

— Пяти рублей вполне достаточно.

«Торгуйся, торгуйся: все равно придется согласиться с назначенной мной ценой».

Сам же искоса смотрит в сторону въезда на привокзальную площадь: а вдруг там появится конкурент.

— Восемь рублей.

— Восемь рублей! Побойся Бога!

— Что ты меня Богом коришь? Что-то не слышал про такого Бога, который бы ишака задаром, без пятнадцати рублей, подарил. Смотрите на него: восемь рублей, говорит, дорого. погоди, посмотришь, что будет чуть попозже.

Мы с Лапыном несколько раз ехали из Беслана в Зильгу на такси. Перекинешься парой слов с шофером — садись, поехали. Теперь же он не понимает наш долгий разговор и нетерпеливо дергает меня за полу куртки.

— Ей-Богу, ты большой знаток осетинских пословиц. А вообще, если уж три килограмма козлятины...

Я и сам не очень понимал, что хотел сказать этими тремя килограммами, но, не договорив фразу, подхватил ребенка на руки, перешел железнодорожное полотно и решительно направился в сторону села.

— А козлятина-то тут при чем? — недоуменно крикнул он мне вслед, приоткрыв дверцу. Видимо, он и вправду решил, что я туг на ухо.

Но я даже не оглянулся, и тогда он осторожно прихлопнул дверцу.

Каждая выбоина дороги мне хорошо известна: в прежние годы часто ходил пешком. Когда станционные огни остались позади, то кругом оказалось не так уж темно, как я опасался.

Восемь рублей. Не такие уж большие деньги, можно было и отдать. Но этому, наверное, хватит совести похвастаться перед домашними и друзьями: один олух своим ребенком разжалобил меня хотел, так я взял да и хорошенько с него содрал.

Снег на трассе неглубок, но все еще продолжает идти, хотя сквозь тучи на небе просматривается луна и кругом становится все светлей и светлей. Если идти хорошим шагом, то минут через сорок будем дома; зря потратил я столько времени с тем шкуродером.

— Лапын, ты спишь?

Не отвечает. Он не привык бодрствовать в такой поздний час. Голова покоится на моем правом плече, обнял меня за шею. Беслан остался позади, и вот я уже иду между рядами деревьев, растущих вдоль трассы. Изредка то в одну, то в другую сторону проносятся машины, вздымая снежный прах.

Как только доберемся домой, затоплю печку. Дров на поленище много, но топить приходится лишь изредка. Зимой в доме постоянных жильцов нет, а когда наведаешься и застаетшь поленья сложенными у печи, то это хоть и небольшая, но все же радость. Да еще сверху на них лежат кусочки березовой коры — лучшая растопка, заменяющая газету и керосин. Стоит поднести к сухой березовой коре горящую спичку, и кора тут же занимается огнем. Печник из Хумалага Будди сложил эту печь еще до войны. Но даже через полвека она греет исправно. Вот только после недельных перерывов она начинает слегка дымить. Топить углем мне никогда не нравилось: слишком жарко становится в низкой комнате, да и дух угольный противен. Другое дело — дрова. Горят весело, тихое гудение печки убаюкивает.

Я вспотел, будто долго сидел возле этой натопленной печи, и расстегнул верхние пуговицы куртки. Теплое дыхание Лапына коснулось моей шеи. Малыш любит бывать в Зильге, но сохранится ли эта любовь, когда он подрастет? Не предпочтет ли он селу теплый городской туалет?

Справа, в стороне от трассы, замигали огни кирпичного завода. Это значит, что мы уже дома. Постель, конечно, будет ледяная. Если Лапын не проснется, то одетым положу его на диван, а тем временем разожгу печь.

Лопату для уборки снега сыновья, видимо, опять закинули невесть куда. Ладно, дальше двора никуда ее не денут. В последние годы в продаже появились легкие алюминиевые лопаты, да купить как-то не удается. Думаешь до снега еще слишком далеко, а когда наступает зима, их тут же разбирают в магазинах. Вот и приходится убирать снег тяжелой буковой лопатой, которой орудовал еще дед. Удивительно, как этой лопатой Яи смогла прочистить тропу от нашего порога до могилы моего отца? И все же расставаться с ней жалко. Пусть будет в доме, пока совсем не сотрется. Возможно, этой лопатой еще и Лапын проторит тропинку к моей могиле.

Я свернул от трассы в сторону кирпичного, чтобы скоротать дорогу, как это делал в молодости: напрямик, мимо кладбища.

Будильник нужно будет поставить на шесть часов; успеем — раньше половины восьмого солнце уже не всходит.

Ребенок поднял голову с моего плеча, открыл глаза и удивленно смотрит по сторонам.

— Проснулся, Лапын?

Он ничего не ответил, только при слабом лунном свете внимательно озирает незнакомое место: огни завода, темнеющие деревья кладбища.

— Дада, а куда мы идем?

— Как — куда? В нашу Зильгу.

Он захотел порезвиться на снегу, и я опустил его. Малыш побежал, но не в сторону села, а забегая то влево, то вправо. Ему нравится валяться на нетронutom снегу и он нарочно падает, заливаясь радостным смехом. Он убегает от меня, я притворяюсь, будто не могу догнать его, и это особенно веселит Лапына.

— Дада, посмотри: там кто-то лежит, — он показал в сторону ограды кирпичного завода.

— Где лежит?

Я посмотрел, но ничего не увидел.

— Вон, вон, — вытянул он руку.

Вглядываясь внимательней и у самого угла ограды замечаю темный контур. Я сделал несколько шагов в ту сторону и остановился. Человек! Видимо, упал пьяным и заснул. Скорей всего, рабочий с завода. Но ведь после четырех на кирпичном кроме кочегара и сторожа уже никого не бывает. Этот, видимо, с ними и напился, но почему они его отпустили такого пьяного? Подойти к нему или идти своей дорогой? И без того время позднее, не хватало только возни с этим бражником. Но и оставлять его на снегу тоже нельзя. А вдруг он знакомый или родственник. Кем бы ни был, таскать его на себе до села я не собираюсь. Отволоку в будку сторожа, отоспится в тепле, а утром, когда придет в себя, пусть сам топает домой. Осторожно подхожу к нему. Лапын нерешительно следует за мной. До меня донесся слабый стон.

Я подошел вплотную к лежащему и наклонился над ним:

— Что, брат, больно крепкой оказалась арака или закуска была скудная?

Снег вокруг утопан и на нем подозрительные пятна. Кровь! И одежда его в крови; лежит в странно согнутой позе, одна рука неуклюже подвернута под ним, другую откинул в сторону. Из-под правого уха сочится кровь.

— Дада!.. — раздался за мной испуганный крик Лапына.

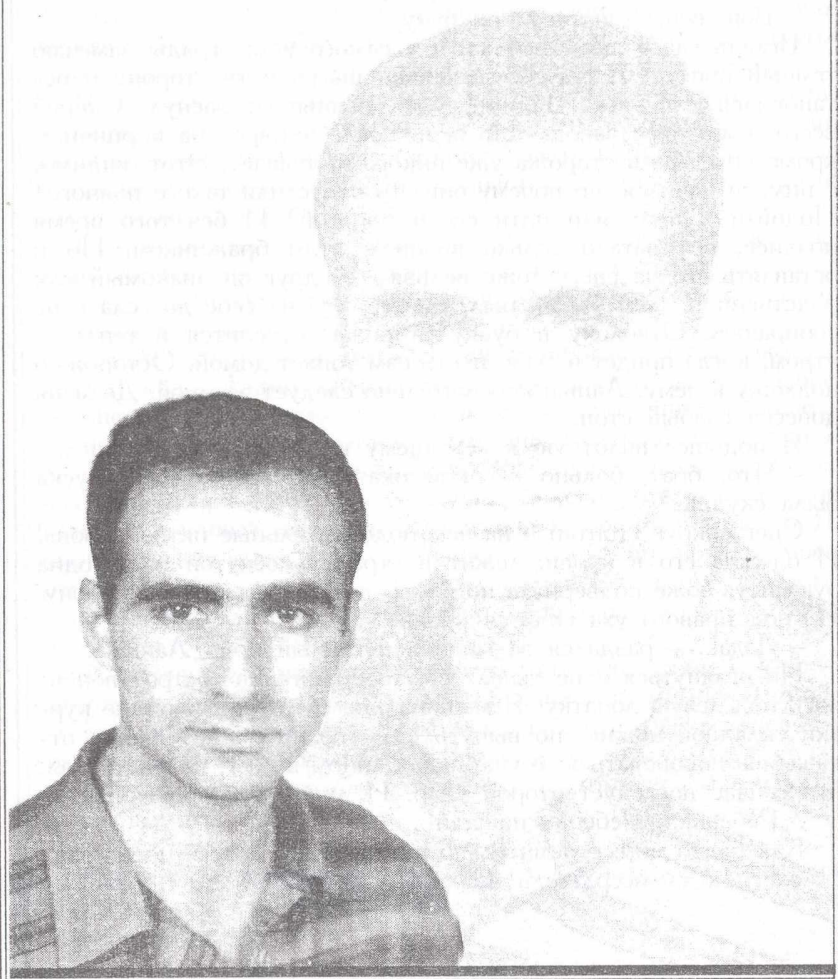
Но оглянуться я не успел: что-то обжигающе-острое вонзилось под левую лопатку. Я машинально схватил в кармане куртки складной ножик, но вынуть его уже не смог. Пальцы отказались повиноваться, и уже падая лицом в снег, почувствовал, что сейчас последует второй удар. И лишь успел прохрипеть.

— Ребенка... Ребенка пощади!..

Как будто мир, стремительно катящийся к своей гибели, еще способен к милосердию и пощаде...

Чермен БУГУЛОВ

ОСКОЛКИ

Я родился 2 ноября 1973 г.
в г. Орджоникидзе. В настоящее
время – аспирант СК ГТУ.
Стихи начал писать в институте,
на 2-м курсе. Был февраль, таял снег...
Я писал одно стихотворение за другим,
пока не изнурил себя,
а может быть, пока не выпустил
всю старую кровь.
Сейчас я понимаю,
что тогда кончился какой-то период
моей жизни.
С тех пор я редко писал стихи,
случались они странно и появлялись
быстро и мучительно.
Всегда это был итог прошедшего
или предчувствие того,
что неминуемо произойдет.
Должен сказать, что я не относился
к своим стихам всерьез,
как к чему-то самоценному.
Более того, я не всегда понимаю
свои же образы и фразы.
Я чувствую, что стихи для меня –
необходимость, своего рода
психологическая компенсация,
и принимаю их как неизбежность.
Случались годы, когда я не писал
ни строчки.
Почему я отнес стихи в редакцию –
это кажется мне очевидным.
Я думаю, что человеку не стоит
хранить свое прошлое в столе,
в ящичках, на колючках.
Жизнь слишком неуловима,
чтобы коллекционировать ее,
и слишком временна,
чтобы отказывать себе
в возможности пройти ее налегке.
Я не знаю, нужно ли мое случайное
творчество кому-нибудь, кроме меня.
Я не настаиваю на своих стихах.
Просто они есть.

19.07.98

Я

твой брат,
я твой сын,
я твой муж;

Я един, как собачья свора,
Как стрела,
как все птицы весною,
как плющ
Со своею безрукой опорой.

* * *

Галька в ладони, радость наружу:
«Устрицы к завтраку, солнце в стакане».
Улицы — к морю, вернемся под ужин.
Номер на ключ и — праздношатанье.

Здесь уже были, там уже ели.
Лучше пойдем, посидим «У Иветы»,
Или отправимся, в самом деле,
Куда-нибудь дальше
в глубь континента.

* * *

Выскочив из метро,
на ходу подведя ресницы,
Подбирая полы пальто,
сквозь толпу, не глядя, стремится
На свиданье
влюбленная женщина...

* * *

Все потом! По обрывкам, по фразам
Узнаю — точно мне уже снилась
Эта радость. И — брошены разом
Стенки-створки, и ввысь заломилось

Небо тысячами площадей!
Стаей птиц мне дарованы свыше
Мой покой, счастье летних дождей,
Деревянный балкончик и вишни,

Близость женщины с мягкой походкой,
Как дитя утром — пахнущей пряно,
И улыбкой распутной и кроткой;
И конечно, мое фортепьяно.

Все потом. А сейчас я свободен,
Как пьянчужка прилеглий на травку,
Как гимнаст, что уже непригоден,
Как полковник, идущий в отставку.

Я сыграл свою партию скрипки
До последней записанной ноты,
Я нигде не сделал ошибки,
Я не выдал себя ни на йоту.

16.05.98

* * *

Я и ты
— ящерицы, что бегут друг за другом
замкнутым кругом;
Это — символ взаимного поглощения
У черты,
за которой грехов отпущенье
— прощенье.

Этот день
совершает полуденный круг
— крюк,

Тень пропадает на миг
вдруг,
Стен отторгающий зной,
стук,

Сердце
в залоге порук
и мук,

В пальцах моих
вязкий свет коньяка,
Тысяча солнц
обрывает рука.
Память моя — коротка,
легка.
Память-пыльца мотылька.

Я — это ты
 в жуткий день равноденствия,
 Ты — это я,
 не смеяся, не плачь.
 Ты — моя жертва
 и мой палач
 В день ускользающего совершенства.
 31.01.98

* * *

За стеклами ливень, за стенами море;
 За ужином — вечер и теплая ночь,
 И мысли. По радио в коридоре
 Концерт. Фортепьяно со скрипкой, точно

Изводят себя. Я на ощупь бреду
 Линейкой приемника к шуму прибора
 В подсветке прожектора. Мне на роду
 Написано было быть только собою,

Жить именно в этом оставленном доме
 Похожем на баржу, стеречь эту синь,
 Пройти, не коснувшись плечом, невесомо,
 Неслышно, как лето. И сон всех пустынь,

Лежавших в цвету по ту сторону мира,
 И ветер срывающий плоские крыши,
 И в письмах твоих мне — сонеты Шекспира,
 И то, что иной никогда не услышит.

Мое! Так хранителем вычурных знаний,
 А может смотрителем маяка
 В своей прошлой жизни при опознании
 Я б оказался наверняка.

Мертвая бабочка, дверь нараспашку...
 Что будет завтра? Что и сегодня.
 Пущено время промокашкой
 В бритый затылок волей Господней.

За стеклами море, за стенами море,
 Стихийное бедствие на Эквадоре:
 Затоплены улицы, смыты опоры...
 Я засыпаю, я слышу море.

22.09.96

* *

Ветер и сосны,
 белые дюны.
 Птица застыла, вписавшись в картинку.
 Взгляд — и сорвалось серое небо
 В серую радужку с серой икринкой.

Профиль твой чистый
 изысканно тонок,

Точно ладья.
 Выгиб спины
 — египетской кошки
 Бронзового литья.

Мир слишком тонок, пронзительно тонок,
 Волос — песок рассыпается всласть;
 Узость ладони, губы и стопы
 — все пред тобою, не выпасть, не впасть.

Выпас, где время сжимается в чувства,
 Плоская крыша — участок любви;
 Все слишком пусто, пугающе пусто
 В небе без птиц, в голове и в крови.

08.09.97

* * *

Слышишь, уходит лето
 по половицам сквозь спальню;
 Висячий фонарь через занавес
 ловит нас сетью-вуалью.

Будто беседуют двое...
 Нет, это ветер гуляет;
 За перебеленной стенкой
 травы волна поднимает.

— Ягоды под ногами...
 Я закрою окно?
 Будешь вино? Да ладно,
 просто еще пятно
 На цветастом одеяле.
 Купим еще одно.

Знаешь, нам ночью светит
в дверь — большая звезда,
И, похоже, отсюда
я не уйду никуда.

Зря не верти — просыпалось
время песочных часов;
Что за беда — пересменка, бессонница,
строчка без цифр и снов...

Кончилось долгое лето,
и завтра
Все уже будет иначе,
другим.

Спи, наше счастье сторицей оплачено
Кем-то другим, кем-то другим.

26.08.95

Половодье глаз,
заклинанья вскользь;
Круг из губ и рук,
доли солнца врозь.

С омертвением слов
оживает звук,
В сочетаньях их
— заповедь разлук.

С проливным дождем
ты проходишь мимо,
В прошлогодних листьях
тлеет твое имя.

На одном распытье
мы спина к спине,
С одного распутия
— мы вдвоем вдвойне.

В сомкнутых ладонях
облепихов свет;
За спиной отчаянье
мертвых лет.

24.02.93

Дождь отстучал,
я не усну
в ветер.

Желтый вокзал
стынет в своем
свете.

Настежь окно
— вряд ли кто заметит,
Улицу, как тень, пересеку

Запах дегтя,
мокрые скамейки.
Хоть в поллоктя
— вору уж лазейка.

Дни свои
отмеривший линейкой,
Ночью провожает поезда.

Мимо быстрые шаги,
Эй, девчонка, не беги.
Зря сойдутся каблуки
к свадьбе.

В том окне молчат за чаем,
Кто сквозь сон дитя качает,
Кто в жене души не чает
— глупый.

Все одно
— что к Богу, что от Бога,
Мало ли ты просишь
или много.

Все одно
— ручьи или дороги
Снова приведут тебя в твой дом.

24.03.96

Полюби, Господь, неприкаянных,
Брось на дно души
грош нечаянный.

Не ходить с тобой мне в молельни,
В четырех стенах
стер колени.

Я искал в себе откровения,
В разрушении
— утешение.

Я хранил заветные камни
Городов
с побережий дальних.

Я бежал от счастья людского,
Я не знал ни себя,
ни покоя.

Я устал провожать поезда...
Сесть и ехать.
Неважно куда.

Полюби, Господь, неприкаянных,
Брось на дно души
грош нечаянный.

Нам весь мир приют
— дом за домом,
Нам весь мир пройти
незнакомый.

Тихой поступью, через заводи,
В редких выселках
выйдя на люди.

Не заметит глаз постороннего,
Оттого и свет нам
просторнее.

10.96 — 03.98

* * *

Продаются стихи,
ни много ни мало,
Всем: налево, направо
— кому попало.

— Не ворованы ль?
— Что Вы, как можно, гражданка?!
Их хозяин скончался во вторник
— ветрянка.

Вынос тела
— солидное мероприятие,
Правда, туш отменили
и вынесли прямо с кроватью.

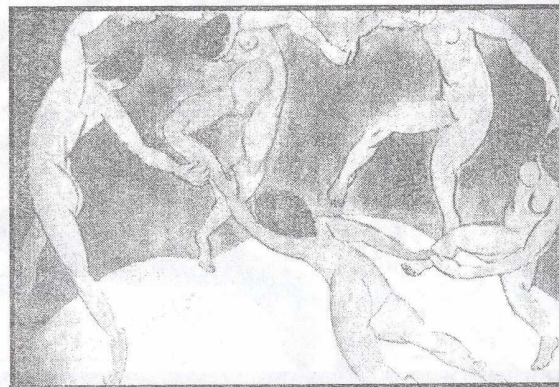
Зря боитесь,
блохастых стихов не бывает.
Что приبلудны, нечесаны — правда,
никто не скрывает.

Их хозяин, земля ему пухом,
был редкостный жмот,
Все просчитывал что-то в тетрадке
на годы вперед.

Все мечтал о вокзалах, поездках и море...
Ведь совсем еще был молодой
— вот где горе, так горе.

Продаются стихи. Пожалейте, примите.
Черт возьми, да возьмите ж,
потом в три цены продадите,
Может быть... Или, так,
Что-нибудь в них скрутите, сверните.

28.01.98

Анри Матисс. Танец

СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

Перевод с осетинского
Геorgia ТЕДЕЕВА

В оформлении использована иллюстрация Махарбека Туганова

СМЕРТЬ УАРХАГА

Занедужил старый Уархаг и понял, что умирает. И тогда призвал нартов и говорит им:

— Я хотел отойти в мир иной, нарты, не оставив вам врагов. Но — что делать! — уцелел один из моих зложелателей. Он все время враждовал с нартами, и горько мне, нарты, что ненаказанным он остался.

— Скажи нам, — говорят нарты, — кто он, этот зложелатель нартов? И мы отомстим ему.

— О, нелегкое это дело, — отвечает Уархаг. — Вы не сумеете с ним сразиться, уж очень он коварен. Поэтому я должен сам наказать его. Но прежде мне нужна вода из источника Черной Горы. Обмойте меня, нарты, этой водой. И тогда увидите, сколь крепок еще ваш старый Уархаг.

Принесли нарты столько воды, что ее хватило обмыть недужного Уархага. И востропел на их глазах обмытый водой из источника Черной Горы старый Уархаг, необыкновенную легкость в своих членах почувствовал.

А Уархаг, уже легкий в движениях, говорит нартам:

— На гибельное предприятие отправляюсь я, нарты. Но пусть никто не пытается сопровождать меня.

— Но как нам быть, — недоумевают нарты, — если ты не вернешься обратно? Где искать тебя?

— А вы последите за утренней зарей. Будет она быстро выгорать, знайте, пропал я, сгинул. Если же она только потускнеет, значит — жив я еще, хоть и угрожает мне смертельная опасность.

Сказал это Уархаг и отправился в свой гибельный путь. Одолевал он семь перевалов, проехал семь ущелий, пересек семь равнин. И, наконец, почувствовал, что изнемогать стал. Годы, долгие годы, прожитые им, утомили старого Уархага.

Но едет он все же и вот выезжает на берег большой реки, и говорит себе: «Отдохну-ка я здесь». Спешился Уархаг, прилег на траву и стал оглядываться. Но вокруг было безлюдно. И тогда опустил Уархаг старую голову свою на грудь и задремал. Но вскоре проснулся и опять огляделся вокруг. И вдруг увидел каких-то косарей. Машут косами косари, полосы кошенной травы оставляют за собой. И тогда встал Уархаг и подошел к ним:

— Будьте благополучны, косари! — кричит Уархаг.

— Живи весело, старик!

— Для кого косите?

Продолжение. Начало см. «Дарьял» 3 '91, 2 '92, 1-3 '94, 2, 4 '95, 2 '96, 3 '97, 2 '98.

— Для Карамадза косим, да погибнуть ему! Есть у него восемнадцатирогий олень, которому накошенной ста косарями травы хватает только на утреннее кормление.

Ничего не сказал Уархаг, отправился дальше. И вот видит опять — пахут пахари на бескрайнем поле, длинные борозды оставляют за собой.

— Да будет в удовольствие вам работа ваша! — приветствует Уархаг пахарей.

— Будь благополучен, старик! — отвечают ему пахари.

— Для себя ли вы пахете или поле принадлежит другому?

— Где нам владеть такими полями! Это поле, да останется оно без хозяина, принадлежит Карамадзу! — отвечают одни.

— О, да увидеть нам его мертвым! — добавляют другие.

Едет дальше Уархаг. И видит — на бескрайней равнине тысячи людей мечут стога.

— Будьте благополучны! — кричит Уархаг.

— И ты будь благополучен, путник! — отвечают ему.

— Зачем вам так много сена?

— Что делать, велят нам.

— Но кто вам велит?

— Карамадз. Чтобы сгореть ему вместе с этими стогами!

Ничего больше не сказал Уархаг, отправился дальше. И вот въезжает он в селение Карамадза. Отыскал Уархаг дом Карамадза и кричит:

— Здесь ли ты, Карамадз?

— Здесь я. Но кто ты и что тебе надо?

— Я — старый и немощный странник. Приюта прошу у тебя, Карамадз!

Вышел Карамадз и, увидев Уархага, сверкнул глазами величиной с гумно.

— Откуда прибыл?

— Из земли нартов.

— Откуда, откуда?! — резко переспросил Карамадз.

— Из земли нартов. Преследуемый нартами, убегаю от нартов.

Услышав про нартов, рассвирепел Карамадз, сгреб старого Уархага и закинул его себе в огромный, как пещера, рот.

— Остановись! — кричит Уархаг. — Иначе проглотишь меня!

— Ненавистны мне нарты, смертельные враги мои! Как ты, ничтожный, посмел упомянуть при мне имя нартов?!

— А что мне оставалось! Но ты выпусти меня и тогда я тебе все объясню!

Любопытно стало Карамадзу. Вынул он Уархага из-под своего языка и спрашивает его:

— Кто ты?

— Я, бедный человек, всю жизнь служил пастухом у нартов.

— Так бы и сказал! Но знаешь ли ты нарта Уархага?

— Как не знать! Этот старый осел у нартов является предводителем.

— И нарта Уархтанага тоже знаешь?

— И Уархтанага знаю. Он у нартов почитается за достойнейшего мужа.

— А, по-моему, Уархтанаг такой же осел, как его брат Уархаг.

— Прости мне, Карамадз, мое любопытство. Я ведь всю жизнь служил нартам и потому знаю и Уархага, и Уархтанага. Но ты-то откуда знаешь их?

— Мне ли не знать их! Много раз пересекались наши дороги. Но ни я не смог одолеть их, ни они меня.

— Неужели они так сильны?

— Нет, конечно. Но Бог на их стороне.

— И они, наверно, теперь жаждут знать, в чем твоя погибель?

— Если они это узнают, то будут просто счастливы. Но где им узнать!.. Ты мне вот что скажи, нартовский пастух, зачем ты прибыл в нашу землю?

— О, Карамадз, я ведь уже сказал, что за защитой прибыл я сюда. И потому прошу — спрячь меня, приюти надежно, словно гостя отца и матери твоей. Нарты ведь такой народ, что даже по чернотропу отыщут след мыши. А найдут меня — не жить мне больше.

— Раз так, то не бойся. Ты под моей защитой. А мне их нечего бояться. Стрела нартов уклонится от меня, копье не пронзит, меч — не рассечет.

— О, — удивляется Уархаг, — да ты, видать, не женщиной рожден!

— Это правда, не женщиной. Я родился в особенный день. И потому мне не суждена гибель от земного человека.

— Но что это был за день?

— Тогда предки нартов сражались с нами, с гумирами. И когда гумиры побежали, спасаясь бегством, то моя мать, беременная мною, вынуждена была остаться, потому что ее смертельно ранили. И заползла в кусты, чтобы спрятаться. И неожиданно увидела там стельную оленуху. Что еще оставалось делать моей матери — метнулась она к оленухе и, поймав, вдула мою душу в чрево ее. А сама умерла. Спустя какое-то время я родился вместе с олененком — близнецом моим. И оленуха вскормила меня. А потом, когда мы с олененком выросли, когда я стал гумиром, а олененок оленем, оленуха вдохнула мою душу в моего близнеца — могучего восемнадцатирогого оленя. И теперь сам подумай, нартовский пастух, могу ли я умереть, если моя душа пребывает в олене? Если этот олень — бессмертный?

— Да бережет его Бог, — проговорил Уархаг. — Но если надо, я буду ухаживать за ним. Я ведь пастух.

— О, старик, не доверяю я тебе. Скажи-ка, почему ты убежал из земли нартов? Если я поверю тебе, то позволю ухаживать за оленем, близнецом моим. Иначе я тебя зажарю и съем.

— Что ж, — говорит Уархаг, — тогда слушай. И поступай как знаешь. В свое время я, тогда еще маленький ребенок, остался один. А все потому, что нарты убили моего отца. Как же не горевать было моей матери! Надломилась она и умерла вскоре. И тогда нарты, в то время походом бывшие в нашей земле, взяли меня с собой в землю нартов. Конечно, не для того, чтобы скрасить мое сиротство, а для того, чтобы приставить к своему стаду. С тех пор я и служил им. И ни разу не потерял даже теленка из их стада. А теперь вот состарился. Где мне, теперь дряхлому, углядеть за огромными нартовскими стадами крупного скота! И вот — пропало у меня несколько быков. Да проревет всю жизнь ослом нарт Уархаг — это его были быки. И потому он пообещал убить меня, если быки не отыщутся. Но где мне, дряхлому и немощному, их найти! Я вот испугался и убежал, ведь умирать не хотят даже такие старые, как я. И вот убегаю я лесами и полями и вижу — стоят, о чем-то спорят семеро нартовских юношей. И тогда затаился я и слышу — о тебе, Карамадзе, речь у них. Одни кричат: «Разве Карамадз мужчина. Он только запасы умеет делать, как мышь на зиму». Другие добавляют: «Карамадз потому отсиживается дома, что при нартах никто не посмеет поднести ему почетный бокал». Третьи утверждали: «Если бы Карамадз был мужчиной, он бы хоть раз вступил в наш симд. Но где ему, трусу, вступать в симд, если он даже не решается к девушке нартовской подойти».

Не сдержался я тогда, потому что был наслышан о тебе от старших нартов, и спросил их: «Как же так, говорю, если вы столь мужественны, то почему вам не сразиться с Карамадзом? Но, похоже, вы боитесь его»...

Рассердились юноши нартовские. И крепко поколотили меня. И бросили там же, на лужайке, посчитав умершим от побоев. А сами углубились в лес поохотиться. Долго валялся я там, но вот, наконец, очнулся. И говорю себе: «Убегай, бедняга, не видать тебе больше покоя, убьют тебя нарты!» И вот я здесь. И прошу покровительства у тебя. Обещаю, что буду служить тебе, где пригожусь. Таково мое положение, славный Карамадз.

Тогда Карамадз спросил:

— А в каком лесу ты повстречал семерых нартовских юношей?

— В лесу под Солнечным Скотом. На лужайке.

— Вижу, — говорит Карамадз, — трудная доля тебе выпала, нартовский пастух.

— Ничего не поделаешь, — отвечает Уархаг. — Над нами Бог, под нами земля.

— Верю я тебе. Но вот скажи мне — встретил ли ты кого-нибудь, когда шел сюда?

— Как же, — говорит Уархаг. — Косарей видел, пахарей, а потом работников, метавших стога сена.

— А знаешь ли ты, что они все заготавливают сено для моего близнеца-оленья? Так вот, я сейчас отправлюсь в лес под Солнечным Скотом, а ты послужи мне в мое отсутствие.

— Приказывай, Карамадз.

— Передай тем, кто мечет стога, чтобы в течение трех дней давали оленю утроенную меру сена.

— Хорошо, — говорит Уархаг. — Но прошу тебя, помни: юноши нартовские — это охотники. Будь осторожен.

— Я знаю это, — сказал Карамадз и отправился искать семерых юношей нартовских.

А Уархаг поспешил к работникам, метавшим стога. Но когда спускался по каменной лестнице из галуана Карамадза, кто-то окликнул его из узилища под каменными ступенями лестницы.

— Эй, послушай, нарт!

Посмотрел Уархаг и видит дряхлого старца-узника.

— Кто ты? И что тебе надо? — спрашивает Уархаг.

— Прости, — говорит узник. — Мне ведомо, зачем ты прибыл сюда. Убить ведь Карамадза, не правда ли? Но тогда поступи так: скажи тем, кто мечет стога, чтобы они три дня подряд давали оленю сена только треть обычной меры. Передай это и вернись назад. Я научу тебя, что дальше делать.

Уархаг сделал так, как велел старый узник. И потому работники сметали сена в треть обычной меры. И пока Карамадз искал юношей нартовских, мучаясь от жажды, Уархаг успел вернуться к старому узнику под каменными ступенями лестницы.

— А теперь, — говорит старик, — свали в олений водопой несколько возов соли, пока олень не подошел утолить жажду. А сам схоронись.

Так и сделал Уархаг. И вскоре видит — вышел олень из лесной чащи, спешит жажду утолить. Подошел к водопою, уронил голову и пьет. Долго не поднимает головы, пьет и пьет. Но не утолит жажды, — вода ведь соленая, — лишь увеличивает ее.

Старец-узник и говорит Уархагу:

— Олень выпил много. Видишь, насколько убывла вода в водопое. А это значит, что скоро он будет мочиться... Ты же, нарт, изловчись, подставь кадку и наполни ее оленьей мочой. А там поспеши накалить докрасна меч и окуни его в кадку. Только мечом, закаленным в моче этого оленя, одолеешь Карамадза. Нет на него другой погибели.

И опять Уархаг сделал так, как велел старец-узник. Наполнил кадку оленьей мочой, потом, быстро накалив меч докрасна,

окунул его в кадку. Зашипел меч и, шипя, выпарил большую часть содержимого кадки. А потом Уархаг, тоже по указанию старца-узника, убил закаленным мечом оленя.

И оттого Карамадз, искавший в лесу семерых нартовских юношей, вдруг почувствовал необыкновенную слабость. И неладное почуял он. И потому спешит домой, хоть и подгибаются под ним ноги.

Но не дремлет дряхлый узник, хорошо знающий Карамадза. Говорит Уархагу:

— Возвращается Карамадз. Видишь, земля дрожит. Мне, узнику, нельзя ему на глаза показываться. А то он догадается, что неладно у него в доме. Ведь я единственный, кто знает, как убить его. Поэтому я вернусь, нарт, в свое узилище. А ты покажи, на что способен.

Спрятался старец-узник. А там уже и Карамадз нагрязнул. Шатается он, пот стекает с него, бежит по лицу такими ручьями, что их хватило бы мельницу водяную крутить. Увидел Уархага и рывкает:

— Исполнил мое повеление, нартровский пастух?

— Исполнил. Как ты и велел. Теперь у тебя нет заботы с восемнадцатирогим оленем. Зарезал я его.

— Выходит, ты нарт! — рывкает Карамадз. — Никому, кроме нарта, не дано зарезать моего оленя!

— Клянусь отцом и матерью, я и есть нарт!

— Но кто ты? — удивляется слабеющий Карамадз. — Имя, имя твоё!

— Уархаг я.

Взъярился, услышав это, Карамадз. Собрал последние силы и налетел на Уархага. И даже подмял под себя старого Уархага, но изловчился нарт и подставил острие меча под сердце Карамадза. И насадился Карамадз на меч Уархага. Но и старый Уархаг, смертельно пораненный Карамадзом, уже не встал. И тогда обращается он к старцу-узнику:

— Выйди из своего узилища, добрый человек! И прими, как мой дар за оказанную мне услугу, все добро этого пса. А теперь подойди ко мне ближе и выдерни три волоса из уса моего и положи на угли раскаленные.

И сделал так старец-узник. И когда три волоса свернулись на углях и запылали, восточная часть неба начала мерцать и переливаться. Увидели это нарты и поняли, плохо приходится их старому Уархагу, погибает где-то старый Уархаг.

И тогда, похватав оружие, высыпали нарты на улицы нартовские и вскоре усеяли дорогу, которая вела во владения Карамадза. И уже слышит умирающий Уархаг топот нартов, потому что дрожит земля от могучего шага у них под ногами. И понял

Уархаг, что это нарты спешат к нему на помощь. И встревожился он, потому что испугался за старца-узника. И говорит ему.

— Слышишь, добрый человек. Это нарты идут сюда. И лучше тебе пока спрятаться, а то они в гневе, не разобравшись, могут убить тебя.

Но вот уже подошли нарты. Увидев смертельно помятого Уархага, окружили они его, выкрикивая угрозы. Но успокоил их Уархаг и тогда позвал старца-узника. И когда тот выполз из своего узилища, сказал:

— Вот перед вами мой благодетель, нарты. Пусть все добро Карамадза достанется ему. Он заслужил это. А вам, нарты, я оставляю три совета, как наилучший дар мой.

— Вот первый мой совет — лучше жить в заплатах, чем в проклятиях. И потому не бойтесь бедности, бойтесь осуждения соплеменников.

— А мой другой совет вам, нарты, таков — чем долго горевать, лучше один раз порыдать. Знайте же и помните, долгая тоска изнуряет, а горе, пусть самое сокрушительное, очищает душу.

— Слушайте и третий совет мой, нарты! Помните же, что злоречие причиняет больше боли, чем злоумышление. И это недостойное занятие — злоречение. Никогда не опускайтесь до наветов, нарты. Наказывайте недругов не хулой недостойной, а мечом острым.

Сказал это старый Уархаг и умер.

САНТСКИЙ МАЛИК

Близнецами были Урузмаг и Хамыц, но не знали они, кто из них первый. И потому часто за первородство спорили. Но вот устали они от споров и тогда говорят себе: «А поедем-ка к родичам матери нашей, пусть они рассудят — кто из нас старший, а кто младший».

И вот отправились братья к родичам матери своей. И по дороге забрели в дебри непроходимые. А там в это время охотился свирепый Сантский малик. Увидел он Урузмага и Хамыца, схватил их и погнал к себе в галуан. И приставил Хамыца двор подметать, а Урузмага определил в водоносы. И плохо, пособачьи, жилось Урузмагу и Хамыцу. Вечерами Сантский малик бросал им, усталым, кусок ржаного хлеба и отправлял спать в ясли в темном хлеву.

И вот однажды Урузмаг говорит Хамыцу:

— Лучше погибнуть, чем служить этому длинноухому ослу. Надо что-то придумать.

И тогда решили так — как только Сантский малик пойдет охотиться, пройти к его жене, а там обстоятельства покажут, что дальше делать.

Так и сделали Урузмаг и Хамыц. Едва Сантский малик удалился из галуана, они прошли в покой его жены и говорят ей:

— Твой супруг запер ворота. А если — чего не бывает — понадобится выйти за ворота? Как быть тогда?

Жена Сантского малика даже не взглянула на них. Она только скривила губы.

— Видали, какие орлы! Тоже мне мужчины! Прочь с глаз моих! — и выгнала братьев из своего покоя.

Ничего не сказали в ответ Урузмаг и Хамыц, только огорчились. Но жена Сантского малика не забыла о разговоре водоноса и подметальщика и потому вечером, когда Сантский малик вернулся с охоты, она пожаловалась ему на нартов. Подумал Сантский малик и велел жене:

— Глаз не спускай с этого подметальщика и с этого водоноса!

Как-то раз, когда Сантский малик опять пошел на охоту, особенно тщательно заперев ворота галуана своего, забрались нарты в покой жены малика и убили ее. Что и оставалось нартам, если она пообещала их известить! И вот убили ее Урузмаг и Хамыц, а сами спрятались в яме возле ворот. Между тем слуги, увидев мертвую хозяйку, всполошились и начали искать Урузмага и Хамыца. А к тому времени и Сантский малик вернулся с охоты. Увидев убитую, спросил челядь:

— Открывал ли кто-нибудь сегодня ворота галуана?

— Нет, тобой клянемся, наш малик! — заверили слуги.

— Тогда позовите всех работников ко мне.

Явились к Сантскому малику слуги и работники. И видит малик — нет среди них Урузмага и Хамыца.

— Убили те двое, которые отсутствуют. И потому одни из вас пусть обыщут весь галуан, а другие отправятся в погоню.

Так и сделали слуги и работники. Одни кинулись в погоню, а другие обыскали все закоулки галуана, но не обнаружили нартов. Но вдруг один из старых слуг, неловко шагнув, провалился в яму возле ворот. И тогда Урузмаг и Хамыц, там прятавшиеся, схватили старого слугу и говорят ему:

— Ты все тут знаешь. Покажи, как бежать отсюда. Иначе убьем.

Испугался старый слуга и говорит:

— Вот здесь, в пол ямы, вмазана каменная плита. Выньте ее и вам откроется подземный ход. Он и выведет вас за пределы галуана.

Хамыц быстро вывернул плиту и нарты увидели подземный ход. И оставив старого слугу, бросились бежать.

А в это время дочь Сантского малика, сидевшая в своем покое, увидела нартов и спрашивает:

— Эй, работники, а где мать моя? Не видно же ее!

Хамыц отвечает:

— А ты разве не знаешь, что твой отец заколол ее?

Услышав это, девушка разрыдалась и закричала:

— О, да увидеть бы мне погибель твою, отец!

И тогда Урузмаг говорит ей:

— А ты скажи нам, в чем смерть твоего отца. Мы и отомстим ему за убийство твоей матери.

— О, нет ни оружия, ни болезни, которые могли бы погубить моего отца, Сантского малика! Смерть ему суждена только от меча нарта Ахсара, из небесной стали выкованного.

Не стали мешкать Урузмаг и Хамыц, узнав тайну Сантского малика. Поспешили они в нартговскую землю, а там немедля прошли в башню отца своего, Уархага, и увидели Ахсаров меч. Висит тяжелый меч на стене башни и в жажде боя синее пламя испускает. Лижут языки пламени меч, извиваются...

А к тому времени люди Сантского малика, не обнаружив следов Урузмага и Хамыца, вынуждены были вернуться в галуан Сантского малика. И донесли Сантскому малику, нетерпеливо ждавшему возвращения погони, что не нашли они нартов. И тогда Сантский малик призвал дочь и, увидев ее плачущей и проклинающей отца, удивленно спросил:

— Почему, дочь моя, ты гневаешься на меня, своего родителя?

— Как не гневаться мне на тебя, отец! Ведь ты убил мою мать! Но зачем?

— Не убивал я никого, — говорит Сантский малик. — Убили те двое, которых не могут найти слуги, — подметальщик и водонос!

— О, — застонала дочь Сантского малика, — а я ведь видела их! Ищите их по дороге в землю нартов!

Много слышал Сантский малик про нартов, но никогда не видел их. Но теперь решил собрать войско и наказать нартов.

И вот уже идет войско Сантского малика. Дрожит под тяжелой поступью воинов земля. И готовиться бы Урузмагу и Хамыцу достойно встретить войско малика, но нет, спорят близнецы — кому из них на правах старшего владеть мечом Ахсара. Не могут договориться Урузмаг и Хамыц. Но, наконец, порешили.

— Меч выкован Курдалагоном. Спросим у него. Что скажет он, с тем и согласится каждый из нас.

И отправились Урузмаг и Хамыц к Курдалагону, оставив меч дома.

Между тем Сантский малик уже нагрянул к нартам. И расположился со своим войском жить среди нартов. И велел им ежедневно резать семь быков для его воинов. Что делать —

подчинились нарты, но вскоре начали ворчать. И тогда одни из них оказали:

— Лучше погибнуть, чем ежедневно позволять объедать себя, исполнять повеления Сантского малика.

А у Сантского малика был обычай — спать от одной трапезы до другой. И вот однажды, проснувшись, спрашивает:

— Готова ли еда?

— Но у нас уже нет ничего, — говорят нарты. — Не стало у нас ни скота, ни хлеба.

Рассвирепел, услышав это, Сантский малик. Вскочил и в великой ярости прошел по нартовскому селению. Сгреб он все добро нартовское, собрал всех красавиц нартовских, а потом сказал нартам:

— Если выдадите мне Урузмага и Хамыца в течение недели, то ничего вам не будет. Не выдадите — и сами пропадете, и добро ваше пропадет. И девушек ваших вам не видать.

А в это время Урузмаг и Хамыц уже прибыли к Курдалагону и спрашивают его — кто из них, близнецов, старше. Мудр был Курдалагон и опытен, и потому, зная, что как ни скажет, не согласятся с ним горячие нарты, ответил так:

— А вы Сырдона спросите. Он ведь все знает. Не то что я, мало знающий о вашем рождении.

Ничего не сказали Урузмаг и Хамыц, повернулись и направились в нартовскую землю. Нашли Сырдона и спрашивают его, кто из них, близнецов, старше.

— Я не знаю, — отвечает Сырдон, — ведь я младше вас. Ни вашей славы, ни вашего рождения не видел. Но поступим так. Видите вот, на вершине Сеховой, воткнутую возле дерева в землю стрелу? Пусть тот, кто спишет ее своей стрелой, и будет старшим.

Горяч был Хамыц, вскинул он лук и выстрелил. Просвистела Хамыцева стрела и вонзилась в ствол дерева. Затем и Урузмаг, тщательно приладив стрелу и прицелившись, выстрелил. Пропицела стрела Урузмага и, мелькнув, превратила в мелкие щепки Хамыцеву стрелу. Ничего не сказал Хамыц, хоть и не скрыл своей досады.

А Урузмаг уже на правах старшего, подвесив меч Ахсара к поясу, скликает нартов в поход. И вот собираются нарты и направляются во главе с Урузмагом в землю Сантского малика. Долго идут нарты, но не останавливаются и, наконец, окружают галуан Сантского малика. И видят — крепок галуан, не просто его взять. И тогда задумываются нарты, не знают, что делать дальше.

Не выдержал тут горячий Хамыц, вышел вперед и крикнул:

— О, Сантский малик! Нарты — Урузмаг и Хамыц — пришли к тебе с войском нартовским. Ты же не уклонись трусливо от встречи с нами!

Услышав это, Сантский малик распахнул ворота и, изрыгая проклятия, ринулся на нартов. Нашел он среди нартов своего водоноса и, налетев на него, вот-вот сокрушит Урузмага. Но не стал мешкать Урузмаг. Взмахнул он мечом Ахсара, из небесной стали выкованным, и отсек голову Сантского малика.

А войско нартов, увидев это, разрушило галуан Сантского малика и уж после этого, взяв несметное добро Сантского малика и собрав самых красивых девушек в округе, а с ними и дочь малика, повернуло назад и направилось к себе, в землю нартовскую.

Рассказывают, что дочь Сантского малика досталась Сырдону. А Хамыц, в утешение за недоставшийся ему меч Ахсара, был наделен серым конем малика, в скачке неутомимым, в уходе неприхотливым.

Все прочее добро нарты, рассказывают, поделили между собой.

АХО ИЗ РОДА ЦАРЦИАТА

Горяч был нарт Хамыц и несдержан. Не то что Урузмаг — неторопливый в поступках, спокойный в речах. Во всем различны были братья и не ладили между собой. И, как прежде, продолжали оспаривать первородство друг у друга, ревнуя к достоинствам другого и дома, и на ныхасе нартовском, и даже в походе нартовских балов.

И раздражать это стало нартов. И потому они потребовали от Урузмага и Хамыца подчиниться обычаю нартовскому, чтобы один делал то, что надлежит делать старшему, а другой — младшему.

И тогда Хамыц говорит Урузмагу:

— Видать, не помириться нам никогда. Вот уже и нарты нам в укор это ставят. И потому не пойди ли нам к ведунье, к кулбадаг-ус. Пусть она рассудит нас, скажет, кому быть первым, а кому — вторым.

По праву пришли к Урузмагу слова Хамыца. И пошли братья к кулбадаг-ус. И вот выслушала их кулбадаг-ус и думает себе: «Как скажешь, что Хамыц старший? Он не сдержан и горяч. Но и сказать, что Урузмаг старший, тоже нельзя, несмотря на достоинства Урузмага. Вспыльчивый Хамыц просто погубит меня, зальет очаг мой водой. Нет, не скажу я им ничего. Лучше пошлю их к родичам матери их, к донбеттырам. Пусть они и рассудят их».

Решила так кулдабаг-ус и говорит:

— Не меня, женщину, надо спрашивать об этом. Идите к старому дяде вашему, к донбеттыру. Его и спросите. Кому и знать, как не ему — кто из вас старший, а кто младший.

Ничего не сказали братья, тут же повернули обратно и направились к донбеттырам, родичам матери своей Дзерассы. И вот выехали Урузмаг и Хамыц на берег моря. И тут быстрый разумом Урузмаг спешился и, подняв седельную подушку, снял рифтаги, кожаные переметные сумки с дорожным припасом, и передал их Хамыцу, а сам говорит:

— Пусть они у тебя побудут, пока я не скреплю расколовшийся подо мной ленчик. Езжай, не жди меня, я тебя догоню.

Хамыцу бездумно взял рифтаги и приторочил к задней луке седла. И, вскочив на коня, поехал дальше. Но когда впереди показался дом старого дяди их, брата Дзерассы, то Урузмаг догнал Хамыца и крикнул:

— Здесь ли ты дядя наш, брат матери нашей?

— Здесь я, здесь, — услышали братья. — Перешагните же через порог мой.

Обрадовался дядя своим племянникам и спрашивает:

— Что случилось, что привело вас ко мне, старому дяде вашему?

— Мы никак не можем решить, кто из нас старше. И вот приехали к тебе, чтобы ты рассудил нас, — говорит Урузмаг.

— А ведь жизнь сама рассудила вас, — улыбается дядя. — Ты, Урузмаг, старше.

Не сдержался вспыльчивый Хамыц и быстро спросил:

— Почему не я, а Урузмаг старший?

— Как почему? — удивляется дядя, брат Дзерассы. — Ведь не он же рифтаги нес! Это обязанность младшего!

Вспылил горячий Хамыц, отшвырнул переметные сумки с дорожным припасом, вскочил на коня и, не оглянувшись, поехал прочь со двора. Обиделся Хамыц.

— Что ж, — говорит Урузмаг. — Один раз он стерпел это, стерпит и второй.

А сам вскочив на коня, догнал Хамыца и пристроился справа от него. И вот въезжают они в землю нартговскую и едут мимо нихаса. И видят нарты, что Хамыц едет слева от Урузмага, и тогда говорят:

— Наконец-то видно, кто из вас старше! Будешь ли, Хамыц, еще оспаривать у Урузмага его первородство?

И только тут дошло до Хамыца, что он сам виноват, но все же сказал:

— Нет, не рассудить нас так просто.

И тогда нарты сказали:

— Что ж, если так, тогда спросите Ахо, Ахо из рода Царциата, уж он-то, человек достойный и много знающий, точно рассудит вас.

И вот поехали братья — что делать! — к Ахо из рода Царциата. Долго ехали Урузмаг и Хамыц и, наконец, увидели башню Ахо на вершине кургана. И тогда Урузмаг поторопил коня и выдвинулся вперед, так что Хамыцев конь приотстал. И уже, подъезжая к башне, крикнул Урузмаг:

— Здесь ли ты, Ахо?!

— Здесь я, — отвечает Ахо. — Но кто вы?

— Нарты мы!

Вышел Ахо и говорит:

— Переступите же через порог мой, нарты! Гость — это посланец Бога.

— Но нам некогда, Ахо. Спешим мы.

— А что заботит вас?

— Мы, нарты Урузмаг и Хамыц, братья-близнецы. И не можем решить, кто из нас старший, а кто — младший.

— Неужели это так трудно? — удивляется Ахо из рода Царциата. — Вы же сами всем показываете, кто старше, а кто младше. Даже когда въезжали в мой двор. Ведь один из вас был впереди, а другой следовал за ним.

— Но что из этого? — недоумевает Хамыц.

— А то, что из двух путников именно старший следует впереди и ему, старшему, положено выкликать хозяина дома. Вот как сейчас это сделал Урузмаг.

Вскинул Хамыц, услышав это, и сказал:

— Если так, то да обрушится на тебя твоя башня.

Не знал Ахо, что проклятие нартов всегда исполнялось. И потому он только пожалел о несдержанности Хамыца.

А Урузмаг говорит:

— Что ж, Хамыц, сам видишь, три раза меня называли старшим. Не довольно ли этого?

— Как хочешь, — в сердцах ответил Хамыц, — а я возвращаюсь в землю нартов и в наш дом больше не загляну.

Так и сделал Хамыц. Не стал он, вернувшись в землю нартов, с Урузмагом жить. Начал строить новый дом.

И нарты, увидев это, сказали:

— Хамыц, как младший, нуждается в нашей помощи. Построим же ему дом.

Между тем Ахо из рода Царциата пригласил Урузмага в башню. Но едва они переступили порог, дверной косяк над ним опасно затрепал. Урузмаг, помня о проклятии Хамыца, схватил Ахо и ринулся с ним во двор.

– Что ты делаешь, Урузмаг? – удивляется Ахо.
– Проклятием Хамыца, брата моего, твоя башня может похоронить тебе под руинами.

– О, чтобы у него, у Хамыца, Бога не было! – проговорил Ахо.

– Не тревожься, Ахо, – говорит Урузмаг. – Я укреплю башню.

Урузмаг посадил в землю рядом с башней дубовую палку и помолился над ней. И тут изумленный Ахо увидел, что палка пошла расти и ветвиться, подпирая искривленные стены башни. И тогда Ахо и Урузмаг прошли в башню. А там их ждал стол, уставленный яствами и напитками. И вот пируют Ахо и Урузмаг, и вдруг опять видят – трещины побежали по стенам башни. Вот-вот обрушится башня. Вскочил Ахо, готовый ринуться во двор, но Урузмаг придержал его.

– Не бойся, Ахо, – сказал Урузмаг.

– Как же не бояться! Башня рушится!

Урузмаг улыбается и говорит:

– Башня как стояла, так и будет стоять, – заверил Урузмаг.

Поверил Ахо и присел. И тут Урузмаг опять помолился. И увидел опять Ахо, что камни в стенах сдвигаются, ползут навстречу друг другу, вытесняя трещины. И гладкими становятся стены, прочнее, чем были.

– Доволен ли, Ахо? – спрашивает Урузмаг. – Что скажешь?

– А скажу я, что удивительный вы народ, нарты, – отвечает Ахо. – Что захотите, то и творите. Бог охотно приклоняет свое ухо к вашим молитвам!

Долго трапезничали Ахо и Урузмаг. Наконец, Урузмаг говорит:

– Прости мне, Ахо, причиненное беспокойство.

– А ты, Урузмаг, прости мне, что твой брат уехал отсюда огорченным.

После этого попрощался Урузмаг с Ахо из рода Царциата и поехал к себе, в землю нартовскую. И уже, подъезжая к владениям нартоским, видит, что вышел ему навстречу Хамыц, но не из их общего дома, а из своего. Огорчился Урузмаг и подумал про себя: «Да сделает тебя, Хамыц, Бог лучшим среди лучших. Потому что младший, который в пути заботится о старших, брани подвержен и потому склонен обижаться. Да pošлет тебе Бог, Хамыц, жизнь по желанию твоему!...»

УРУЗМАГ И ОДНОРУКИЙ УАИГ

Отправился однажды нарт Урузмаг в поход. И вот подъехал он к какой-то бурной реке и думает: «Пересечь реку – опасно. Не пересечь – позорно».

А на другом берегу стояла башня. Смотрит Урузмаг и вдруг одно из окон башни распахнулось настежь и оттуда выглянула девушка. Увидела Урузмага и говорит матери:

– Какой-то всадник остановился у реки, напа. И в сомнении ездит взад-вперед по берегу, будто ищет что-то.

Услышал это конь Урузмага и обращается к своему седоку:

– Ну что, Урузмаг, едем дальше или нет?

– Едем, конечно. Но как?

– Только поперек реки. Через самые глубокие места, – сказал конь и ринулся в бурные волны. И видит это девушка из окна башни – только макушка всадника и грива коня мелькают в волнах. И говорит матери:

– О, этот всадник, напа, не искал мелководья!

– Тогда это опасный человек, дочь моя, – волнуется мать. – Поэтому ступай, закройся в своем девичьем покое.

А тем временем Урузмаг у ворот стоит, кнутовищем грохочет в створ. Мать девушки вышла ему навстречу и пригласила его в башню.

И вот, поблагодарив женщину, переступил Урузмаг через порог.

– Отведай нашего хлеба-соли пока, гость. А там и хозяин скоро будет, – сказала женщина.

– Но мы, нарты, такой народ – не едим, пока не узнаем, за чьим столом сидим.

– О, нас двое, – отвечает мать девушки. – Хозяин головы моей, уаиг, и я, жена уаига.

– Но у вас, я видел, есть еще кто-то.

– У нас есть еще дочь.

А там уже и уаиг вернулся с охоты.

– Пусть здоровствует наш гость! – поприветствовал он Урузмага.

– Пусть здоровствует и любезный хозяин! – ответил Урузмаг.

– Откуда ты, наш гость?

– Из земли нартос. Нарт я.

– Вот удача! – говорит уаиг. – Давно я хотел увидеть нарта!

И вот – пьют и едят Урузмаг и уаиг. И что-то захмелел Урузмаг, ко сну его стало клонить. И тогда уаиг отвел его в отдельный покой и положил на кровать. И в глубокий сон впал захмелевший Урузмаг.

А уаиг вернулся и велит дочери:

– Захмелел я тоже, дочь моя. И потому разбуди меня завтра на рассвете, раньше обычного разбуди. Я перед охотой зажарю нашего гостя, нарта, и съем, потому что это нарты извели наш род, род уаигос.

Сказав это, уаиг уснул. А дочь сидит и думает – будить утром на рассвете отца или нет, потому что жаль ей было

Урузмага, смело одолевшего бурные волны реки. Но если не разбудит, отец в гневе убьет ее. До полуночи думала девушка, как быть. Наконец, прошла она в покой, где спал Урузмаг. Разбудила его и говорит:

— Проснись, нарт!

— Что ты хочешь? — вскакивает Урузмаг. — Я слушаю.

— Мой отец хочет тебя съесть на завтрак. Отец мой зол на вас, нарты, потому что вы извели род уаигов. Бежать тебе надо, нарт.

Урузмаг вскочил и говорит:

— Спасибо, девушка, никогда не забуду твоей услуги, — и быстро отвязал тетиву от лука. Потом прикрепил один конец к кровати, а другой к двери и приладил стрелу так, чтобы она, когда уаиг рванет дверь, поразила его. А сам вылез в окно и, велев девушке разбудить отца на рассвете, побежал.

И вот пропели первые петухи, и дочь разбудила уаига. Вскочил уаиг, разжег огонь в очаге и стал калить три стальных вертела. Потом, взяв прокаленные вертела, прошел к покою, в котором спал Урузмаг. А там, не мешкая, рванул дверь на себя. От этого стрела, приложенная Урузмагом к тетиве, сорвалась, ударив уаига в правое плечо и оторвав ему руку ниже сгиба. И взвыл от боли невыносимой уаиг.

Прибежала на вопли уаига жена и дочь его.

— Кто это покалечил тебя? — спрашивают.

— Да будет наихудшее зло долей нашего гостя! Это он лишил меня руки! Но сам он исчез!

Оторвал разъяренный уаиг свою руку, висевшую на коже и закинув в пасть, проглотил. А сам, осмотрев землю вокруг башни, кинулся преследовать Урузмага. А Урузмаг бежит, старается уйти подальше. Но вот в одном месте оглядывается и видит — догоняет его уаиг.

Что делать, думает Урузмаг. И вдруг налетает на какого-то охотника. Выпускает охотник стрелу за стрелой в небо. И с грохотом уходят его стрелы за облака, и долго после этого слышны громовые раскаты исчезнувшей стрелы.

И обращается к нему Урузмаг, умоляет охотника.

— Помоги мне, охотник, ради матери и отца твоего помоги!

— А что случилось! — спрашивает охотник.

— За мной гонится уаиг. Догонит — убьет!

— Тогда крепко обними эту стрелу, — говорит охотник.

Урузмаг обнимает стрелу, а охотник прилаживает ее вместе с обнявшим древко Урузмагом к тетиве. Затем стреляет, и стрела, взвившись за облака, на три дня пути уносит Урузмага вперед.

Между тем подбегает однорукий уаиг к охотнику и спрашивает:

— Почему помог беглецу?

— Я должен был помочь, — отвечает охотник. — Он попросил у меня помощи ради матери и отца моего.

Ничего не сказал уаиг. Побежал дальше.

И вот опять оглядывается Урузмаг и видит — настигает его уаиг. Тогда Урузмаг говорит пастуху, вдруг на его пути оказавшемуся:

— Помоги мне, пастух. Ради матери и отца твоего помоги!

— А что случилось? — удивляется пастух.

— За мной гонится уаиг. Догонит — съест.

— Тогда обними мой посох и держись крепче.

Урузмаг так и сделал. Размахнулся пастух и далеко вперед, на три дня пути, заплырнул посох вместе с Урузмагом. А там вскочил Урузмаг и побежал дальше.

А подбежавший к пастуху уаиг спрашивает его:

— Куда делся человек, здесь пробежавший?

— Я помог ему укоротить путь!

— Но зачем?

— Я должен был это сделать, — отвечает пастух. — Он препоручил мне свою жизнь.

Ничего не сказал однорукий уаиг. Стал опять преследовать Урузмага. И вот снова догоняет его. И опять на счастье себе Урузмаг видит пахаря. Могучие, в рост человека, отваливает пласты земли соха пахаря.

— Да буду я твоим гостем, пахарь. Спаси меня!

— А что случилось?

— Однорукий уаиг преследует меня. Догонит — убьет!

— Тогда схоронись в борозде.

Пахарь провел свежую борозду, и Урузмаг, не мешкая, проскочил в щель между комьями и спрятался.

А тем временем уаиг спрашивает пахаря.

— Где человек, здесь пробежавший?

— Зачем он тебе?

— Он принадлежит к племени, истребившему наш род. Я тоже хочу убить одного из этого племени.

— Ну, если ваш род до сих пор не убил хотя бы одного из них, лучше вам погибнуть. Но сейчас время полуденного отдыха. Ты присядь, отведай нашего хлеба-соли, а там видно будет, как тебе быть дальше.

Однорукий опустился на ком земли, под которым прятался Урузмаг. И тогда Урузмаг вынул из-за пояса кинжал и, проткнув им пласт земли, уколол уаига. Вскочил уаиг, осмотрел под собой примятую землю, но не увидев ничего подозрительного, опять сел.

Тогда Урузмаг, изловчившись, ткнул кинжалом в срамное место уаига.

— Ой! — вскричал уаиг вскакивая, — у тебя, пахарь, тут в комьях кто-то прячется!

— Это муравьи, наверно, — ответил пахарь.

Однорукий опять опустился на отвал. На этот раз Урузмаг ткнул его кинжалом так ловко, что поранил кишку уаига. Взялся уаиг на месте и заорал:

— Кто-то прячется в комьях твоей пашни, пахарь!

— Ну, кому там прятаться! — отвечает пахарь и тут же, раскидав землю, освободил Урузмага. А сам, подмяв уаига, велит Урузмагу:

— У меня обычай: убиваю нескольких, одного — никогда. Убей его ты.

Урузмаг взмахнул мечом и отсек голову уаига.

— Доволен ли ты? — спрашивает пахарь.

— Доволен и благодарен тебе, пахарь, — отвечает Урузмаг. — Но чем мне оплатить тебе за оказанную услугу?

— Мне самому ничего не надо, — говорит пахарь, — но если сможешь, помоги моему сыну найти невесту. Здесь ведь одиноко. Где мне его женить!

— А вот, чего же лучше, — восклицает Урузмаг, — у этого однорукого осталась дочь, красивая девушка, в его галуане. Приведи ее для сына.

Понравились слова Урузмага пахарю. И отправились тотчас же Урузмаг и пахарь во владения однорукого, позвав с собой и пастуха с охотником, помогавших Урузмагу.

И взял пахарь дочь однорукого в жены своему сыну. А вдовый пастух женился на жене уаига. Охотнику достались стада уаига.

А Урузмаг собрал сокровища однорукого и вернулся к нартам. И разделил их между нартами.

БАШНЯ УРУЗМАГА

Вот однажды сидит себе нарт Урузмаг и думает: «Вот возмужал я теперь, и у меня есть брат, Хамыц, и не ладим мы с ним. Никак не договоримся, кому из нас надлежит раньше жениться. Забывает мой брат, что он младший. И тогда, если первым женится он, скорый в решениях и торопливый в поступках, то старший ли я? Как быть?»

Долго думал Урузмаг. И не придумал ничего. И тогда говорит себе: «Что ж, поеду еще раз к родичам матери, к донбеттырам, как это я всегда делаю в затруднительных обстоятельствах. Может, они подскажут что-нибудь?»

Решил так Урузмаг и после этого призвал Хамыца и говорит ему:

— Хамыц, в далекий поход я отправляюсь. Оставляю тебя одного. Но до моего возвращения у тебя еды и питья будет вдоволь. Кроме того, у нартов каждый вечер плясы и веселье. Развлекайся, как душа твоя желает. А надоест, попробуй поохотиться. А там и я вернусь. А куда отправляюсь, того и сам не знаю.

Задумался Хамыц. Обидно ему стало, с одной стороны. Что, задумался он, если останется один, сам по себе, вдруг — чего не бывает! — спесивые нарты начнут его притеснять. Как же он тогда один, без Урузмага, справится с ними? А с другой стороны, Хамыца и обрадовал отъезд Урузмага. Ведь в отсутствии старшего брата у него не останется соперников на игрищах нартовских. И тогда девушки нартовские на нем, на Хамыце, будут останавливать взгляд.

И сказал Хамыц с притворным огорчением:

— Все ведь может случиться, Урузмаг. И тогда, в случае нужды, где мне тебя искать?

— Ищи в той стороне, где заря будет наиболее яркой.

Сказал это Урузмаг и сел на коня своего и отправился в поход. Едет он день, едет два, потом три, едет неделю, целый месяц едет. И вот говорит себе: «Хорошо, однако, что не сказал Хамыцу, что к родичам матери еду. Узнай он об этом, догадался бы, зачем мне это понадобилось».

Оставил за собой Урузмаг горы нартовские, холмы и степь нартовскую. И уже после этого увидел перед собою Черное море, широко раскинувшееся под небом. Подъехал он к краю моря, спешился и говорит коню:

— Да не погибнуть тебе никогда, мой верный конь! Ты доставил меня сюда, да так, что мне ни разу не пришлось идти пешком!

— О, хозяин мой, — отвечает конь, — а ведь мне погибель скорая суждена в земле нартовской, едва мы вернемся домой. Но не огорчайся, Урузмаг, знай, что твой главный конь произойдет от семени твоей матери. Ни один другой конь не подойдет тебе. Видишь ведь сам: меня, выбранного в табунах нартовских как наилучшего, не хватило даже на один твой поход.

— То, что суждено, надо принять, — сказал огорченный Урузмаг. — А пока пасись тут.

Расседлал Урузмаг коня и отпустил, а сам вошел в море, к родичам матери, к донбеттырам направляясь. И обрадовались ему, харафырту¹ своему, донбеттыры. Быка заколоди в его честь и столы богатые накрыли. И вот пируют донбеттыры, а Урузмаг, харафырт их, прислуживает им по обычаю харафырта. И удивляет Урузмаг донбеттыров, потому что чем дольше они

¹ Харафырт — сын сестры или, применительно к роду, однофамилицы.

пируют, тем больше бодрости показывает Урузмаг, тем резвей он становится. Видят это и гости, и благодарят донбеттыров за достоинства их харафырта, столь возмужавшего. Как было не гордиться донбеттырам, родичам матери Урузмага!

Но вот завершился пир. И разошлись гости по своим благословенным домам. Но донбеттыры не отпустили Урузмага, до зимнего праздника Кутуганан, праздника в честь солнца возвращающегося, оставили у себя своего харафырта.

И вот живет Урузмаг у донбеттыров и думает: «А почему донбеттыры не спросят, зачем я прибыл к ним и что меня держит у них так долго?»

А донбеттыры в это время и сами гадают: «Видимо, — полагают они, — наскучили нашему харафырту нарты. Так пусть поживет с нами, пусть развлечется»...

Не понимают друг друга донбеттыры и Урузмаг, по-разному думают про одно и то же.

Но, наконец, и праздник наступил, солнцу возвращающемуся посвященный. И молодежь донбеттыров отправилась по обычаю своему на ристалище состязаться в стрельбе из лука. Выпускают молодые донбеттыры стрелу за стрелой, сшибают колобки-цели, удаль показывают. И Урузмаг с ними.

И вот выстрелил Урузмаг. И стрела его, свистнув, разметала колобки донбеттыров. И тогда посмотрел Урузмаг вверх, на поверхность моря. И удивился, потому что увидел небо и землю слившимися вместе.

— Что за диво? — удивляется Урузмаг. — Где небо и где земля, почему они вместе, а не порознь видны?

— О, Урузмаг, — говорит ему один из донбеттыров. — Разве так уж трудно понять, что землю покрыл залты-мит — глубокий и холодный, как вечные ледники, снег. Земля белым-бела и потому не различить со дна моря, где земля, и где небо, откуда все еще хлопьями крупными падает залты-мит?

Услышав это, заволновался Урузмаг, о своем коне, оставленном на берегу моря, подумал:

— Эх-хе-хе! — простонал Урузмаг.

— Что случилось, наш харафырт, что стонешь? — спрашивают донбеттыры.

— Как же не стонать мне! Ведь я оставил на берегу моря коня. Что, если он погибнет от голода? Как тогда я поеду в землю нартов?

Ничего не сказали донбеттыры. Только трое из них взвились на месте, точно рыбы стремительные, и в одно мгновение оказались на поверхности моря. А там глянули на берег и видят — вокруг белого коня Урузмага кружит другой белый конь. И тает снег от его дыхания, так что конь Урузмага в траве по брюхо пасется.

Хрустит сочной зеленью. А на кургане, видят донбеттыры, спит какой-то человек, подложив под голову свернутую бурку.

И удивляются донбеттыры:

— Кто это может быть?

— На земного человека не похож.

— На обитателя подземного мира тоже не походит.

— Чтобы сказать, что это небожитель, тоже нельзя. Не достает ему для этого чего-то.

— Что ж, тогда разбудим его и спросим, кто он и откуда?

— Но если вдруг он старше нас, то не подобает нам будить его. Лучше подождем, а там он и сам проснется.

— Может быть, он ждет Урузмага, харафырта нашего. Но тогда он разве не голоден или разве ему не холодно?

— Нет, не должно быть ему ни холодно, ни голодно. Обладатель коня, от дыхания которого тает залты-мит и оплывают вечные ледники, не будет мучиться ни от голода, ни от холода.

Пока донбеттыры переговаривались между собой, в траве, согрившись от парного дыхания белого коня, проснулась какая-то травяная муха. Она взлетела, метнулась туда-сюда и влетела в нос спящего. Тот чихнул. И тогда трое донбеттыров крикнули:

— Живи! Живи! Живи!

Спящий вскочил, услышав эти крики. Увидев донбеттыров, поприветствовал их, а потом спросил:

— Кто вы? Откуда пришли?

— Мы донбеттыры и пришли из Страны донбеттыров, чтобы узнать, каково приходится коню нашего гостя.

— Но что за человек ваш гость?

— Наш гость — человек из нартов.

— Вот удача! — обрадовался хозяин белого коня. — Я ведь давно хотел увидеть кого-нибудь из нартов. Позовите же его сюда.

— А если он спросит о тебе, то что мы должны ему ответить?

— Скажите ему, что Уастырджи ждет его на берегу.

Вернулись трое донбеттыров на дно морское и там рассказали донбеттырам, что видели и что слышали.

— Я поеду сейчас же, — сказал Урузмаг.

— Нет, не спеши так, — говорят донбеттыры, — сперва возьми для Уастырджи долю, для путника встречного положенную.

— Я возьму долю, для путника встречного положенную. Но теперь, донбеттыры, в вашей помощи больше не нуждаюсь.

— Но разве ты нуждался в нашей помощи? Тогда почему до сих пор не сказал нам об этом?

— Я думал, что вы меня сами спросите.

— А мы думали, что ты приехал к нам поразвлечься. Но какая нужда привела тебя к нам?

— О, нужда у меня давняя. Вы ведь знаете, что мы с Хамыцем, братом моим, близнецы?

— Да, мы знаем об этом.

— И вот теперь я хочу жениться раньше Хамыца.

— Но это так и должно быть. Положено ведь, чтобы старший женился раньше младшего. Наша мать, мать донбеттыров, всегда подтвердит твоё старшинство, Урузмаг. Она говорит, что ты родился на три мгновения раньше Хамыца.

— Но кто об этом ещё знает?

— Больше никто.

— Тогда дайте мне цинди, вещь во свидетельство.

Так и сделали донбеттыры — от имени матери принесли Урузмагу цинди, вещь во свидетельство, и вручили ему. Поблагодарил Урузмаг донбеттыров и отправился в сопровождении трех молодых донбеттыров на морскую поверхность. А там, увидев землю, попрощался с донбеттырами. А выйдя из моря, поблагодарил Уастырджи за заботу о коне. После этого пригласил он Уастырджи отведать с ним долю, для путника встречного положенную. Сели тут же, на кургане, Урузмаг и Уастырджи и, возблагодарив Бога, преломили хлеб. Потом, после трапезы, Уастырджи спрашивает:

— Где ты был, Урузмаг? Что оставил коня без присмотра?

И тогда Урузмаг рассказал про свою заботу. Уастырджи, выслушав, сказал:

— Не таков Хамыц, брат твой, чтобы смириться с твоей женитьбой. Но чем ты засвидетельствуешь своё первородство?

— У меня есть цинди, вещь во свидетельство.

— А есть ли у тебя ещё что-нибудь?

— Ещё есть мое мужество. Разве этого не достаточно?

— Нет, — говорит Уастырджи. — Все это может быть оспорено. Но я предлагаю тебе не только утвердить своё первородство перед Хамыцем, но и стать старейшиной нартов.

— Но как мы это сделаем? — спрашивает Урузмаг.

— Для этого мы с тобой сейчас же отправимся к нартам. Но когда прибудем, не говори им, кто я. Я же объявлю, что для выявления лучшего среди нартов — а из нартов каждый считает себя лучшим — притязатели должны сложить башни. И тот, чья башня окажется выше, крепче и красивей, и станет старейшиной нартов. Ты знай, Урузмаг, что никто из них не построит лучше твоей башни, которая будет и выше, и крепче, и искусней сложена, чем башни остальных нартов. Но за эту услугу я требую немногого — та женщина, что родила вас с Хамыцем, должна произвести на свет девочку моего семени, жеребенка семени моего коня и щенка семени моей собаки.

Оторопел на миг Урузмаг, смутился в душе своей, но все же ответил:

— Придет срок, посмотрим.

И вот прибыли в землю нартов Уастырджи и Урузмаг. И прошли на ныхас. И никто из сидевших на ныхасе не узнал Уастырджи, потому что старцем обернулся он. И видит Уастырджи, сидят на ныхасе и дряхлые старцы, и те, у кого на щеках только-только пробивался первый пушок. И тогда, укоряя нартов, сказал Уастырджи:

— О люди добрые, как же это вы живете, если у вас старец с юношей равны во всем. Я много повидал на этом свете. И везде старшие, как старшие, а младшие, как младшие. Не то что у вас, нарты!

— Что ж, так мы и живем, — говорит один из нартов. — И возможно, это неправильно. Но чем должен отличаться старший от младшего? Чем, скажи нам, наш гость?

— А это легкое дело, — говорит Уастырджи. — Вот я вижу, нет у трех нартовских родов даже трех башен. И поэтому предлагаю: пусть старейшиной нартов станет тот, кто выстроит наиболее крепкую, наиболее высокую и наиболее красивую башню. Ведь, согласитесь, кто это сделает, тот и покажет, что он самый умелый между вами, самый умный и самый предприимчивый.

Понравилась слова Уастырджи нартам, потому что каждый из них хотел спать старейшиной народа нартовского. И стали строить башни. А Уастырджи говорит Урузмагу:

— Верни, Урузмаг, донбеттырам цинди, вещь во свидетельство. Но поезжай на моем коне. Твой, запаленный, уже ни на что годится. Возьми и мою собаку. Она поможет тебе — пролазит над морем, донбеттыры же услышат ее лай и выйдут к тебе. Твой же голос не достигнет уха донбеттыров. Верни цинди, вещь во свидетельство, тому донбеттыру, который выйдет к тебе. И скажи ему так: «Вы, родичи матери моей, помогите мне выстроить башню медную. Но для этого надо, чтобы вы, родичи матери моей, появились в пределах нартовских семь раз семью сменами».

Вскочил Урузмаг на коня Уастырджи и понес его конь Уастырджи, быстрый, как ветер, к донбеттырам. Летит Урузмаг и думает про себя: «Эх, мне бы жеребенка от такого коня». Узнал конь Уастырджи тайную мысль Урузмага и говорит:

— Исполнится скоро твоё желание, Урузмаг!

А Урузмаг уже спешивается на берегу моря. И зовет он уже донбеттыров, но его крик не проник в глубину моря даже на семь ивазнов. И тогда взлаяла собака Уастырджи. И от ее могучего лая отхлынуло море от берега, покатались одна за другой шумные волны, шипя пеной жемчужной. И после этого из моря вышли трое донбеттыров и спрашивают:

— Что за нужда у тебя, наш харафьрт?

— Я вот возвращаю, — говорит Урузмаг, — цинди, вещь во свидетельство. Для нартов она не убедительна. А нужда у меня к вам неотложная. Ведь возвожу я башню медную, в семь ярусов и семь покоев. И в вашей помощи нуждаюсь, родичи моей матери. Появитесь же в пределах нартовских семь раз семью сменами, ибо башню надо возвести в семь дней. Иначе я, ваш харафырт, опозорюсь среди нартов!»

— Не беспокойся, Урузмаг, наш харафырт, — говорят донбеттыры. — Иди, возвращайся назад и знай — то, что не сделаем днем, сделаем ночью.

И вот едет назад Урузмаг. И чувствует — проголодался. Догадалась каким-то образом об этом собака Уастырдж. Побегала в лес и, вскоре вернувшись с косулей, поднесла ее Урузмагу. Изжарил Урузмаг физонаги, и потом, наевшись, вскочил на коня и поехал дальше. И думает про себя: «Эх, мне бы щенка от такой собаки!»

И тогда собака говорит:

— То, чего ты тайно пожелал, вскоре обретешь.

Ничего не сказал Урузмаг, только подумал: «Удивительно, однако, я ни слова не говорю, и сам Уастырджи, и его конь, и его собака узнают мои мысли. Почему это так? Что ж, не будем спешить, жизнь сама все объяснит».

Вернулся Урузмаг к нартам. И видит — возятся нарты, одни камень собирают, другие уже стены башенные складывают. А у него, у Урузмага, даже основание не заложено. Вдруг Уастырджи появился возле Урузмага и говорит:

— Сделал так, как я сказал?

— Да, я вернул донбеттырам цинди, вещь во свидетельство.

— Что они сказали?

— То, что не будет сделано днем, обещают наверстать ночью. Но что это за ответ? Если я сам не увижу днем, как строитель кладет стену, то ночью смотри-не-смотри, ничего не увидишь. Плохая это будет работа.

— Это будет самая лучшая работа, — заверяет Уастырджи.

— Ох, сомневаюсь я, Уастырджи.

Улыбнулся Уастырджи и говорит:

— Не беспокойся, Урузмаг. Лучше сделай так, хоть сейчас уже и вечер и ты устал — пометь место, выбранное для башни, флажком. А после этого отдохни. Завтра, возможно, кое-что проявится и для тебя.

Урузмаг сделал, как велел Уастырджи — посадил флажок на вершине кургана и отправился отдыхать. А в полночь появились донбеттыры. Встретил их Уастырджи и показал место на вершине кургана, где ветер развеивал флажок Урузмага. Заработали донбеттыры. Передавали цепью из рук в руки камни, складывая

их на вершине холма. И даже другим нартам накидали — пусть строятся. И за ночь подняли башню на один ярус. А на рассвете исчезли донбеттыры. А башня велением Уастырджи опустилась в землю, так что из земли торчала только верхушка яруса.

Между тем смотрит, проснувшись, Урузмаг и видит всего лишь начатую стену.

— Наверно, — подумал Урузмаг с сожалением, — больше ничего не смогли родичи матери моей.

— О, это не так, — говорит Уастырджи. — Стены нартовских башен достают им лишь до щиколоток, а твоя уже в один ярус встала.

— А где тогда она?

— В свое время увидишь.

Ничего больше не сказал Уастырджи, ничего и не возразил Урузмаг. Но вот наступил второй вечер. И отдыхает опять Урузмаг — спит себе, храпит. А донбеттыры опять появились и опять работают, уже второй ярус возводят. И опять камни, им не понадобившиеся, побросали в кучи возле других строящихся башен. А на рассвете опять исчезли. Встали, выспавшись, Уастырджи и Урузмаг и смотрят — строят нарты башни, стены кладут.

— Наша башня не растет, — удивляется Урузмаг и спрашивает Уастырджи, — но почему?

— Не беспокойся, Урузмаг, — отвечает Уастырджи. — Посмотри, у нартов башни поднялись до ногвиц. А у тебя уже второй ярус готов.

Промолчал Урузмаг опять, ничего не сказал. Третья ночь прошла, как вторая. У нартов стены поднялись до колена, а башня Урузмага уже третьим ярусом приросла. На четвертый день башни нартов выросли по бедро, а Урузмагова башня уже в четыре яруса встала. Но не видно этого, потому что по велению Уастырджи башня опять в землю ушла.

Сердился Урузмаг, не видя башни своей среди нартовских, но сдерживался, боялся резким словом обидеть Уастырджи. На пятый день нартовские башни уже поднялись до пупка человека, а у Урузмага еще один, шестой, ярус прибавился. В шестой день нарты подняли свои башни до подбородков своих, а башня Урузмага шестым ярусом приросла. И думает Урузмаг: «Что это за диво? Потешается, что ли, надо мной Уастырджи, ведь не видно совсем моей башни! Что ж, потерплю еще один день».

Но вот наступил седьмой день. Башни нартов встали в рост человека. Башни же Урузмага с избытком переросла седьмой ярус. Но и на этот раз башня по велению Уастырджи ушла в землю — видна была только верхушка, которую Урузмаг принял за основание».

И вот посмотрел Урузмаг. И смутился, потому что увидел смеющихся нартов.

— Э-гей, Урузмаг! — говорят нарты. — Как же так, ты хотел старейшиной нартов стать, а на месте башни твоей только основание видно.

И тогда Уастырджи говорит:

— А вы стройте, стройте свои башни, а там и Урузмагова башня покажется.

— А когда еще покажется? — отвечают нарты. — Бог, видишь, на нашей стороне. Ты, старец, должен был и сам заметить, что это Бог подбрасывает нам ночью строительный камень. Возле же башни Урузмага ни одного камня нет.

— Что волнуетесь за Урузмага! Может быть, башня Урузмага однажды ночью взметнется на все семь ярусов.

Расхохотались нарты — смешны показались им слова Уастырджи. И огорчился Урузмаг. И сказал он Уастырджи:

— Видать, быть мне у молодежи нартовской чистильщиком их лошадей.

— Не волнуйся, Урузмаг. Все увидишь в срок, — пообещал Уастырджи.

— Ждать срока — посмешищем быть.

— А я говорю — башня будет готова к сроку. И запомни — башни нартов и до половины ей не достанут.

Но вот сложили нарты свои башни. И призвали судей, чтобы решить, чья лучше. Смотрят судьи, разглядывают со всех сторон башни нартов. И, наконец, один из них говорит:

— Башня Бората выше других.

— Нет, не так, — говорит Уастырджи, — башня Бората и до половины Урузмаговой башне не достанет.

И опять расхохотались нарты — опять смешны показались им слова Уастырджи.

Тогда один из судей сказал:

— Нет, башня Алагата красивей.

— Нет, вы не правы, — настаивает Уастырджи, — башня Урузмага и красивее, и прочнее, и искуснее сложена.

Еще громче расхохотались нарты. А судьи разделились на три части. Одни склоняются к Бората, другие к Алагата, и только Уастырджи, один из них, утверждает, что Урузмаг победил в этом состязании, и, наконец, предлагает:

— Что ж, если не верите, взглянем и на башню Урузмага.

Когда судьи и нарты подошли к кургану, который Урузмаг избрал местом для строительства башни, ударил Уастырджи посохом своим землю. И все увидели — башня Урузмага, построенная донбеттырами, начала выползать из земли. И все с изумлением смотрели на работу донбеттыров, покрывших каждый камень сверкающим медным листом. Остолбенели судьи и нарты. И Урузмаг с ними. Но Уастырджи обращается к Урузмагу:

— Э-гей, Урузмаг, спроси-ка нартов, что они думают, глядя на твою башню? Что-то молчат нарты, ни слова не говорят. А как хохотали!

Наконец, башня Урузмага вся вылезла наружу. И стены ее засверкали на солнце, точно огонь. Другие башни рядом с ней были тусклы, как каменные столбы. Нарты удрученно опустили головы — что они еще могли еще сказать при виде такой башни!

И тогда Уастырджи спрашивает судей:

— Ну, что скажете о башне Урузмага?

— А нам и говорить ничего не надо. Башня сама сказала что следует.

— Тогда я скажу, судьи, объявляю всем нартам, что нет между нартами никого сметливей и удачливей Урузмага. И никто не может быть старшим над нартами, кроме Урузмага. И потому относитесь к нему, к старейшине вашему, отныне с подобающим почтением.

— В самом деле, не найти нам среди нас мужа достойней Урузмага! — сказали, наконец, и судьи, — он наш старейшина.

И тогда Урузмаг позвал к себе судей, и Уастырджи он позвал. И долго пировали гости за обильными столами Урузмага, славя хозяина, отныне старшего над всеми нартами. И когда утомленные гости разошлись по своим домам, то Уастырджи, тоже собравшийся в дорогу, говорит Урузмагу:

— Помнишь наш уговор, Урузмаг?

— Спешить не надо, — ответил Урузмаг и погрузился.

И вот сидит себе после отъезда Уастырджи и думает: «О, стыда не оберешься, если моя престарелая и недужная родительница вдруг произведет на свет девочку, жеребенка и щенка. Нет, этому не бывать!»

Решил так Урузмаг и, боясь позора, держался все время вблизи матери.

Но вот однажды слегла Дзерасса и видно было, что не жить ей больше на этом свете. И тогда призвала она Урузмага и Хамыца, старших сыновей своих, и завещает им:

— Я умираю, но прошу вас — три дня охраняйте мое тело в склепе. Есть некто, перед которым я не сдержала данное ему обещание. И он даже в Стране мертвых будет преследовать меня.

Умерла Дзерасса и положили ее в склеп. И Урузмаг охранял ее первую ночь. Стоит Урузмаг и думает: «Кто же был тот, кого обманула моя мать?» И вдруг вспомнил он слова Уастырджи: «Пусть мать, родившая тебя и Хамыца, еще понесет от меня и родит девочку моего семени, жеребенка семени моего коня и щенка семени моей собаки». Может, это самого Уастырджи моя мать обманула?» Так, в мыслях о материнском наказе, Урузмаг провел ночь. А Уастырджи знал, что трудно пережит-

рить Урузмага и потому тоже провел ночь в мыслях о способе добиться своего.

А там, когда рассвело, Урузмаг отправился домой. Хотел он отдохнуть, но его позвали на пир у Еухара Бората.

— Удостой, Урузмаг, наш пир своего присутствия, — передал посыльный слова Еухара Бората. — Ты ведь наш старейшина!

Не мог Урузмаг отказать Бората. И потому отправился на пир, где застал среди гостей и Уастырджи. И посадили его во главе стола, на месте старшего. И вот провозглашает тосты Урузмаг. А нарты пируют, пьют и едят, моления посылают Богу.

Между тем уже и стемнело. И Уастырджи говорит:

— О, Урузмаг, я здесь гость. Еду далеко и потому, да простят меня нарты, к тебе, старейшине нартов, обращаюсь — пусть будут благословенны нарты в твоём лице молитвами этого пира! А мне позвольте покинуть пиришество.

Кто-то из нартов, дряхлый старец, поддержал Уастырджи:

— Длинна дорога гостя нашего, пусть поступает, как хочет.

Вышел Уастырджи из-за стола, поблагодарил старого Еухара и отправился в путь. Спустя немного времени Урузмаг тоже встал:

— Пусть будет исполнен фарна твой пир, Еухар, — сказал он.

— Мне же надлежит бодрствовать возле тела матери. Что и говорить, оставлять стол мне, старейшине, не подобает. Но иначе нельзя.

Ничего не сказал Еухар, и Урузмаг удалился.

Охмелевший, но не поколебленный в разуме своем, Урузмаг поднялся к склепу, чтобы выстоять ночь на страже тела матери. А Уастырджи и не думал отправляться к себе. Он проехал мимо склепа, зорко всматриваясь во мрак. И, углядев тень человека на фоне каменной стены, свернул в сторону, понял — Урузмаг стоит на страже.

А пир у Еухара Бората по-прежнему продолжается и даже силу набирает. И вот возвращается Урузмаг, отстояв ночь на страже склепа. Спать хочет, веки слипаются у него. Но опять встречает его посыльный Еухара:

— Сидят нарты, Урузмаг, ждут тебя, старейшину своего, на пире своем.

Не мог отвергнуть Урузмаг, старейшина нартов, приглашение Еухара. Сел он опять во главе стола. И опять следуют тосты за тостами. Между тем Уастырджи, не отступая от замышленного, подносит Хамыцу бокал.

— Пусть Бог сделает тебя достойным младшим, Хамыц, — говорит он. — Чтобы ты мог Урузмагу, старшему брату своему и старейшине нартов, прислуживать и помогать. Ведь и он иногда нуждается в отдыхе!

Понял Хамыц, что Уастырджи укоряет его. Но сдержался горячий Хамыц и, взяв бокал, так ответил:

— Пусть судьба распорядится так, чтобы ты отмечал почетными бокалами множество достойных людей, Уастырджи. И пусть твоё пребывание среди нартов будет всегда отмечаемо обильными пиришествами.

Осушил Хамыц бокал, вышел из-за стола. А пир, обильный яствами и напитками, продолжался шумно и весело. И вот — следит Уастырджи за Урузмагом и замечает, что все положенные тосты сказал уже старейшина нартов начиная от тех, что посвящены Богу, и кончая теми, которыми поминают имена давно умерших предков. И тогда взял Уастырджи полный бокал и сказал:

— Еухар, будь благословен! Ты потчешь нас уже второй день. И пусть Бог благоволит к тебе и пусть рука твоя не оскудевает. Но я прошу особо почтить и наиболее достойного среди нартов. Да будет долог его век. И да будет среди вас, нарты, обилие таких умных, искусных во всем людей и стойких, как Урузмаг — старейшина нартов!

Нарты дружно поддержали Уастырджи, хором воскликнув «Оммен!» И каждый из них сказал здравицу в честь Урузмага. И Еухар тоже поблагодарил Урузмага и осушил бокал за его благополучие. Между тем уже стемнело. И потому Уастырджи, повернувшись к Еухару и Урузмагу, говорит:

— Гость, который долго прощается, хозяев объедает. Поэтому позвольте мне покинуть застолье, оставив вас в добром здравии.

Прямых дорог ему пожелали нарты. И тогда сел Уастырджи на своего коня и отбыл.

Спустя немного времени Урузмаг тоже поднялся и обращается к Еухару:

— Благодарю тебя, Еухар, за щедрость и гостеприимство. Но позволь и мне удалиться, постеречь склеп матери моей Дзерассы.

Услышал это Хамыц. И не сдержался он, горячий, и говорит:

— Не спеши-ка, брат мой! Наша мать родила нас вместе, вместе и вскормила. И вот ты, старший брат мой и старейшина нартов, две ночи стоишь на страже у ее склепа — без сна и без отдыха. Но я ведь младше тебя! И это мне надлежит охранять тело нашей матери! И потому я пойду к склепу в эту ночь, не ты!

— Прав Хамыц, — сказал Еухар. — Почему ему не позволить постоять на страже у материнского склепа!

— Если бы младший всегда понимал заботы старшего, — проговорил удовлетворенный словами Хамыца Урузмаг, — как бы это было хорошо! Что ж, Хамыц, если ты решил отстоять ночь у тела матери, то иди. И да минует тебя позор!

Хамыц осушил еще один бокал и отправился к склепу. И вот стоит он у входа в склеп, сторожит тело матери. А к этому

времени там уже и Уастырджи появился, и говорит себе Уастырджи: «Ну, Хамыц, ты не Урузмаг. Я тебя быстро спроважу отсюда...»

Сказал себе это Уастырджи, и тут же его повелением на берегу реки, недалеко от склепа протекавшей, появился свадебный поезд. Смотрит Хамыц и кажется ему, что свадебный поезд направляется в селение нартов и что нарты, встречая невестку, спешат навстречу с песнями и приветственными восклицаниями. И даже мерещится ему, что нарты оставляют пиршественные столы на пире у Еухара и тоже выходят навстречу свадьбе, такой шумной, такой веселой, со звоном фандыра.

Соблазняется Хамыц и говорит себе: «Пожалуй, мой брат Урузмаг глуп. Кому нужна мертвая, что покойтсся в этом склепе? Чего ее стереж! Не лучше ли ночь провести танцуя на свадьбе?»

Скор всегда был на решения Хамыц и отправился в селение нартов. И тогда Уастырджи в одно мгновение очутился возле склепа вместе со своим конем и собакой. И, не теряя времени, вынес Дзерассу из склепа и опустил на расстеленную бурку. А потом хлестнул ее войлочной плетью, вернул Дзерассу к жизни, и молодой и красивой, соблазнительной точно в девичьи лета свои, предстала она перед Уастырджи.

И догадалась воскресшая Дзерасса, зачем оживил ее Уастырджи. А Уастырджи между тем говорит ей:

— Ты меня обманула, не сдержала обещание, когда я похоронил твоего мужа и твоего деверя. И поэтому не вини меня, Дзерасса, ни в чем. Смирись с тем, что тебе на сей раз не уйти от меня.

— Что ж, я убереглась от тебя живая, хотела уберечься и мертвая. Но что делать! Пусть будет проклят Хамыц, мать свою оставивший! Делай, что хочешь...

И тогда Уастырджи соединился с Дзерассой, а потом подпустил к ней коня, а после коня — и пса своего.

После этого Уастырджи опять ударил Дзерассу войлочной плетью. И жизнь опять покинула ее. И Уастырджи вернул ее, мертвую, в склеп.

А тем временем Хамыц, порасспросив в селении о свадьбе, понял, что обманули его и потому поспешил обратно к склепу. И уже подходя, услышал три стоны, из склепа раздавшиеся. Но когда Хамыц, любопытствуя, заглянул внутрь, то увидел только мертвую Дзерассу, недвижимую и безмолвную, как и положено мертвецу.

А утром, когда солнце поднялось высоко, Дзерасса родила девочку с черными, как сажа, длинными волосами, жеребенка и щенка. И они, девочка, жеребенок и щенок, попеременно сосали грудь матери. Так прошел день, второй, третий...

И вот однажды, уже месяц спустя, возвращается верхом на осле откуда-то через кладбище нартов Сырдон. Едет и возле склепа Дзерассы слышит плач ребенка, ржание жеребенка и тявканье щенка. И удивиться не успел Сырдон, как из склепа вылетел щенок и остановил осла Сырдона. Лает, неистовствует странный щенок перед мордой осла, не дает Сыррону проехать. А тут и жеребенок ринулся из склепа и стал лгать осла Сырдона так, что Сырдон слетел и грохнулся на камни. Видя это, щенок свирепеет и отрывает хвост осла и отгрызает уши. Едва убежал осел Сырдона, спасаясь от щенка и жеребенка. Остановился осел возле хозяина, и тогда Сырдон, крихтя и охая, кое-как забрался ему на спину. И поплелся на нем, безухом и бесхвостом, в нартовское селение.

И — что делать! — дорога пролегла мимо нартовского ныхаса. И вот увидели Сырдона нартовские юноши верхом на бесхвостом и безухом осле. И завернули, озорники, осла в середину ныхаса. Нарты, едва увидев крихтящего Сырдона на бесхвостом и безухом осле, начали хохотать. Хохохот нарты, животы надрыывают, но особенно веселился Хамыц, так что булатные усы его встали торчком от его мощного дыхания.

Но вот, наконец, отсмеялся Хамыц и говорит:

— Да погибнуть тебе, Сырдон! Где ты так проголодался, что отъел уши осла и отгрыз хвост! — и опять разразился хохотом.

Тогда не сдержался уже и Сырдон и отвечает:

— Это вам, сыновья Уархага, свою мать не уберегшим, лучше погибнуть, чем снести тяжесть неслыханного позора. Знаешь ли ты, глупый Хамыц, что в склепе твоей матери плачем исходит, рыдая, точно девочка, какая-то распутница! И что какой-то жеребенок наполнил склеп навозом! И что какой-то щенок мочится на ваших покойников! Знаешь ли ты, что ваш склеп стал пристанищем для распутниц, конюшней стал и псарней? Иначе с чего бы это, когда я проезжал мимо, какой-то щенок блудливый оторвал хвост моего осла и отгрыз ему уши? Зачем какой-то бешеный жеребенок сломал мне ребра? И для чего какая-то маленькая распутница визжала от радости, видя все это?

Понял Урузмаг, тут же на ныхасе сидевший, что не устерег Хамыц мать. Вскочил он и побежал к склепу. И нашел там девочку, жеребенка и щенка.

Девочка была прекрасна и имела длинный, густой, иссиня-черный волос. И потому ее называли Шатаной, что означает — Сеющая черноту.

А жеребенка называли Арфаном, щенку же дали имя — Силам.

АТАНАС СЛАВОВ

ПОРНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЭМА 1968

Перевод с болгарского Исанны ВОРОНОВСКОЙ

В оформлении использована работа Рене Магритта

Николаю Букову

1

Этим вечером я надеваю новый костюм
и отправляюсь в город
незанятые места вокруг меня
пустынно
агонизируют солнечные зайчики
превращаются в пар
во веки веков бессмертны
влюбленные только

2

Сколько раз мне предстоит еще стоять
среди паутины пустынного этого города
высосанная муха
в центре 120-ти серебряных линий
трамваев автобусов и троллейбусов
Ненастье
Вернись к деревьям
Там после дождя Божий мир заблестит как каштан
желтое превратится в зеленое
зеленое превратится в коричневое
(о Боже безбрежный цветотворенья)
Там после дождя
мир снова наполнится сущностями
и настроения растают
Вернись к деревьям

3

В этом хлорофильном море
рождается час моего третьего виски
В этом море сверкающих листьев
рождаются и стихи этого часа
В этом дождливом море млечной белизны
все просится умереть
ты слышишь?

4

Снова прекрасно
Сверкает кристалл моего одиночества
Снова прекрасно

Альманах «Мост», София, 1968

и в сумраке предметы оживают
прекрасно
и вечер выгуливает детей своих
в образчиках прекрасных двух детей
одно восемнадцатилетнее
другое уродливое
Кристалл звенит
Мастер Паганини прости великодушно
сейчас мухи исполнят две струнные тарантины
Мастер Паганини стекло звенит
долей мне!

5

Подожди душка
ты ничего не понимаешь
подожди тебе говорю
я скажу тебе сейчас что-то ужасно умное
как жаль что ты ничего не понимаешь
говорунья моя с синими глазками
ты беспечна в эти годы
глазенки шальные не знают не ведают
добро или зло навстречу идет
Ах если б я знал
что сказать тебе
малышка моя с удивленными глазками
ей-богу не знаю что и сказать тебе
говорунья моя с блестящими глазками
между нами говоря
какая ты шелковая
какая ты сладкая
свинюшка вредливая с глазками синими

6

Они не влюблены
но как они любят
Воистину это любовь
Несколько хороших девочек
одно уродливое
другое альт
третье замужем и плачет
четвертое не пришло (не отпустила на гулянку мать)
Несколько шизокрылых девочек
первое хорошее
второе настолько застенчивое что нахальное

третье поет со своим братом (и одной гитарой)
и три старца в скобках
один бородатый
другой плешивый
и еще толстяк
Мы принесли много дорогого коньяка
для восемнадцатилетней
Они приволокли немного клопиного для нас
И стали пить — вначале дорогой
затем клопный
и на посошок — вино

И трое хотят
бородач свою сосульку
плешивый восемнадцатилетнюю
толстяк прогуливается с уродиной в саду
(как странные губы восемнадцатилетней)
Они не влюблены
но как они любят как они любят
Воистину это любовь
А я не могу убаюкать свое ложе до утра

7. ПЕРВАЯ СТРУННАЯ ТАРАНТИНА

«я возьму тебя своею мужественностью
спи
я большой и теплый и ленивый
как земля
свернись клубочком у меня внутри
ты астральная мечтательная лель
твой акварельный лик и ослепительное тело
мерещатся мне в ржавчине притворства
я печальный молчаливый и большой
свернись клубочком у меня внутри
и спи»

8. ВТОРАЯ СТРУННАЯ ТАРАНТИНА

«пережить одну прекрасную разлуку
немножко умереть
дождю стекать по мне
по лицу моему по коре моей
падать холодному в корни мои
под вымытые листья
пережить тоску и смятение
остаться в лесу одному

среди таких говорливых листьев
единственный я нетронутый
ветром
Ощутить красоту голоты своей
скользить сомнабулой впотмах
без мыслей об ужасе рассвета
это так хорошо»

9

Ложь
душа моя целую ночь вслушивается во тьму
и знает
что мне ничего не снилось не мыслилось и не мечталось
Выдумал их
они которые сейчас рассказываю
а в сущности я просто ждал рассвета
Ложь
Часами вслушиваюсь в разбуженный дом
и знаю
давно снаружи день
а в комнате со мной придуманная полутьма
и жалюзи мне сохранили ночь

10

Сейчас в монастыре начинается утренняя молитва
Передо мной в сумерках является икона
Я вижу босую малиновую Богородицу
утро голубит ее своим запредельным зыбким золотом
Благодарю тебя Господи
что ты сделал меня старым
я смирился Господи и больше не тоскую о счастье
Господи прошу Господи пощади меня Господи
пусть перестанут ножи закрытых жалюзи
раскраивать раскрамсывать мой мозг
на молодого и старого

11

«Назад в город» — молчим мы
«Назад к домам к людям к ресторанам» —
молчим истерично мы
«Чтобы смешаться с ресторанами с людьми с домами
растаять не видеть ни себя ни друг друга»
Стоим у кассы глядим через стекло

и молчим в один голос
«Назад в город»

12

Автобус смрадный жароутробно тарахтит
и раскоряченные шопы¹ на сиденьях
подсигивают как кукурузные хлопья

13. ОБЕР-МАМАШИ

Сегодня мамыши в передовых рядах
хали-гали бодяга замухрышных баб
костылями потрошат свою немощь
позабыли свои горшки лоскутки и лоханки
и покатались кубарем
заступницы и ратницы
НИЧТО
супружницы стебанутых мужей
мамки скучных сопляков
сопляков с высокомерными и заплесневелыми ирисами
— сегодня фурии площадные гурьбой
с матюгами в луженых глотках
вступают в рукопашный бой
размозженные шиньоны
ключья (охи да ахи)
мышей фараоновых (раненых орды отродий)
ушаты помоев
в морду
какая злокачественная стремительная эволюция
от наива микроба до смерда до мрази
ЛЮДИ — ГОСПОДНИ ФЕКАЛИИ
хлябают ноги ваши мамыши
из чрева (утробного логова) выползает последыш
уродик хилый
подолом затыкаете ему рот
неслышным становится его кряхтенье
сырые жертвенные
со смешными и жалкими ужимками
биологические оловянные матки-мытарки
вам сострадает только Бог (издалека)

¹Шопы - малый народ, живущий в Болгарии.

14

Нас скоро здесь совсем не будет
 Мы скоро сменим заведение
 Пропустим по одной большой
 и будем притворяться друг перед другом
 будто бы звоним по телефону
 но ты не приходи
 ты не ищи нас
 Ведь скоро нас совсем не будет
 Ведь скоро нас совсем не будет
 Мы скоро будем очень далеко
 и будем менять один за другим заведения
 и еще закажем одну маленькую
 и выйдем отлить
 и долго будем висеть в холле
 на телефоне
 перед обшмыранным сортиром
 Все будет еще долго-долго
 Все будет еще прекрасно и медленно
 и когда-нибудь, идя по бездумной и беспечной улице
 мы опоздаем в твой дитячий молочный бар
 А когда придет наш срок мы навечно сменим заведение
 Господи прости нас мы опоздали немножко
 но сейчас мы самые кроткие самые тихие
 Господи позволь нам пройтись чуток по твоей негасимой
 ослепительной улице
 нам больше ничего не нужно
 сейчас мы канем в пучину млечную звездного пути
 и хватит с нас

15

Не торопись ко мне
 Я еще не умер
 Я так ужасно боялся что ты придешь слишком рано
 Сейчас ты здесь
 ну и что?
 ты ничего не можешь у меня отнять
 Я уже готов — отплыть ТУДА к другому берегу
 в мой вечный дом
 обмыт
 намазан благовонным елеем
 накрыт холстом
 мой труп оплакан и обкурен ладаном
 Сядь рядом

и погладь мои мертвые ладони
 видишь?

я стал льдом

Набрось на меня белый саван
 увидела?

МЕНЯ УЖЕ НЕТ ЗДЕСЬ

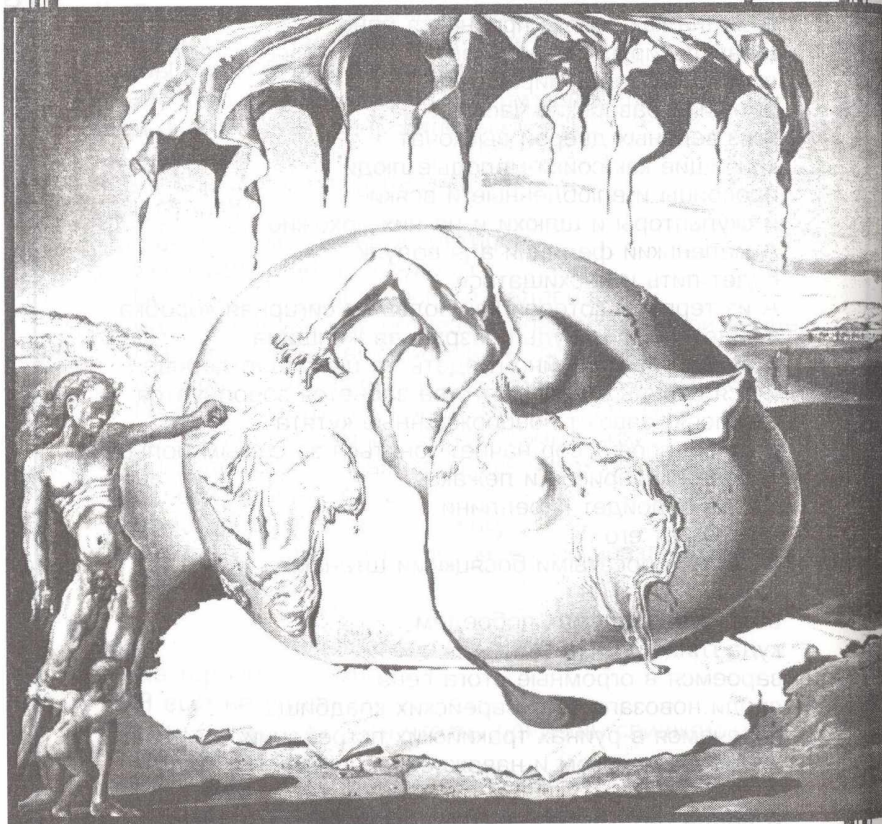
16

А вилла как всегда проснется рано
 и запульсирует затренькает
 словно на стене мира
 большие баварские часы
 и из зеленых дверей выскочат
 кричащие как сойки молодые люди
 пропойцы и влюбленные и всякие
 и скульпторы и шлюхи и на них похожие
 А маленький феллини аля волуяк
 будет пить и восхищаться
 А из террасы которая как большая сигарная коробка
 выйдет какая-нибудь невзрачная женщина
 и будет благоговейно глядеть на цветущие деревья
 и вся сирень в беспамятстве забудется заволнуется
 заголосят завоют новорожденные кутята
 и голый профессор начнет гоняться за самым большим
 посреди кипарисов и лежаков
 Потом подойдет к феллини
 и испугает его
 своими полосатыми босяцкими штанами
 А мы
 в черных костюмах побредем
 куда глядят глаза
 зароемся в огромные стога сена
 среди новозагорских еврейских кладбищ
 спрячемся в руинах тракийских погребений
 и станем мороком и наваждением

А вилла разрушится рассыплется
 и упадет ее песок
 на германские каменные курганы
 на кости германских крестоносцев
 на кости германских мародеров
 на кости профессоров и курв

Валерий ДЗИДЗОЕВ

ИТОГИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ
ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ И ПОПЫТОК
ИХ СОЗНАТЕЛЬНОГО ИСКАЖЕНИЯ

В оформлении использована работа Сальвадора Дали

С

начала 90-х годов в силу известных причин заметно обострились межнациональные отношения во многих республиках бывшего СССР. Обострение этих отношений в Грузии привело к нескольким войнам с многочисленными трагическими последствиями. Погибшие и раненые исчисляются уже десятками тысяч. Руководители нового независимого государства повели «оригинальную» национальную политику, ставшей первопричиной не только межнациональных войн в Южной Осетии и Абхазии, но и фактического распада Грузии. Ведь Абхазия, одержавшая в 1993 году убедительную военную победу над Грузией и изгнавшая всех «грузинских соколов» со своей территории, уже шестой год живет со статусом независимого государства.

В Конституции Абхазии, принятой в 1994 году, сказано: «Республика Абхазия (Апсны) — суверенное, демократическое, правовое государство, исторически утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение».⁽¹⁾¹

Третья статья Конституции гласит: «Республика Абхазия — субъект международного права — вступает в договорные отношения с другими государствами».⁽²⁾ Но Абхазия — не единственная проблема нынешних руководителей Грузии. Не меньшим «злом» в Тбилиси воспринимают проблему Южной Осетии. Предыстория, причины, характер, особенности, цели грандиозных войн, развязанных грузинскими властями в Южной Осетии и Абхазии, во многом совпадают. В предлагаемой статье автор сосредоточивает внимание лишь на одной проблеме — роли историков и юристов Грузии в развязывании войн в Абхазии и особенно в Южной Осетии. Дело в том, что многие историки, политологи и юристы Грузии, озабоченные «поисками великих предков», «величия грузин как богоизбранной нации» поставили перед собой задачу фальсификации не только истории грузин, но еще в большей степени истории Абхазии и Южной Осетии. Этой цели служат многие «научнообразные труды» грузинских исследователей.

Среди них отметим книги профессора А.М. Ментешашвили «Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов» (Тбилиси, 1990), а также «Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов» (Тбилиси, 1991), «Исторические и политико-правовые аспекты грузинско-осетинского конфликта и основные пути его урегулирования» (Тбилиси,

¹ Цифрой в скобках обозначены ссылки. См. «Примечания» в конце публикации.

1992), Л.М. Тоидзе «Как образовалась Юго-Осетинская автономная область» (Тбилиси, 1991), «Осетинский вопрос» (Тбилиси, 1994) и многие другие. Авторы этих трудов, в основном, историки, которым помогают юристы, экономисты, филологи, политологи Грузии. Все они объединены общей идеей – «доказать» любой ценой, что «Абхазия – это Грузия», а Южной Осетии вообще не было, пока туда не пришли большевики, которые этой исконно грузинской территории дали «искусственное название Юго-Осетия... с умыслом». Другими словами, ученые из Тбилиси хотят «научно доказать», что осетины в Южной Осетии – гости на исконно грузинской земле и поэтому не имеют никаких прав на автономию, не говоря о большем.

«Доказав» недоказуемое, эти «ура-патриоты» пытаются дать в руки государственных деятелей, политиков, партий Грузии, отстаивающих фактически политику З. Гамсахурдиа, «козырные карты» в борьбе против Абхазии и Южной Осетии. Вот почему мы так внимательно и всесторонне анализируем каждый ложный вывод грузинских историков, прогрузинские интерпретации исторических фактов.

Мы уже показали, что С. Лекишвили и его единомышленники отрицают исторический факт существования в XIX веке Южной Осетии.¹ Но факты – упрямая вещь. Рано или поздно они заставляют считаться с собой. Это понимает и доктор исторических наук, профессор Л.М. Тоидзе. В книге «Как образовалась Юго-Осетинская Автономная область» (3) ученый «доказывает», что термин «Южная Осетия» употреблялся и в XIX веке, «хотя являлся все же условным». (4) Видимо, «условность» названия Южной Осетии многим в Грузии больше нравится. Вероятнее всего, они уверены, что «условность» названия не признанного в Тбилиси национально-государственного образования южных осетин никого ни к чему не обязывает. Здесь заостряется внимание на ложном, антиосетинском тезисе профессора Л.М. Тоидзе не случайно, ведь это – попытка игнорировать очевидные факты, доступные всем исследователям поднятой проблемы. В выяснении исторической правды определенную помощь оказывают сведения грузинских историков, касающиеся установления русской власти в Грузии в начале XIX века. Так, например, Теймураз Батонишвили пишет, что в 1810 году сын царевича Юлона Леон «был направлен через Рачу в Лиахвские горы, чтобы поднять там осетин (южных – В. Дз.) против русских. Прибыв туда, Леон собрал вокруг себя осетин и подошел к окрестностям Цхинвала. Узнав об этом, губернатор Картли генерал Ахфердов с русским войском подошел к Цхинвалу, но, не выдержав сражения с осети-

нами, укрылся в Цхинвальской крепости. Тогда осетины сожгли и разграбили окрестности Цхинвала, сам Цхинвал и повернули назад. После этого Тормасов направил в Чриви (Цру – В. Дз.) большое русское войско, которое сожгло его...» (5) Здесь, как видим, речь идет о попытке организовать антирусские выступления на территории Южной Осетии. Заслуживает внимания и мнение Баграта Батонишвили, который писал: «...Тогда сын царя (Ираклия) Александр направил своего племянника Леона в *Осетию в Самачабло* (курсив мой – В. Дз.), чтобы поднять собравшихся осетин на борьбу против русских». (6) Как видим, Баграт Батонишвили пишет об Осетии, или, точнее, Южной Осетии как о конкретной исторической территории проживания южных осетин. Еще более убедительным доводом «не условного» существования Южной Осетии могут служить слова известного писателя и историка грузинского царевича Давида Багратиони. (7) который писал, что имеретинский царь Соломон «племянника своего Леона, сына царевича Юлона, *послал в Осетию* (курсив мой – В. Дз.), куда собрались осетины, и стали драться с командовавшим тогда там генерал-майором Ахфердовым и сожгли местечко Цхинвал». (8) Следует обратить особое внимание на то, что о посланнике в Осетию (имеется в виду Южная Осетия) пишет образованнейший человек своего времени, который хорошо разбирался в вопросах истории и географии. Немаловажно и то, что Давида Багратиони трудно заподозрить в проосетинском настрое. Прав известный кавказовед Ю.С. Гаглойти, который по этому поводу пишет: «Надо полагать, что представители Багратионов, бывшие сами свидетелями описываемых событий, знали, где находится Осетия». (9) Трудно себе представить, чтобы грузинский царевич, успешно занимавшийся вопросами истории Грузии, ссылался на несуществующую Осетию. Грузинский историк упоминает ту часть Осетии, которой, если верить С.С. Лекишвили и его единомышленникам, никогда не было в истории. Вряд ли Давид Багратиони говорил и об «условной» Осетии. Чтобы убедиться в этом, необходимо проанализировать поднятую проблему по русской (или российской) литературе, официальной документации Российской империи в период установления русской администрации на Кавказе. В объективности этих сведений не приходится сомневаться, хотя бы потому, что они не принадлежат осетинам, т.е. заинтересованной стороне. В документах русской администрации территория нынешней Южной Осетии называется Осетией или Южной Осетией. Так, например, известный русский генерал, хорошо знавший Кавказ, в докладной записке на имя Императора в 1802 году писал об учреждении временных судов в Осетии, имея ввиду села Джава, Ванати и Кешельты. (10)

Наместник на Кавказе, генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич (11) в августе 1830 года писал военному министру России следу-

¹ См. «Дарьял» 2'98.

ющее: «Племена осетинские (называющие сами себя ирон) занимают обе покатости Главного Кавказского хребта... На севере они ограничиваются Кабардинской плоскостью, а на юге Карталинией. Главные селения южных осетин расположены по ущельям рек Большой и Малой Лиахви, по впадающей в первую р. Паца и у вершин р. Ксана... В каждом селении находится по одной или по несколько каменных башен... Симонович привел в повиновение всю часть Осетии, лежавшую на южной стороне Кавказского хребта... Даны мною следующие указания: 1. Собрать в сел. Цхинвала, что на границе Осетии, под начальством Ренненкампа...» (12) Из этого документа видно, что И.Ф. Паскевич обозначает территорию Южной Осетии, а не Самачабло или Шида Картли. Трудно себе представить, чтобы образованный генерал-фельдмаршал перепутал Грузию с Осетией, или грузин с осетинами. Другой известный русский генерал Головин в 1838 году писал военному министру А.И. Чернышеву (13) о желательности учреждения должности главного пристава для Южной Осетии. В документе сказано: «Осетия, несмотря на близость к центру управления здешним краем, распространяясь по хребту и ущельям Кавказа, до сих пор не вся еще нам подвластная. Часть ее, лежащая по южной покатости гор (курсив мой – В. Дз.), после экспедиции в 1830 году бывшей, разделена на четыре приставства... Окружной начальник, имея постоянное жительство в г. Гори..., не имеет ни времени, ни способов посещать *Осетию* (курсив мой – В. Дз.), а потому надзор его ограничивается одними распоряжениями. Неудобства сие замечено было еще с 1831 года. Предшественник мой, генерал-адъютант барон Розен... предполагал улучшить управление Осетиею, но предположение его осталось неисполненным». (14) Подводя итог карательной экспедиции генерала Ренненкампа в Южную Осетию, И.Ф. Паскевич писал в 1830 году графу А.И. Чернышеву: «Таким образом, экспедиция, посланная мною в Осетию (имеется в виду Южная Осетия – В. Дз.), имела желанный успех: войска наши, преодолев с твердостью все препятствия, прошли через такие места, куда и самые отважнейшие путешественники никогда не достигали». (15)

Как видим, опытные царские генералы, разбиравшиеся в географии Кавказа, везде и всюду говорят об Осетии (или Южной Осетии), так же, как о Грузии, Кабарде, Чечне и т.д. В отличие от профессора Л.М. Тоидзе и его единомышленников, они почему-то обходились без эпитетов «так называемая» или «условная». И вовсе не потому, что были настроены проосетински или подыгрывали будущим большевикам. Они называли народы Кавказа и их земли конкретными историческими именами. Но если этого мало, то можно привести другие убедительные доказательства.

Так, например, тот же А.И. Чернышев писал генералу Головину: «По положению 10 апреля 1840 года *Осетия* (курсив мой – В. Дз.) вошла в состав Горийского уезда Грузино-Имеретинской губернии... Одним из главных виновников случившегося в Осетии (16) беспокойства следует считать бывших там главного пристава майора Васильева и участкового заседателя Джавахова...» (17) Об Осетии (или Южной Осетии), как исконной территории проживания осетин, много говорится в официальных донесениях о результатах карательной экспедиции царских войск против южных осетин в 30-е годы XIX века. (18) Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич в донесениях, докладных записках, отчетах, других документах первой половины XIX века неоднократно писал об Осетии (Северной и Южной), Кабарде (Большой и Малой), Чечне, Ингушетии, Дагестане, Карачае, Грузии и т.д. Анализ этих документов свидетельствует о том, что военный министр хорошо разбирался в истории и географии Кавказа. Он не путал Большую Кабарду с Малой Кабардой, знал разницу между Северной и Южной Осетией, чеченцами и ингушами и, уж тем более, – между грузинами и осетинами. В общем плане покорения горцев Кавказа И.Ф. Паскевич особое место отводил как Южной, так и Северной Осетии. Здесь генерал-фельдмаршал пытался решить две задачи: во-первых, карательные экспедиции, по замыслу их организаторов, должны были установить в Северной и Южной Осетии колониальный режим со всеми его институтами – администрацией, судопроизводством, налоговой системой, русификаторской политикой и т.д. Это была общая цель на Кавказе, где разные народы по-своему понимали политику русской администрации, русских генералов. Во-вторых, И.Ф. Паскевич экспедициями в Южную Осетию (под командованием обрусевшего немца, генерал-майора Ренненкампа) и Северную Осетию (в Тагаурию) (под командованием генерал-майора русской армии грузина Иванэ Абхазова) стремился укрепить свои позиции в важном военно-стратегическом районе, который связывал Северный Кавказ с Закавказьем.

В этой связи особенно интересны точные цели и названия местностей, куда он посылал важные экспедиции. Здесь следует пояснить, что под влиянием различных обстоятельств на Кавказе, планы И.Ф. Паскевича относительно покорения горцев изменились. По новому плану наместник отказался от больших экспедиционных рейдов против горцев. Он наметил серию мелких карательных экспедиций «против тагаурцев (осетины, живущие в Тагаурии – В. Дз.) и ингушей», а также планировал направить войска в «Южную Осетию и Абхазию». (19) Наместник Кавказа в письме графу И.А. Чернышеву подчеркивал: «За полезное признаю мною окончить экспедицию в Осетию... еще до возвраще-

ния войск (русских – В. Дз.), находившихся в Турции..., чтобы поспешнее восстановить безопасность на Военно-Грузинской дороге и на сообщении Грузии с Имеретиею...»(20) Другие русские генералы тоже называли Осетию ее историческим именем без всяких приставок и условностей. Так, например, сообщая о военных действиях генерала Ренненкампа в 1830 году против осетин Кударского и Чеселтского ущелий, тбилисский губернатор, генерал-адъютант Г.А. Стрекалов докладывал И.Ф. Паскевичу о потерях русской стороны «при вступлении наших войск в Осетию».(21) В ходе военной экспедиции в Южную Осетию группа осетин, которую потом судили, попала в плен. В приговоре суда они именуются «арестантами, доставленными из Осетии».(22) В итоговой докладной записке генерал-адъютанта Г.А. Стрекалова отмечалось, что «осетины никогда не были до такой степени покорными России», как после карательной экспедиции Ренненкампа. Тем не менее у Г.А. Стрекалова беспокойство вызывали «осетины Кешельтского (Чеселтского – В. Дз.) и Дзымырского ущелий», которые представляли собой «прямые гнезда разбойников, и уничтожение или переселение их жителей необходимо для покорения и спокойствия всей *Осетии* (курсив мой – В. Дз.)».(23) Тот же генерал-адъютант Г.А. Стрекалов советовал вышестоящим инстанциям проложить арубные дороги через Главный Кавказский хребет «на пространстве, занимаемом *Осетией*» (курсив мой – В. Дз.), в трех главных направлениях: 1) по малой Лиахве через Дзымырское ущелье; 2) по большой Лиахве через Дзомагское ущелье в Заккинское; 3) через Джавское, Кударское, Рачинское, Мамисонское, Касарское и Алагирское. Эти меры, по мнению русской администрации, должны были ускорить окончательное покорение южных осетин, большинство из которых упорно отстаивало свои права от притязаний грузинских помещиков Мачабеловых и Эристовых.(24) Далее тбилисский губернатор, который хорошо знал Грузию, Южную Осетию, Абхазию, разницу между грузинами, осетинами и абхазами, писал: «Поскольку «успокоением одних кешельтских осетин еще не может быть достигнуто общее в *Осетии* (курсив мой – В. Дз.) спокойствие», то незамедлительно следует большими силами нанести удар «одновременно по всем главным ущельям (Осетии – В. Дз.)».(25) Как видим, уже в 1830 году, т.е. почти 170 лет тому назад, знающие историю и географию военные и государственные деятели России четко различали Грузию от Осетии, имея в виду нынешнюю Южную Осетию. В подтверждение сказанного мы привели убедительные, с нашей точки зрения, примеры, которые можно и продолжить. Но отсюда уже явствует два вывода: 1) профессор истории Л.М. Тоидзе не знаком с первоисточниками и поэтому, не разобравшись в сущности вопроса, утверждает,

что «термин «Южная Осетия» употреблялся в XIX веке, но был «условным»; 2) грузинский историк изучил первоисточники и знает суть проблемы, но преднамеренно, преследуя антинаучные цели, или, проще говоря, воруя у осетин их историю, утверждает, что термин «Южная Осетия» в XIX веке носил условный характер. И в том, и в другом случае доктор исторических наук, профессор Л.М. Тоидзе «не смотрится» ни убедительно, ни, тем более, солидно. Такие «исторические открытия» не украшают даже студента, не говоря уж о профессоре.

Военные действия в Южной Осетии в 1830 году должны были закончиться установлением системы моуравства и приставств, олицетворявших колониальные порядки и законы среди осетин. Именно эту цель преследовала военная экспедиция генерала Ренненкампа. Кроме публичной демонстрации силы, царские власти намеревались «после наказания осетин» привлечь их к устройству дорог, ведущих в труднодоступные ущелья Лиахвы, Пацы и Ксани. При этом Ренненкампф имел «приказ сверху» о том, чтобы сопротивляющихся осетин уничтожать на месте. Воспоминания участников «экспедиции в Осетию» в 1830 году под командованием генерала Ренненкампа, а также других походов русских войск в Южную Осетию, различные сведения о территории проживания осетин, полученные по их результатам, проливают свет на интересующий нас вопрос. В этой связи большой интерес представляет обширный коллективный труд «Обозрение Российских владений за Кавказом», изданный в Санкт-Петербурге в 1836 году. Внимательное изучение этого труда позволяет сделать вывод, что он является важной страницей кавказоведения. Появление «Обозрения...» было вызвано необходимостью больше знать историю, культуру, географию, этнографию народов Кавказа, а также сложнейшими политическими и военными событиями в истории России первой половины XIX века. К этому периоду Россия окончательно закрепила свои позиции в Закавказье после военных побед в русско-иранской (1826-1828 годы) и русско-турецкой (1828-1829 годы) войнах. Туркманчайский (1828 года)(26) мирный договор России с Ираном заметно поднимал престиж России в Закавказье и создавал условия для расширения ее экономического и политического влияния в других регионах. Туркманчайский договор подтверждал свободу плавания в Каспийском море для русских торговых судов и особое право России иметь здесь военный флот. Позиции России в Закавказье еще более укрепились после завершившейся в 1829 году русско-турецкой войны и подписания Адрианопольского мирного договора.(27) Укрепившись окончательно и прочно в Закавказье, Россия занялась вопросом колониального освоения этих территорий, превращая их в источник сырья и рынок сбыта. А для этого

необходимо было основательно изучить географию, природные ресурсы, этнографию народов Кавказа, демографическую ситуацию и т.д. Одним словом, были приняты необходимые меры для изучения истории неисследованного (или малоисследованного) края Российской империи. Было выполнено большое число работ по описанию различных проблем истории народов Кавказа. Среди них особое место занимает «Обозрение Российских владений за Кавказом». В 1827 году министр финансов России Е.Ф. Канкрин обратился к императору с запиской «Об устройстве финансовой части в Закавказских провинциях». В ней обосновывалась необходимость для империи сбора и систематизации «надлежащих сведений» о Закавказских провинциях, которые, по мнению Канкринина, могли быть названы колонией России и приносить государству «важные выгоды произведениями южных климатов». Для сбора разнообразных сведений (исторических, географических, климатических, демографических и т.д.) о Закавказье Е.Ф. Канкрин предлагал направить туда специалистов своего министерства. В такой полезной инициативе была заинтересована и русская администрация на Кавказе, в том числе и наместник. В результате деятельности посланных из Петербурга чиновников министерства финансов России, а также специалистов русской администрации на Кавказе в 30-е годы XIX века появились различные описания, записки, ведомости, комментарии, обозрения, которые стали хорошим подспорьем для научных работников, изучающих историю, культуру и быт народов региона. В свете интересующей нас проблемы «Обозрение...» является наиболее ценным и обстоятельным. Здесь большое внимание уделено южной и центральной части Осетии. Описание этих частей Осетии, а также Шекинской провинции принадлежат Яновскому, (28) которому удалось близко познакомиться с осетинами Южной Осетии. Он сумел подготовить более или менее объективный труд, ставший ценным источником описания истории осетин Южной Осетии. Несмотря на отдельные неточности и ошибочные суждения (которых, наверное, невозможно было избежать), труд петербургского исследователя об осетинах до сих пор не потерял своей актуальности. Именно поэтому он издан отдельной книгой в Цхинвале. (29) Не только осетиноведы, но и все кавказоведы, в том числе Л.М. Тоидзе и его единомышленники должны, на наш взгляд, внимательно ознакомиться с трудом А.Г. Яновского, который непременно поможет восстановить некоторые исторические истины. Следует отметить, что А.Г. Яновский о Южной Осетии (Осетии) говорит как о конкретной территории, населенной осетинами. Нам не удалось обнаружить у исследователя каких-то «условностей» или «символизмов», когда он говорит об Осетии, подразумевая южную ее часть.

Наоборот, он четко разделяет северную часть Осетии и ее южную. Очень часто, говоря о Южной Осетии, А.Г. Яновский пишет: «Осетия». К сожалению, исследователь иногда характеризует осетин как «вероломных», у «которых гость в доме хозяина не безопасен», (30) что противоречит сведениям других специалистов, посетивших в разные времена Осетию. Описывая внешний вид осетин, А.Г. Яновский отмечает, что они «роста среднего, сложения весьма крепкого, сильны, большей частью круглолицы и белокуры, глаза у них голубые, в лицах нет выражения ума или остроты, у многих видна какая-то дикость и свирепость». (31) Здесь, как видим, есть перегибы. Субъективные оценки исследователя не совпадают с многочисленными характеристиками осетин, которые давали им другие путешественники, историки, географы, государственные чиновники разных уровней. Однако эти и другие не очень лестные оценки осетин свидетельствуют, как нам кажется, о том, что А.Г. Яновский не был проосетински настроенным исследователем. В целом он правдиво рассказал о Южной Осетии. Некоторые вопросы этого горного края (границы, пространство, климат, воды, пути сообщения, отдельные обычаи осетин и т.д.) он описал точно, с большим пониманием предмета исследования. Самая маленькая по объему первая глава работы А.Г. Яновского называется «Положение, границы и пространство», где сказано: «Осетия, называемая туземцами Иристон, занимает часть Кавказского хребта... Она граничит к востоку с землями кистов (ингушей – В. Дз.) и разных других горских народов, к западу – с Имеретией... к северу – с Кабардой, к югу – с Карталинией. Пограничные от севера и востока ущелья Осетии: Валагирское (Алагирское – В. Дз.), Тагаурское и Картаульское (Куртаинское – В. Дз.) причислены к Владикавказскому округу; Джамурское – к Душетскому уезду Грузии; а от запада Мамисонское и Тибское с некоторыми другими – к Рачинскому округу Имеретии. Южная часть и вся середина Осетии по обеим сторонам Главного снежного Кавказского хребта разделяется на вольную и на принадлежащую к Горийскому уезду Грузии. Приблизительная величина обеих частей Осетии (читай: Севера и Юга Осетии – В. Дз.) простирается до 2700 кв. верст». (32) Далее А.Г. Яновский пишет о водах Осетии. «Во всей Осетии, – отмечает он, – находится пять малых рек: Ардон, Паца, Большая и Малая Лиахва и Меджуда... Большая Лиахва..., соединяясь с речкой Паца, поворачивает на юг, выходит у деревни Цхинвал в Карталинию и у города Гори впадает в реку Кур». (33) Характеризуя реки и протоки, исследователь четко отделяет земли Осетии (под которыми подразумевается южная часть Осетии) и Карталинии. Это не случайно и, разумеется, не из конъюнктурных или идеологических соображений. В дальнейшем также четко разделяется

территория Южной Осетии (Осетии) от Каратлинии, Имеретии и других регионов и частей Грузии. «Главный Кавказский хребет, — подчеркивает А.Г. Яновский, — начиная от восточного края Осетии, или от Душетского уезда, горою Кнот, имеет изгибистое направление к западу, и от горы Зикар, выходящей западной стороной в Имеретию...»(34) Имея в виду Южную Осетию, он писал: «В восточной части Осетии, между ущельями: Закинским, Едисским и Келиатским он (ширина Главного хребта — В. Дз.) довольно узок...»(35)

В расчете «удивить всех» оригинальными «научными открытиями» грузинские ученые, особенно авторы книг «Осетинский вопрос», «Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов», «Исторические и политико-правовые аспекты грузинско-осетинского конфликта и основные пути его урегулирования», «Как образовалась Юго-Осетинская Автономная область», «Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области» внесли свой вклад в процесс фальсификации истории Грузии, Южной Осетии, Абхазии, грузино-осетинских и грузино-абхазских взаимоотношений.

Наукообразное «творчество», точнее, мифотворчество докторов исторических наук, профессоров А.М. Ментешашвили, Л.М. Тоидзе, Дж. Г. Гвасалиа, Б.В. Гемкрелидзе, кандидата исторических наук В.В. Итонишвили, кандидата юридических наук Л.Н. Матардзе, кандидата экономических наук А.Б. Тотатдзе, кандидата филологических наук С.С. Лекишвили и их единомышленников является худшим видом социального заказа «сверху», образчиком явления паранауки, параистории, бурно развившейся в последнее время и не только в Грузии. Но мы обращаем особое внимание на «исторические открытия» грузинских коллег потому, что они, с нашей точки зрения, явились одной из главных причин межнациональных войн. В дальнейшем они могут стать причиной еще более грандиозной катастрофы. Парадокс состоит не только в том, что грузинские специалисты масштабно фальсифицируют историю Абхазии, Грузии и Южной Осетии. Осетинская и абхазская темы практически не сходят со страниц прессы и экранов телевидения Грузии. В центре всех выступлений — искаженная история Абхазии и Южной Осетии, этническая и политическая история абхазов и осетин, которые за все свои достижения (в экономике, культуре, образовательном уровне и т.д.) «должны быть благодарны Грузии». Известный историк Ю.С. Гаглойти по этому поводу пишет: «О наличии в республике (Грузии — В. Дз.) стольких специалистов по истории осетинского народа вряд ли кто-нибудь до этого даже догадывался».(36) В справедливости слов Ю.С. Гаглойти убеждаешься, читая внимательно коллективный труд грузинских ученых «Осетинский вопрос». Парадокс еще

и в том, что иногда один из авторов этой книги, вольно или невольно, опровергает своего соавтора.

Не все аргументы наших оппонентов из Тбилиси работают на утверждение их «оригинальных научных концепций». Скорее наоборот. И уж совсем непростительно, когда известные ученые Грузии опускаются до примитивного желания оскорбить не только осетинских и абхазских ученых, но и всех осетин и абхазов. Так, например, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Кавказа института истории и этнографии АН Грузии, доктор исторических наук, профессор Б.В. Гемкрелидзе, «анализируя» причины и время появления осетин на территории Южной Осетии, других регионов современной Грузии, пишет: «Грузинский исследователь З. Чичинадзе полагает, что первые поселения осетин в Грузии относятся к XVI веку. Оказавшись в весьма тяжелом политическом и экономическом положении, *голодающие осетины приходят в Грузию за подаянием* (курсив мой — В. Дз.), затем временно поселяются в ней, а к концу XVI века идут в крепостное услужение к грузинским князьям и дворянам лишь бы укрепиться на грузинской земле».(37) Здесь, как видим, профессор явно перегибает палку. Причем перегиб непосредственно вытекает из огромного желания ученого оскорбить осетин, которые, если ему верить, голодали, и в поисках куска хлеба пришли в процветающую Грузию, где «богатые и благородные грузины» подавали им милостыню. Мы дальше еще покажем абсурдность и идиотизм данного тезиса. А пока обратим внимание на то, что Б.В. Гемкрелидзе говорит не о группе или части голодающих осетин. Речь идет о «голодающих осетинах», т.е. обо всем народе. Не думаю, чтобы профессор не понимал смысла русского слова «подаяние», которое равнозначно «милостыне» или подачке. Свой вывод Б.В. Гемкрелидзе подкрепляет ссылкой на книгу другого грузинского историка З. Чичинадзе «Заселение осетинами Картли», изданной в Тбилиси в 1990 году (стр. 10). Нам не удалось прочитать эту книгу З. Чичинадзе, и мы не имеем возможности проанализировать те аргументы грузинского историка, которые бы действительно подтверждали приведенную нами цитату из сочинения Б.В. Гемкрелидзе. Внешне создается впечатление (особенно у неосведомленного в исторических реалиях читателя), что Б.В. Гемкрелидзе прав, так как свой тезис подкрепляет ссылкой на книгу З. Чичинадзе. Тем более что это сделано в классическом варианте партийно-советских времен, когда истина в последней инстанции принадлежала тому историку, которому удавалось свою версию подкрепить ссылкой на сочинения классиков марксизма-ленинизма. В таких случаях, как правило, всякие дискуссии теряли свой «научный смысл», а удачливый охотник за нужными цитатами принимал заслуженные поздравления. Но

здесь, к сожалению для Б.В. Гемкрелидзе, ситуация другая. Наконец-то настало время, когда в исторической науке, как и в любой другой, должен господствовать многократно проверенный факт, всесторонне апробированный аргумент, четко выверенный и научно обоснованный вывод, устраивающий не группу ученых или историков одной национальности, а ее Величество Науку! Добавим к этому, что настоящие ученые иногда должны подвергать обоснованному сомнению отдельные положения даже действительных классиков. А если иметь в виду, что З. Чичинадзе был далеко не классиком, то становится понятным необходимость всестороннего и объективного анализа его аргументов. Так, например, непонятно, в силу каких конкретных причин осетины «оказались в весьма тяжелом политическом и экономическом положении», которое заставило их идти в Грузию «за подаянием». Уверен, что российский читатель Б.В. Гемкрелидзе не поймет, откуда именно хлынули «голодные осетины» в Грузию — из Южной или Северной Осетии. Судя по концепции автора статьи речь идет, наверное, о Северной Осетии. Но тогда возникает еще больше вопросов к грузинским историкам. Как, например, понять причину массового переселения голодных осетин из Северной Осетии в Грузию. Неужели они «на своей исторической родине» (на территории Южной Осетии, по утверждению грузинских историков, у них нет исторической родины) оставляли обжитые места, дома, недвижимое имущество и т.д. и перебирались в чужую страну, где кроме подаяния (пусть даже из рук «великодушных грузин») им не на что было жить и не на кого было опереться. Интересным представляется, между прочим, и другая сторона этой проблемы. Имеются в виду оставшиеся в Северной Осетии осетины. Что с ними стало, кто давал им подаяние и как они выжили без гуманитарной помощи Грузии? Одним словом, абсурдное, с точки зрения науки, и оскорбительное для осетин утверждение профессора Б.В. Гемкрелидзе порождает множество обоснованных вопросов, на которые не в состоянии ответить все грузинские историки вместе взятые. Профессор Б.В. Гемкрелидзе старательно копается в истории и находит «весомые аргументы» против осетин и Осетии. Характеризуя взаимоотношения грузин и осетин в XVI-XVII веках, он обнаружил, что «грабительские набеги осетинских банд разоряли не только грузинское население, но и мирных осетин». И здесь опять подкрепляет сказанное сноской на книгу «Памятники грузинского права» (т. VII, Тбилиси, 1981, с. 191). Далее профессор пишет, что «нередки были также случаи столкновения банд между собой и дележа награбленного, который обычно заканчивался кровопролитием и убийством». И подкрепляет свой тезис сноской на статью И. Беридзе «Вести из Осетии», опубликованную в 1855 году

в газете «Кавказ» (№ 17). Отметим, что Осетией Беридзе называет нынешнюю Южную Осетию, которой, если верить нашим оппонентам из Тбилиси, в XIX веке не было. Однако Беридзе в данном случае не критикуют за то, что он Южную Осетию называет Осетией. В конце концов, отдельные грузинские историки сдались перед неопровержимыми фактами и признали существование Южной Осетии в XIX веке. Но при этом они решили историю Южной Осетии преднамеренно испоганить так, чтобы читающая публика содрогнулась. Именно поэтому профессор Б.В. Гемкрелидзе и его единомышленники всячески искажают историю грузино-осетинских взаимоотношений. С этой же целью они одни бесспорные факты обходят, а другие интерпретируют с явных прогрузинских позиций. А некоторые факты и детали они в буквальном смысле насилуют. Кому неизвестно, что в XVI-XVII веках и в более позднее время, включая даже нынешнее, у всех народов во всех государствах, включая грузин и Грузию, были бандиты. Разве осетины в этом отношении исключение? Ничуть не оправдывая грабежи осетинских банд, можно сказать, что мирные крестьяне в то время не меньше страдали от набегов грузинских и иных банд. Если задаться целью, то в архивах можно найти столько «бандитских дел», в том числе и грузинских, подробное описание которых не уместить в самом объемном фолианте. Вряд ли серьезный историк будет спорить по этому поводу. Б.В. Гемкрелидзе заостряет внимание читателя на «осетинских бандитах» только потому, что ему слишком уж хочется сильнее задеть осетин, скомпрометировать, предварительно показав их «нищету, бандитизм и неблагодарность в отношении своих спасителей-грузин». Грузинский историк должен знать, что в XVI-XVII веках во взаимоотношениях грузин и осетин были куда более светлые страницы, о которых преднамеренно умалчивают. Но зато с каким удовольствием смакует подробный «анализ» грабительских набегов «осетинских банд, разорявших не только грузинское население...» Конечно, историку, к тому же профессору, не прикажешь анализировать объективно все факты истории, в том числе и славные страницы древней и средневековой истории. Такие, например, как героизм 500 осетинских парней, которые вместе с грузинскими воинами царя Ираклия II героически защищали Грузию от численно превосходивших полчищ «персидского варвара» Ага-Муххамед-хана. Авторы «Осетинского вопроса» в поисках компромата на осетин делают такие глубокие исторические экскурсы, что порой им бывает трудно выкарабкиваться из анналов. Но при этом они старательно обходят те страницы своей же истории, где наши предки выглядят не «бандитами» и не «голодными просителями подаяния у грузин», а достойными глубокой благодарности «богоизбранной нации».

Поэтому они не упоминают нигде о знаменитой Дидгорской битве, которая произошла 15 августа 1121 года в окрестностях Дидгори (близ Тбилиси) между грузинскими войсками во главе с Давидом Строителем и сельджукской армией. В том кровопролитном сражении, которое в истории Грузии занимает такое же почетное и особое место, как в истории России Бородинская битва 1812 года, 5 тысяч осетинских воинов(38) продемонстрировали образцы героизма и мужества. И таких фактов в истории Грузии более чем достаточно.

Б.В. Гемкрелидзе в своей статье большое внимание уделяет миграционным процессам. «В XVII-XIX веках миграция осетин в горы и долины Грузии, — пишет он, — несмотря на отдельные случаи, в основном носила острый характер. Особенно широкий размах миграционные процессы получают во второй половине XIX века и начале XX века. Я уже ничего не говорю о советском периоде, когда осетины проникают во все уголки Грузии, в горы и долины, города и деревни»(39) (курсив мой — В. Дз.). Не понять и того, откуда шли «осетины в горы и долины Грузии» — из Южной или Северной Осетии. Или чем, например, можно объяснить утверждение Б.В. Гемкрелидзе о том, что «осетины не являются аборигенами Кавказа»(40) и что «науке это известно».(41) Не знаю, какую науку имеет в виду грузинский ученый. В Большой Советской Энциклопедии утверждается, что «этногенез осетин связан как с древним аборигенным населением Северного Кавказа, так и с пришлыми народами — скифами (7-8 века до нашей эры), сарматами (4-1 века до нашей эры) и особенно аланами (с 1 века нашей эры). В результате оседания этих ираноязычных племен в областях Центрального Кавказа коренное население восприняло их язык и многие черты их культуры. Сложившийся здесь мощный союз аланов-осетин, положивший начало образованию осетинской народности, в 13 веке был разгромлен монголо-татарским нашествием...»(42) Из такого объяснения лишь при большом желании и игнорируя факты можно сделать вывод, что «осетины не являются аборигенами Кавказа». В Малой Советской Энциклопедии также отмечается, что «осетины являются непосредственными потомками алан, появившихся в 1 веке на территории расселения своих предшественников, родственных аланам иранских племен — сарматов и скифов».(43) Далее подчеркивается, что «осетины, живущие на Северном Кавказе..., называются северными, живущие на южном склоне Кавказа — южными».

Главная проблема нашей дискуссии с грузинскими историками состоит в том, что они не считаются с общепринятыми в науке аргументами. И профессор Б.В. Гемкрелидзе здесь не исключение. Парадокс еще и в том, что предки грузин в далекие времена пришли на территорию нынешней Грузии из Малой Азии. Акаде-

мик И.А. Джавахишвили(44) писал: «Для исследования истории грузинского народа ситуация осложняется еще тем обстоятельством, что Кавказ, оказывается, не является первоначальной родиной грузин, и поэтому здесь не надо искать источники их культуры».(45) К этому следует добавить, что сборник грузинских летописей «Картлис Цховреба» зафиксировал сведения о существовании осетинского царства до первого царя Картли. В первом томе этого сборника сказано: «Был у него сын по имени Уобос, которому дал пленников Сомхити и Картли. Дал ему часть страны Кавкасоса, к западу от реки Ломека (Терек) до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы (осетины — В. Дз.). Это и есть Овсети (Осетия — В. Дз.)... Обратились они к овсам, призвали овсов и затем, обнаружив Эристава в открытом поле, убили его. Выловили и уничтожили овсы и картлийцы (грузины, живущие на территории Восточной Грузии — Картли — В. Дз.) всех персов...»(46) Интересные сведения содержатся в «Картлис Цховреба» относительно основателя царства Картли (Иберия) Фарнаваза — родоначальника картлийской царской династии фарнавазианов. Фарнаваз жил в первой половине 3 века до нашей эры, когда на Картли (Иберию) совершали опустошительные набеги более могущественные соседи. В борьбе против притеснителей картлийцев Фарнавазу нужна была помощь других народов. В «Картли Цховреба» об этом говорится так: «В ту же пору жил (первая половина 3 в. до н.э. — В. Дз.) в Мцхете юноша по имени Куджи... Фарнаваз пришел к Куджи... Объединились они, сговорились с овсами и леками (дагестанцами — В. Дз.). Те же возрадовались, ибо очень неумоготу им было платить дань Азону. Фарнаваз призвал Куджи и овсов (далее в тексте говорится об изгнании Азона из Картли — В. Дз.). Тогда Фарнаваз выдал одну сестру свою за царя овсов, другую за Куджи...»(47) Таким образом, в сборнике грузинских летописей имеются достоверные сведения о грузино-осетинских взаимоотношениях, в которых было немало действительно братского, достойного уважения потомков. Однако Б.В. Гемкрелидзе уже не может сойти с накатанной колеи. Он утверждает, что «бродячая жизнь мешала (осетинам — В. Дз.) выработке в их среде элементов общественной жизни, что отрицательно влияло не только на самих осетин, но и на соседей — рачинцев».(48) При этом профессор как опытный и коварный интриган ссылается на статью Е. Вашакидзе «Из жизни осетин Часавальского общества», опубликованную в № 224 «Терских ведомостей» на 1903 год. У неосведомленного в исторических реалиях читателя эта сноска может создать иллюзию объективности. Еще бы! С точки зрения формальной логики он прав, так как свой «сногшибательный» вывод подкрепляет сноской на «первоисточник». Но проблема в том и состоит, что «первоисточ-

ник» на самом деле является фальшивкой. И об этом знает Б.В. Гемкрелидзе. Только неумным желанием оскорбить осетин можно объяснить «творчество» профессора, сочиняющего всевозможные фантастические байки о соседнем народе, представитель которого, между прочим, был мужем царицы Грузии Тамары (Тамар). Осетинский царевич, муж и соправитель царицы Грузии Тамар, Сослан-Давид, по сведениям грузинских источников, был выдающимся полководцем, талантливым государственным и политическим деятелем. Он сыграл огромную роль в политической жизни грузинского феодального государства в конце XII — начале XIII вв. По сведениям «Картлис Цховреба» Сослан-Давид «человек, исполненный всякого добра, божеского и человеческого, прекрасный на вид, в сражениях и на войне храбрый и мужественный, щедрый, смиренный и превознесенный в добродетелях»(49) навсегда вошел в историю Грузии как один из наиболее достойных и верных ее сыновей.

Вообще, согласно «новой научной методологии», освоенной Гемкрелидзе и ему подобными в Грузии, можно «доказать», что в мире нет ни одного полноценного народа, кроме грузин. Так, например, некий грузин Жгенти на страницах республиканской газеты «Молодой ивериец» писал: «Как известно (кому? — В. Дз.), большинство русских биологически неполноценны. Отсюда и следует патологический комплекс неполноценности с характерными компенсациями — человеконенавистничество, зависть, канибализм, пьянство, проституция, распутинизм, попрошайничество, менторство при их тупоумии. Причины своих несчастий, вызванных природной неполноценностью, ищут в других нациях».(50) Хорошо еще, что представитель «богоизбранного народа» считает «биологически неполноценными» не всех русских, а только «большинство». Общая численность русских 145 млн. чел. (к 1992 году) и, по мнению Жгенти, примерно 120-130 млн. из них «биологически неполноценны». Можно ли принять это высказывание за обычную глупость пещерного националиста? Беда в том, что таких «глупостей» слишком много в Грузии, они тиражируются средствами массовой информации и поддерживаются определенной частью грузинской интеллигенции. Внедряя идеологию расизма, шовинизма, человеконенавистничества, или, проще говоря, фашизма, в сознание людей, средства массовой информации, отдельные партии, общественные движения и «ура-патриоты» Грузии вольно или невольно способствуют разжиганию межнациональных войн. Можно привести десятки и сотни примеров пропаганды фашиствующей идеологии в Грузии. Но ограничимся еще двумя классическими примерами. В 1992 году после вторжения войск Грузии в Абхазию «для наведения порядка», соколы Тенгиза Китовани натянули полотнище на здании сухумского вокзала со словами: «Дорогие ар-

мяне и русские! Уезжать (из Абхазии — В. Дз.) не надо, живите с нами, нам нужны рабы и проститутки!»(51) Здесь все настолько ясно, что необходимость в комментариях отпадает. Аполוגеты грузинского шовинизма могут возразить, что отдельные проявления расизма, нацизма и человеконенавистничества встречаются и в развитых государствах, что они не формируют государственную политику и т.д. Допустим. Но вот мнение председателя партии национальной независимости Грузии И. Церетели: «Россия — это империя, у которой есть свои интересы в Грузии, что подразумевает собою Грузию как тип подчиненного государства. И, естественно, ее не устраивает создание сильного суверенного государства Грузии. Дипломатическим путем можно решить проблему лишь в том случае, когда разговаривают два равноправных партнера. Когда же происходит противостояние между сильным и слабым, последнему остается действовать самоотверженно. А дипломатия? Она возможна между Россией и США, или Россией и Грецией — странами, находящимися под разными влияниями. Порабощенный никогда не обманет поработителя. Да, конечно, в России, как и в любой другой стране, существуют как реакционные, так и более или менее демократические силы. Но в отношении Грузии все они реакционны (курсив мой — В. Дз.). Реакционными и демократическими они являются во внутренних делах своей страны... И какая разница, демократ Ельцин или нет, если даже не пытается «отпустить» Грузию. А если старается, но не может — значит не контролирует ситуацию. Четырехвековые попытки наладить нормальные взаимоотношения с Россией доказывают, что это пустая трата энергии. Давайте лучше искать пути к тем странам, которые с точки зрения демократии явно не будут плохими партнерами. В Америке, в Европе. Не пойдут — не надо. И только после этого, если ничего не выйдет, обратимся к России. Что касается переговоров с Россией, которые мы прерываем (в декабре 1992 года — В. Дз.), то их начало было большой глупостью, оплошностью с нашей стороны».(52) Напомним, что И. Церетели не только председатель влиятельной, массовой партии в Грузии. Он депутат парламента, известный политик и публицист. Другими словами, И. Церетели — это не какой-нибудь Жгенти, от которого Грузия, в случае необходимости, может отмахнуться. Более или менее серьезный анализ вышеизложенных рассуждений одного из влиятельных политиков Грузии убеждает в том, что, в сущности, он не очень далеко ушел от Жгенти и ему подобных публицистов. Конечно, И. Церетели, как опытный политик не называет русских «биологически неполноценными». Но сколько желчи в его рассуждениях, сколько яда он выливает на Россию, которая неоднократно спасала Грузию и грузин от гибели.

Это особая тема, и она заслуживает профессионального анализа. Мы еще вернемся к этой проблеме и постараемся на кон-

кретных исторических фактах показать спасительную роль России для Грузии. А здесь обратим внимание на двурушничество И. Церетели, который так активно и агрессивно поносит Россию. По мнению грузинского политика, надо ругать, причем в оскорбительных тонах, Россию, а дружить пока с Америкой или странами Европы. Но если с этой дружбой у грузин ничего не получится, тогда придется, к сожалению И. Церетели и его единомышленников, снова являться с Россией и русскими.

Это уже не «глупость», это – мировоззрение!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Конституция Республики Абхазия. – Сухум, 1994, с. 3.
2. Там же, с. 3.
3. Тоидзе Л.М. Как образовалась Юго-Осетинская Автономная область. – Тбилиси, 1991.
4. Там же, с. 20.
5. Батонишвили Теймураз. Новая история. – Тбилиси, 1983, с. 77.
6. Батонишвили Баграт. Ахали мотхроба (на груз. яз.). – Тбилиси, с. 106.
7. Багратиони Д.Г. (1767-1819, Петербург), грузинский царевич, государственный деятель, писатель, историк. С присоединением Грузии к России переехал в 1803 году в Петербург.
8. Багратиони Давид. История Грузии, 1971, с. 176-177.
9. Гаглойти Ю.С. Южная Осетия. Цхинвал, 1993, с. 10.
10. Акты Кавказской археологической комиссии (в дальнейшем – АКАК), т. 1. – Тифлис, 1806, с. 587.
11. Паскевич И.Ф. (1782-1856) – русский военный деятель, генерал-фельд-маршал (с 1829 г.).
12. АКАК, т. IV. – Тифлис, 1878, с. 359 -360.
13. Чернышев А.И. (1785-1857) – русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант (с 1812 г.), генерал от кавалерии (с 1826 г.), граф (с 1826 г.).
14. История Осетии в документах и материалах (составители Г.Д. Тогошвили, И.Н. Цховребов). – Цхинвал, 1960, т. II, с. 63.
15. АКАК, т. VIII. – Тифлис, 1896, с. 359; 365.
16. Имеются ввиду выступления крестьян Южной Осетии в 1839-1840 годах.
17. История Осетии в документах и материалах... – Т. II, с. 65-67.
18. В соответствии с конкретными указаниями Императора России, в 1829 г. царские власти на Кавказе приступили к разработке окончательного плана «покорения горцев». План разрабатывал на Кавказе граф И.Ф. Паскевич, который наметил серию (в три этапа) военно-политических экспедиций против всех горцев. В соответствии с этим планом, в 1830 г. в Южную Осетию направили экспедицию во главе с генералом Рененкампом.
19. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6245, л. 3.
20. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, ч. 4, л. 1-4; 6-8.
21. История Осетии в документах и материалах... – Т. II, с. 353.
22. Там же. С. 377-378.
23. Там же. С. 381.
24. Там же. С. 378.
25. Там же. С. 381.
26. Туркманчайский мирный договор 1828 года между Россией и Ираном подписан 28 февраля в деревне Туркманчай И.Ф. Паскевичем и Обресковым и Аббас-мирзой от Ирана. Договор завершил русско-иранскую войну, начатую

иранским шахом в 1826 году с целью захвата русских владений в Закавказье. Россия одержала полную победу, и по договору к ней отходили территории ханств Эриванского и Нахичеванского.

27. Адрианопольский мирный договор 1829 г., завершивший русско-турецкую войну 1828-1829 гг., подписан 14 сентября со стороны России А.Ф. Орловым и Ф.П. Паленом, а со стороны Турции – Мехмед Садык Эфенди и Абдул Кадыр-беем. По договору Россия получила ряд преимуществ. Все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая с крепостями Анапа, Поты, Ахалкалаки и Ахалцих передавались России. Турция окончательно признавала переход к России Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, а также ханств Эриванского и Нахичеванского, полученных от Ирана по Туркманчайскому договору. Здесь важно отметить, что в договоре, который состоял из 16 статей, под Грузией подразумевается лишь часть (примерно, пятая) нынешней Грузии. Самостоятельными территориями считались Имеретия, Мингрелия, Гурия.

28. Яновский Александр Григорьевич. В 1828 г. получил назначение на Кавказ, в Казенную экспедицию Верховного Грузинского правительства. В качестве советника экспедиции направлялся в Шекинскую провинцию в 1828 г. С 1829 по 1831 г. принимал участие в делах Южной Осетии.

29. Яновский А.Г. Осетия. – Цхинвал, 1993.
30. Там же. С. 19.
31. Там же. С. 19.
32. Там же. С. 6.
33. Там же. С. 11.
34. Там же. С. 6; 8-14.
35. Там же. С. 6.
36. Гаглойти Ю.С. Южная Осетия. – Цхинвал, 1993, с. 3.
37. Гемкрелидзе Б.В. К вопросу о расселении осетин в Грузии//Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994, с. 169.
38. Советская Историческая энциклопедия. – М., 1964, т. 5, с. 195.
39. Гемкрелидзе Б.В. К вопросу о расселении осетин в Грузии//Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994, с. 179.
40. Там же. С. 179.
41. Там же.
42. Большая Советская энциклопедия (третье издание). – М., 1974, т. 18, с. 556.
43. Малая Советская энциклопедия. – М., 1959, т. 6, с. 997.
44. Джавахишвили Иван Александрович (1876-1940). историк, академик АН СССР (с 1939 г.).
45. Джавахишвили И.А. Соч. – Тбилиси, 1959, с. 47-48.
46. Картлис Цховреба. – Тбилиси, 1955, т. 1, с. 12.
47. Там же. С. 20-24.
48. Гемкрелидзе Б.В. К вопросу о расселении осетин в Грузии//Осетинский вопрос. – Тбилиси, 1994, с. 185.
49. Картлис Цховреба (под редакцией С.Г. Каухчишвили). – Тбилиси, 1959, с. 100; История и восхваление венценосцев (перевод К.С. Кекелидзе). – Тбилиси, 1954, с. 80.
50. Молодой ивериец, 1991, 20 октября; Дзидзоев В.Д., Кадилаев А.М. В поисках национального согласия. – Махачкала, 1992, с. 53-54.
51. Аргун А.Х. Абхазия: ад в раю... – Сухум. 1994, с. 224.
52. Свободная Грузия, 1992, 19 декабря.

Г е о р г и й Я С Ъ К О

Когда власть становится милостивой и
нисходит в видимое - красотою называю
я такое нисхождение.

Ф.Ницше

Так говорил Заратустра: «Отчего природа оказалась столь скарредной по отношению к человеку, что не дала ему светиться, одному больше, другому меньше, в зависимости от внутренней полноты света у каждого? Отчего великие люди не выглядят столь же прекрасно в своем восходе и закате, как солнце? Насколько более недвусмысленной была бы тогда жизнь среди людей!» Кажется, что великий певец индивидуальности проявил заботу об удобстве толпы, — насколько, действительно, проще было бы ей выбирать своих президентов и депутатов! — ведь люди хоть немного развитые чувствуют внутренний свет, о котором говорит провозвестник молний.

Он был герой, его жизнь была полная чаша. Он служил России и Преподобному Сергию. Он был женат на правнучке Кутузова. Он учился у Куинджи. Его опекал Св. Иоанн Кронштадтский. В круг его общения входили Толстой, Стасов, Соловьев, Менделеев, Третьяков, Кони, Тагор, Блок, Врубель, Гумилев, Андреев, Серов, Рахманинов, Стравинский, Прокофьев, Дягилев, Горький, Ремизов, Лосский, Бехтерев, Н.Вавилов, Эйнштейн, Милликен, Метерлинк, Неру, король Югославии Александр, король Бельгии Альберт. Он написал семь тысяч картин. Русский из русских, он тридцать лет был оторван от Родины. Он во всем являл себя как служитель Света, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в изгнании, в трудах, в бдении, в под-

виге, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в бласти, в нелицемерии любви, в слове истины, с оружием правды в правой и левой руке. Его почитали умершим, но он был жив. Его пытались убить, но он не умирал. На него молились и его проклинали. И он разрешил главную задачу художника — он научился писать Свет.

Николай Рерих — это грандиозная мировая фигура. При современной одичании и уничтожении последних остатков культурных достижений великого прошлого, при общей нивелировке всего самобытного его образ высится как напряженный укор и последний символ творца, представителя великой человечности в эпоху наибольшей бесчеловечности. Великий Дух ходил среди людей и будил их сознание ко всему Прекрасному и тем самым вливал в них Эликсир Жизни.

Решительно все знатоки культуры отмечают необычайную мощь жизни Николая Рериха. Великий художник, мыслитель, глубочайший философ, выдающийся ученый, прекрасный поэт, отважный путешественник, тонкий политик, мощный организатор, он соединил Мудрость Востока и Культуру Запада. Мы уже утратили идеал совершенного человека, поэтому не способны оценить масштаб этой личности. Он был подвижником, вся его деятельность дышала одной заботой — заботой о человечестве. Все, что он делал, он делал превосходно, но помимо высокого совершенства, вся его деятельность являет собой какое-то духовное послание, облеченное всей неотразимостью Красоты.

«Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому, что Бог задал одни загадки... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердце людей», — сказал Достоевский. Сказано хорошо, но непонятно, ну ладно, ниже мы к этим словам еще вернемся, а пока вспомним другие его слова, тоже непонятные, но ставшие привычными: «Красота спасет мир!» Как-то веришь этим словам, хотя «спасение» всегда считалось делом Божества. Но давайте-ка вспомним один поразительный эпизод из нашей истории. Тысячу лет назад киевский князь Владимир послал десять «мужей добрых и осмысленных» в разные страны, чтобы те на месте посмотрели, как разные веры утверждают себя, дабы выбрать самую правильную. Они посмотрели и — выбрали Православие. И вот как объяснили свой выбор: «Не знаем, на небе мы были, или на земле, ибо нет на земле такого вида и такой красоты, и мы не знаем, как рассказать об этом; только знаем, что там Бог с человеками пребывает... Мы же не можем забыть красоты той». Оказывается, что «Бог с человеками пребывает» в красоте! Девятьсот с лишним лет спустя русский

священник, ученый, философ П.А.Флоренский напишет: «Из всех доказательств бытия Божия наиболее убедительно звучит то, которое даже не упоминается в учебниках, примерно оно может быть построено умозаключением: «Есть Троица» Рублева, следовательно, есть Бог». Оказывается, доказательством бытия Бога, Которого «никто никогда не видел» (1 Ин.4.12), для нас является красота! Вот и Николай Рерих сказал, уточняя формулу Достоевского: «Осознание Красоты спасет мир». Наверное, за этими настойчивыми утверждениями стоит какая-то реальность, и хотя Пушкин не велел «поверять алгеброй гармонию», попробуем все же «осознать» — на чем, по Рериху, основывается спасительная функция красоты?

Начнем с того, что важнейшим фактором человеческого бытия является страдание. В начале человеческой истории это главный, если не единственный побудитель деятельности человека. Человек действует, чтобы избежать, прекратить, предотвратить или утолить физические, эмоциональные, интеллектуальные страдания. Или муки совести. Как лесной пожар гонит всю живность к воде, так все виды страдания вынуждают зачатки способностей и сил человека раскрываться и развиваться, превращаясь в действующую энергию. Страдание подгоняет, стимулирует, отрезвляет, пробуждает, воспитывает, формирует. Страдание могло бы сказать о себе словами Гете: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Люди не были бы людьми, если бы среди них не находились субъекты, делающие деньги на всем, в том числе и на страданиях ближних. Это — о паразитах человеческого страдания и невежества, жрецах всех культов, служителях всех церквей, сектантов всех окрасок. Все они говорят страдальцам одно и то же, независимо оттого, на какие именно священные тексты они ссылаются: «Ты страдаешь из-за греховности своей природы. Ты обречен грешить и страдать из-за этого. Ну, ничего, мы поможем тебе, мы будем тебе прощать твои прегрешения. По Писанию и по прейскуранту, за соответствующую плату, в зависимости от тяжести греха. Для этого единственно истинное Божество наделило нас соответствующими полномочиями и силами». Традиционные церкви, уже сделавшие себе имя в веках, солидно рассчитывают на 10% дохода клиента, на «десятину». Массовый охват позволяет стричь овечек помаленьку. Новые на рынке суеверий секты действуют грубо, напористо, стремясь с доверивших им свою совесть заживо содрать шкуру: заполучить не только «движимость», душу, но и всю нажитую недвижимость. Спешат сорвать куш.

Но страдания вызваны действиями законов природы, которую нельзя подкупить. И самозванные посредники между людьми

ми и Духом, берущиеся за «свой процент» уладить ваше дело в Небесной Канцелярии, своей ложью лишь усиливают страдания. Они не только обманывают людей, но и внедряют в умы развращающую идею, что можно подкупить Всевышнего!

Природу нельзя подкупить, ее можно и должно изучать. Изучая ее, мы обнаруживаем интересный сорт людей. Их заставляет действовать не внешнее принуждение, а внутреннее побуждение. Они действуют вопреки тому, что мы снисходительно зовем «человеческой природой». Они как бы сделаны из другого теста. Они не бегут от страданий, наоборот, идут навстречу им. Они обрекают себя на интенсивные физические, эмоциональные, интеллектуальные страдания, на муки совести. Они не уклоняются от бед, они встречают их грудью, и часто сами создают беды себе и другим. Они возмущают сложившиеся порядки, взрывают их. За это их уничтожают, потом долго и яростно проклинают, пока не обнаруживается, что те порядки были отжившими, умирающими и мертвыми и их надо было взорвать, чтобы открыть дорогу новому творчеству жизни. После этого их начинают превозносить.

Эти люди совершают не только политические перевороты, но и перевороты в умах. А история по-своему взвешивает величие их дел. Вот Александр Македонский. Он перевернул пол-Азии и объединил в Империю. Но после его смерти воздействие его импульса было погашено, исторические силы перегруппировались и сконцентрировались в противостоящих друг другу центрах. Объединение Европы и Азии не состоялось. А вот воздействие Христа повлияло на огромную человеческую общность, оно начало новую «христианскую» эру, сформулировало новый тип сознания. Единой христианской церкви нет, и целостность «христианского мира» есть целостность культурная, а не церковная. Появился новый тип героя, которого прежде не знали. Древний мир стоял на героях, которые отдавали свои жизни за народ, за город, за честь рода, семьи, класса, за личную честь. Христос своим подвигом расширил понятие героизма: принеся свою жизнь в жертву непонятной вещи — истине, он превратил ее в наивысшую ценность. На вопрос Пилата: «Что есть истина?» — прозвучал ответ миллионов: «Самое лучшее мое устремление есть истина, и я не пожалею за нее самой жизни!» И ведь не жалеют! Ни своей жизни, ни чужой тоже. Другое дело, что принимается за истину. Ницше показал, что именно этот подход к истине лежит в основе западной науки. Бердяев показал, что именно этот дух воспитал большевиков.

«Ясно, что можно нескончаемо приводить неоспоримые примеры из стран великих и малых о безошибочном суде души народной. В этих воспоминаниях составит блестящий ряд

Выразителей стран, Выразителей эпох и духа человеческого. Разнообразны будут эти Выразители и по Времени и по положению своему, по окружающим их обстоятельствам, но какая-то неоспоримая планетарная ценность выявляется при отборе этих строительных прекрасных имен-конаний... — пишет Рерих, — Их вовсе не мало, и хранилище планеты, сокровищница творящего подвига, поистине прекрасно».

Герои были и есть — это научный факт. Исследуя эволюцию биосферы, выдающийся ученый, географ Лев Гумилев обнаружил, что человечество движется всплесками энергии. Люди — это часть природы, поэтому энергии — информационные взаимодействия и превращения, составляющие суть природных процессов, определяют и ход истории. История развивается определенными циклами, которые реализуются энергетическими толчками, побуждающими людей к активности. Эти заряды энергии проходят в народные массы через вполне определенных людей. Появление этих людей непреложно, энергия, приносимая ими, «имеет космическое происхождение». Лев Гумилев назвал это явление «пассионарностью» (от латинского *passio* — страсть), а этих людей «пассионариями».

Понятно, что самым интересным и важным в исследовании «пассионарности» был бы поиск источника этой энергии и изучение закономерностей ее проявления. Источником назван Космос. Но это не то космическое пространство, которое с планеты Земля изучают астрономы. Под Космосом здесь следует понимать существующий порядок вещей, иерархическую соподчиненность явлений и законов природы, проявившуюся в борьбе созидательных и разрушительных сил. «И этот Космос — не тот недостижимый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, — но тот Великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры-звезды на всех неисчислимых планах», — говорит Рерих. Каждый камень земли принадлежит этому Космосу, он тоже создан какими-то взаимодействиями, борьбой каких-то сил. Как говорили древние: «Разум претворяет Хаос в Космос».¹

Древнегреческий писатель Гермий так писал о начале творения Космоса: «Хаос, обретя чувства от этого слияния с Разумом, воссиял радостью, и так возник Протогонос (первородный) Свет». То есть первым проявлением Космоса был Свет. Сравним это с современными представлениями. Было установлено,

¹ «Наличие Мирового Разума признавал и Эйнштейн, он говорил: «Я довольствуюсь созерцанием таинств разумной жизни, воспроизводящей себя на протяжении всей вечности; размышлением по поводу чудесного устройства Вселенной, которое мы смутно улавливаем; и смиренной попыткой понять хотя бы малейшую частичку разума, проявленного в природе».

что началом Большого Взрыва, задавшего отчет времени нашей Вселенной, была некая вибрация, имевшая определенную частоту. Эта вибрация претерпевала определенные превращения, позволившие по аналогии с уже известными явлениями назвать эти самые первые проявления бытия «реликтовым звуком», «реликтовым излучением» и «реликтовым светом». В процессе дальнейшей дифференциации «реликтовый свет» превратился во все виды энергии и материи. Этот реликтовый свет «светит» и сейчас, оставаясь основой и сущностью проявленного бытия. Какая-то часть его периодически превращается в энергии и материи Космоса, отчего полнота его нисколько не страдает.

Интересно, что открывшие это явление ученые сразу же обратили внимание на то, что аналогичные превращения уже описаны в литературе. Вот это описание: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит и тьма не объяла его». Это начало Евангелия от Иоанна. Физик изложил бы это так: «В начале Вселенной раздался реликтовый звук, этот звук раздался в Пространстве, этот звук сам был звучащим Пространством. Один только реликтовый звук был вначале в Пространстве, поэтому все через реликтовый звук начало быть и без него ничего не могло начать быть, что начало быть. В нем было активизировано реликтовое излучение (движение, принцип жизни), которое воспринимается как реликтовый свет. И реликтовый свет до сих пор излучается и будет излучаться до конца времени существования Вселенной». Вот эта основа и сущность Бытия нашего и была названа в Евангелии от Иоанна «Словом». «Слово» — это звуки, облекающие некое значение в форму, доступную для восприятия. «Слово» четвертого Евангелия, — это «звук» Большого Взрыва, облекающий план развития Вселенной в саморазвивающуюся энергоинформационную систему одухотворенного Космоса.

По-гречески «Слово» звучит как «Логос» — это старый добрый гностический термин. Гностицизм преследовался христианами фанатиками и к IV веку исчез с глаз. Стержневой его термин «Логос» был присвоен последователями и водружен как самый главный трофей в центре их вероучения. Водружен без всякого понимания его глубочайшего смысла. Мы будем в дальнейшем пользоваться заместителем этого термина — словом «Свет». Не называть же «реликтовой вибрацией» Всевышний Принцип Бытия!

«В какие-то, точно вновь открытые, Врата подходят люди к хранилищам вечных заветов. Вместо отталкивающей нетерпимо-

сти, не приводящей ни к чему, кроме зла и разложения, появились проблески творящего синтеза. Появилось ощущение той Великой истины, которая существует предвечно и выражалась в многообразии вековых трансмутаций, — так приветствовал Николай Рерих это волнующее сближение современной науки и Древней Мудрости, и продолжал: — После удручающего понятия осужденности выступило понятие Сердца и Огня и той Беспредельности, в которой широко вмещаются строения всех прозревших душ». Может быть, сейчас, в конце века XX, человечество все-таки произведет ту великую переоценку ценностей, к которой ее призывали в конце века XIX? Может быть, сердца человеческие смягчатся и допустят осветить и согреть себя Сердцу Космоса?

Итак, Космос — это сложнейший агрегат энергий, превращающихся определенными квантами во все более сложные виды из первоначальной простоты, которую мы условились называть «Свет». К данному моменту этот процесс структуризации достиг предела, положенного физической материей: «Слово стало плотью», Свет стал Вселенной, наблюдаемой нами, и стал нами самими, конечно, тоже.

С какой целью предпринята эта грандиозная задача — никто не знает. «Так Природа захотела, почему — не наше дело, для чего — не нам судить». Но Гегель считал, что Мировой Дух (Бессознательное) предпринял задачу развития Вселенной в надежде достичь Самоосознания.

Чего не знаем, того не знаем, гадать не будем, а будем исходить из установленных фактов. Является фактом, что в бесконечно большом и бесконечно малом все есть движение и мы не обнаруживаем ничего, что пребывало бы в покое. Все пребывает в движении, в процессе перемен. Перемены эти необратимы и организованы в определенный, доступный осознанию порядок. Закономерность в развитии естественных процессов обеспечивается энергетической и информационной поддержкой созидательных сил, которые мы называем космическими энергиями, то есть энергиями упорядочивающими, в отличие от хаотических энергий, то есть тех, которые доставляют материал для упорядочивания.

Человеческая история является частью этого величественного процесса превращения энергий. Каждый человек захвачен неудержимой силой, влекущей Космос с одного этапа развития на другой. Замечено, что это движение сопровождается качественными изменениями форм, которые оно принимает. Эти формы совершенствуются, становятся все более устойчивыми, могущими все полнее проявлять богатство и разнообразие облекающей в них жизни. Это называется эволюцией. Космос эволюционирует, он самосовершенствуется.

И вот, в процессе этих перемен, мы незаметно подошли к критической точке нашего эссе, к тому, ради чего оно написано. Человеческая эволюция имеет яркую особенность, выделяющую ее на пестром фоне других потоков. Из объекта эволюции человек может и должен стать ее субъектом, таков закон, установленный для него. В какой-то момент он обязан сделать это, или, если не сделает, должен перестать развиваться, стать на путь инволюции, ведущей к гибели. Как это понять?

Объектом эволюции управляют Внешние для него силы, принуждающие его развиваться в нужном эволюции направлении, влекущие его без участия его сознания и воли, если предположить, что таковые у него имеются. Субъект же эволюции осознает суть происходящего, он разумен, ему дана свобода выбора: либо, осознав, что он участвует в процессе совершенствования, приложить все силы, чтобы этому процессу способствовать (в меру осознания) и тем самым преобразить свою энергетику, подняв ее вибрации на качественно другой уровень и сделав ее недоступной влиянию побужденных при этом сдвиге (или подвиге) хаотических энергий оставленного уровня сознания. А дальше — через это — стать ближе к приобщению к космическим силам природы. Либо, в противном случае, отказавшись от борьбы за реализацию этого перехода, остаться на том же энергетическом уровне, который уже им пройден и энергии которого ничего полезного ему для развития его сознания дать уже не могут, эти энергии могут только взять его сознание, утратившее притяжение более высоких энергий и тем оторвавшееся от Высшего, поглотить и уничтожить его, как неудавшийся экземпляр.

Вот как Николай Рерих говорит о значительности и неповторимости этой прекрасной черты перехода на следующую ступень бытия: «Казалось бы, человек, именно дойдя до черты, между периодами своей жизни, должен бы был оказываться более напряженным, справедливым и дальнзорким. Ведь даже для прыжка через ручей должна быть известная доля сообразительности и дальнзоркости. Так бывает у земных ручьев. Но перед потоками духовными, очевидно, в сознании человеческом применяются какие-то иные меры. Или сосредотачивается все хорошее, помогающее славно перейти предстоящую черту, или же человека обурсуют восставшие дурные свойства, мешающие ему сделать этот заветный переход.

Особенно знаменательно видеть, как именно у черты, у этой долгожданной черты происходит или особо хорошие, или особо дурные напряжения. Точно бы из какого-то глубокого хранилища выявляются основные качества и свойства...

Вообще все происходящее у черты представляет из себя замечательнейший пример эволюции и инволюции духовной. Если

слышим, что кто-то проявил или светлый подвиг, или темное предательство, посмотрим же внимательно, не произошло ли это у знаменательной черты его бытия. Мало когда ошибешься в таком предположении, если то или иное действие было ярким...

Твердить об опасностях духовных инволюций не будет каким-то запугиванием. Действительно, разве можно считать запугиванием каждый дельный совет, даваемый идущему в горы. Если такому путнику скажут — не ложись на ночь под горою, с которой может свалиться камень, разве это запугивание? Если скажут — не надейся плотно перед восхождением на вершину, это тоже не будет запугивание, но будет лишь испытанным полезным советом.

Таким же испытанным советом будет и предостережение — не погружаться в плотный мир со всеми его призраками у черты. Будет добрым советом, если скажут, что память о черте сужденной должна быть самою светлою, в которой пусть выявится только лучшее качество духа...

Много убийств происходит и без кинжала, и без физического яда. Много разрушений творится без вещественных ручных напряжений. Поистине, много дано человеку, лишь бы только он помнил обо всех тех последствиях, которыми он владеет по предоставленной ему свободной воле. Деление жизни человеческой на периоды есть завершение испытаний, неизбежных и благосклонных. Ведь только мерзкий трус пожелает, чтобы испытаний вообще не было и он не подлежал бы ответственности за свои поступки и мысли...

Пусть у черты не произойдет ничего постыдного и губительного. Ведь это черта. Та самая, долгожданная, заповедная черта, к которой так устремлялись, которую почувствовали всем сердцем своим. Да будет благословенна черта великая, грань жизни!» Многократно можно выписывать «из Рериха»!..

Думаю, что нет необходимости просить у читателя извинения за столь обширную цитату. Ведь мы сейчас говорили о самом важном и таинственном моменте в жизни человека. Моменте, когда решается вопрос: «Быть или не быть». Быть ли человеку успешным путником на пути эволюции, или опасно отстающим, теряющимся, пропадающим.

Или если скажут — бросаясь в поток, испытай прежде надежный брод — разве это будет запугивание? Если перевести вышесказанное на христианскую терминологию, то речь идет о «спасении» или о «погибели души».

Недаром греки называли человека Микрокосм, ибо он, как и Макрокосм, способен самосовершенствоваться.

Все находится в движении и преображении, Космос самосовершенствуется, он эволюционирует. Вопрос «добра» и «зла»

есть вопрос эволюционный. Энергии, способствующие эволюции конкретного объекта, это энергии добра, космические энергии; энергии, препятствующие его эволюции, это энергии зла, энергии хаоса. Для биолога, может быть, одна и та же энергия делается скальпелем хирурга и ножом убийцы. Но для психолога это не так.

Не надо думать, что хаос клубится где-то там, в недрах метagalактики, он угнезвился ближе близкого, вон под той черепной коробкой: «... и видны за соседним столиком налитые кровью чьи-то бычьи глаза, и страшно, страшно... О, Боги, Боги мои, яду мне, яду!..» Так и влияние Космоса не знает великого и малого. Хозяйка дома, как вечный двигатель работающая с утра до вечера, переходящая от готовки пищи к стирке, а от нее к мытью полов и уборке, и еще зарабатывающая деньги, и находящая доброе слово для каждого, обратившегося к ней, является каналом космической энергии. А ее благоверный, систематически напивающийся до потери человеческого облика, сеет вокруг себя хаос.

«Мы участвуем в космической битве Добра и Зла», — так мы могли бы ответить на знаменитый вопрос Шукшина: «Что же с нами происходит?» «Жизнь — без начала и конца. Нас всех подстерегает случай. Над нами сумрак неминуемый, иль ясность Божьего Лица», — утверждал ту же истину Блок.

А древние китайцы говорили: «Если ты можешь управлять своим домом, то тебе можно доверить управление Поднебесной». Понятно, что это не синдром пресловутой кухарки, которая может управлять государством, описан. Речь не о том, что Поднебесной так же легко управлять, как и домом, а о том, что домом так же трудно управлять, как Поднебесной. Еще бы! Ведь для этого нужно приобщиться к космической энергии, для которой нет великого и малого.

Ну а мы сейчас обратимся к Великим, которые управляют Поднебесной. Видный культуролог Т. Карлейл писал: «Всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и в широком смысле творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она стремилась достигнуть; все содеянное в этом мире представляет, в сущности, внешний, материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории». Лев Гумилев показал нам, что герои приносят не только новые идеи, но и новую энергетику. Герой — это не только исток вдохновения, мера прекрасного,

побудитель мужества, это мощный энергетический источник. Герои создают тот энергетический фон, при котором становится возможным переход на более высокий эволюционный виток. Не отрываясь от земли, герой соединяет ее с Космосом, и через него, героя, через его подвиг действует космическая молния удара по веществу, которая продвигает человеческое мышление и сознание и тем самым дает человечеству возможность взять очередную высоту эволюции.

Герой — это энергетическое сердце народного сознания, его путеводная звезда, персонифицированная связь народа с Космосом. Недаром народы вынесли представление о героизме, как о силе, организующей само Бытие.

Герой как личность несет в себе проявленную энергетику Высших Миров. Эта энергия притягивает к себе противоположную энергию хаоса, обременяющую сознание большинства землян, вокруг героя создается сильнейшее напряжение, которое разряжается мощным импульсом Света, получаемым героем. Так уничтожается зло, так побеждается хаос, так очищается жизнь, так искупаются человеческие перерождения, так пробиваются каналы связи с Высшими Мирами, так творится эволюция. Так Св. Георгий торжествует над Драконом.

О Высших Мирах нужно сказать особо, ведь их осознание стало сейчас нашей ближайшей эволюционной задачей.

Помнится, еще в 1978 году, в журнале «Вопросы философии» московские ученые В. Зинченко и М. Мамардашвили опубликовали статью, в которой черным по белому было написано, что сознание человека не является, как это считали классики марксизма, функцией головного мозга. Сознание, доказывают эти ученые, является энергетической структурой, локализуемой в мире иных измерений. Понятие «миры иных измерений» ввели физики для осмысления некоторых странностей в поведении некоторых элементарных частиц. Общеизвестная сейчас теория «суперструн» оперирует девятью измерениями. А психиатр Фрейд уже сто лет назад показал автохтонность «внутреннего мира» человека, выделив в его сознании комплексы мыслеобразов, обладающих признаками независимого существования. Психолог Юнг показал общую значимость этих комплексов (он их назвал архетипами) для людей одной культурной принадлежности, из чего, в частности, следует, что «внутренний мир» каждого из нас органично связан с «внутренним миром» человечества.

То есть наука открывает сейчас то, что давно уже было известно людям и как «эмпирическое обобщение»¹ и как зафиксирован-

¹ «Этот термин введен академиком В.И. Вернадским, так принято называть некоторое утверждение, не противоречащее нашему опыту»

ное в мифах, сказках, преданиях, религиях, философских системах как «Высшие Миры», «Небеса», «Дас», «Нирвана» и т.п.

Необходимость Высших миров, принятая мифологическим сознанием как данность, требуемая искусством как источник вдохновения, признанная церковью как тайна для утверждения своего авторитета, становится неизбежным объектом изучения для науки. Современная церковь отвратила нас от Высших Миров, яростно пресекая поиски истины, как покушения на свою монополию. Современная наука, надо думать, приблизит нас к ним.

Наука давно уже пришла к пониманию, что видимая Вселенная не может существовать и эволюционировать без постоянной энергетической подпитки и оперативного исправления ошибок и сбоев происходящих в ней процессов (которые неизбежны из-за сложности ее строения), со стороны другой, на порядок более высокоорганизованной системы. (Теорема Маккалока-Литса). Главным критерием уровня организованности системы является ее устойчивость. Устойчивость системы увеличивается с уменьшением числа ее элементов и достигает максимума при их сведении к минимуму. Доказано, что число этих элементов не может быть меньше трех. Именно система из трех элементов и обеспечивает эволюцию всей иерархической соподчиненности систем, или миров, образующих сложную структуру Космоса. Трехмерный мир является подножием этой пирамиды миров, а венчает эту пирамиду триединство Логоса (Света). От этого триединства происходит, в частности, христианская доктрина Троицы. Это триединство Всевышнего Принципа Бытия символизирует знак, который Николай Рерих принял как эмблему Знамени Мира – три круга в одном круте, или «три в одном».

Таким образом, наш мир, в реальности которого мы убеждаемся с помощью наших пяти чувств, пронизан другими, Высшими Мирами, пропитан их энергетикой, он был создан этими мирами, их постоянное воздействие обеспечивает само его существование. Наш мир возник из Высших Миров подобно тому, как звуки музыки возникают из энергии музыканта и нот, которые, в свою очередь, появились как запись музыки сфер, звучащей в душе композитора. А что такое музыка сфер, как не отражение прекрасного ритма работы творческих сил Света?

Основной принцип Природы, позволяющий человеку ее познавать, заключается в целесообразности ее процессов, в «целесообразности» этих процессов цели, к которой они стремятся. А целью эволюции Космоса является достижение совершенства Света, по образу и подобию которого он создан.

Наш трехмерный мир создан по образу и подобию Высших Миров, а необходимость его заключается в том, что только здесь творчество эволюции достигает напряжения, при котором потенци-

ал сознания, который несут волны эволюционирующей жизни, может кристаллизироваться в самосознание, в самосознающую себя жизнь, в человека. И в человеке жизнь может осознать целесообразность естественных процессов и сознательно устремиться к прекрасной цели. Таким образом, поиск прекрасного является наследственной эволюционной силой. Это естественный ответ человека на что-то совершенное, к чему стремится вся природа через свои великие эволюционные силы, заложенные в каждом из нас, в каждом проявлении природы. В слове «совершенство» заключен смысл этого понятия, он созвучен понятиям «свершение», «завершение», «окончание чего либо», «достижение цели». А достижение цели начинается с ее «осознания».

Но как же подступиться к осознанию немыслимого совершенства? Рерих пишет: «Не могу не вспомнить покойного друга моего поэта Блока и его глубокие слова о Несказуемом. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо: «Там говорят о Несказуемом». Именно, есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу... Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах».

Трогателен персидский апокриф о Христе: «Когда проходил Христос с учениками, по пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашел красоту и указал на белизну зубов животного».

В час отхождения вспоминает Будда: «Как прекрасна Раджагриха и скала коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!»

Каждый Бодхисаттва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен в искусстве».

«Будьте совершенны», – сказал Христос.

«Осознание красоты спасет миры», – сказал Рерих.

«Истина в Красоте. Космос утверждает на этой формуле эволюцию. Космос направляет мир к овладению Красотою», – сказал Бодхисаттва Майтрейя.

«Сотри случайные черты – и ты увидишь: мир прекрасен», – писал Блок. Сквозь пелену жизненных бурь совершенство мира проявляется во всех видах красоты. Красота разлита во всем сущем, она следует за каждым движением Природы, у каждого этого движения – своя красота, и все эти грани красоты сливаются воедино. Красота соединяет Миры с Вершиной Бытия, и человек, идущий этим мостом, с каждым шагом преображается под влиянием неотразимого обаяния самой сути жизни.

«Будучи явлением эволюционным, связанным с материей и образованием ее форм, с одной стороны, а также с духом и созна-

нием человека — с другой, красота представляет собой вселенскую гармонию, порядок, само мироздание. Красота — это то, что возникает в результате борьбы Космоса с Хаосом и победы первого над последним. Спасительная сущность красоты заключается в энергетическом результате, обуславливающем гармонию в мироздании и в самом человеке. Космос рождает красоту в творческих потрясениях жизни и смерти миров, планета творила ее в гибельных конвульсиях и катастрофах, человек создавал ее, кристаллизуя в ней тяготы и страдания своей жизни».¹ Вот откуда у Достоевского: «Красота — это страшная, ужасная вещь... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердце людей». Дьявол в христианской символике олицетворяет в некоторых своих аспектах Хаос, а Бог — Космос, культ Красоты, присущий Достоевскому, есть результат их борьбы в сердце писателя и победы Бога. Перипетии этой борьбы складываются в ритм, объединяющий Космос, Планету и человека, и приобщают последнего к сотрудничеству с самим Космосом, делая его сотворцом.

Красота — это знамя победы Космоса, его драгоценный опыт преодоления хаоса. Сэр Стивен Хоккинг, занимавший в Кембридже ту же должность, что некогда занимал сэр Исаак Ньютон, считается ведущим физиком наших дней. В весьма популярной книге «Краткая история Времени от Большого Взрыва до черных дыр» он пишет, что он и его коллеги пришли к выводу, что Вселенная непрерывно пульсирует, то появляясь и расширяясь, то сжимаясь и сходя на нет. В этой серии существований Космоса нет ни начала, ни конца. Соответственно, Большой Взрыв — это не первое и не единственное в своем роде событие. Так вот, «красота» — это есть понятие для обозначения того «опыта», который «накопил» Космос в неисчислимых сериях своих существований.

То воплощение Космоса, в котором мы сейчас эволюционируем, есть реализация этого опыта. Красота явилась возбудителем развития и этого цикла Вселенной. В борьбе вновь призванных созидательных сил Природы (включая сюда и человека героического типа) с новым хаосом, эта красота поможет нам снова победить, и вновь созданная в этой, теперешней, битве красота приобщится к Свету неотъемлемой данью восхищения его совершенством.

Как сказал физик Хейнц Пейджес в книге «Космический код: квантовая механика как язык природы»: «Любое совершенное творение природы прекрасно, и физические теории не исключение.

¹ Л.В. Шапошникова. Предисловие к «Листам дневника» Н.К. Рериха, т. I, стр. 24, М. 1995 г.

Уродливую теорию отличает неуклюжесть мысли, и ее трудно долго удерживать в сознании... Новые идеи поначалу кажутся нелепыми и странными, и красота их, если они правильны, начинает проступать позднее... Когда физики действительно поймут внутреннюю логику Космоса, она скажется прекрасной».

Итак, красота разлита во всем, как спасительное средство для человека от всех его бед. Для того, чтобы облегчить приобщение к ней, человек имеет Культуру. Слово «культура», как отмечал Рерих, состоит из двух корней: латинского «культ» — «служение», и санскритского «ур» — «свет». «Культура есть служение Свету», служение Духу, служение эволюции. Культура есть система самореализации Духа, в Культуре только и проявляется Дух. Культура — явление синтетическое, ее нельзя свести к сумме Искусства, Науки, Домостроительства, Государственного строительства, всего того, что человек создал в своей борьбе. Культура есть самый дух этой борьбы, дух всеобъемлющий, требующий все большего проявления, ищущий новых форм. Сердцем Культуры является сама Красота.

Человек некультурный не может быть духовным. В нашу «фелъетонистскую эпоху», как назвал ее Гессе, упадок энергии героизма в людях привел к профанации, резкому падению, унижению всех ценностей. «Все — на продажу!» Появилась огромная масса псевдодуховной пошлятины. Лжеучители обещают «выходы в астрал», «овладение скрытыми силами», «контакты с Высшими Мирами», «слияние с Божеством». Все это вредная чепуха. В жизни ничего не дается легко. Хорошо, что у всей этой грязной волны нет магнетизма убедительности.

Без суровой простоты, без красоты нет духовности. Человек не может приобщиться к духу помимо тех культурных богатств, которые выработало человечество на своем многотрудном пути к Свету. Все прекрасные подвиги вспыхивают новыми огнями культуры в потемках бытия. Только приобщившись к Культуре, причастившись к этому прометеевому огню, возженному Титанами Духа в бездне прошлого, сможет человеческий дух осознать необходимость, неизбежность и красоту подвига — как единственного способа разрешения проблемы земного существования. Вне Культуры нет пути.

Господствовавшая идеология рухнула, традиционные религии показали свою духовную несостоятельность, появилась масса алчных до наших душ и денег сект, государственная политика дышит изменой и коррупцией, средства массовой информации сеют яд разложения, так называемая «массовая культура» распаляет зачатки всех пороков. В нашей сегодняшней ситуации только культура поможет выжить, сохранить тот огонек духа, которым наделил каждого из нас Свет в начале эволюции.

В каждом человеке заложена эта искра единого Света или, точнее сказать, каждый человек, в сущности своей, есть эта искра Света, а все прочие компоненты его личности, его сознания — это те энергии, которые эта искра Света притянула к себе как результат бесчисленных опытов познания и преодоления всей гаммы энергий бытия, с которыми ей пришлось соприкоснуться на пути своей эволюции.

«Центр Духа связан с центром организма. Связь эта, веками известная, ни научно, ни философски не разгадана, но вместе с тем совершенно очевидна. Чаша опыта. И этим путем мы опять подойдем к творчеству мыслью — к таинственному, но непреложному «Слово плоть бысть». Таким путем Логос воплощается и в темень. Тайна эта явлена в каждом человеке и в каждом воплощенном духе. Бог вложил человеку вечность в сердце, — обитель духа нетленна, вечна через все воплощения. И познает она свет, ибо и сама является источником света. Тонкая боль (в сердце — Г.Я.) есть шевеление тонкой энергии, а светопосность есть один из первых признаков действия энергий этих. Когда нагнетается свет этот, когда делается видим и нашему глазу, — этот момент всегда остается жданно-нежданым. Завещано держать светильники зажженными, но момент вестника несказуем. Так несказуема и тонкая боль и завет, что радость есть особая мудрость», — писал Рерих. Хотя об этом прямо и не сказано, но ясно ведь, что в этом отрывке он описал свой жизненный опыт. Этот же опыт преображения доступен каждому, каждый из нас есть воплощенный Дух: «Потому исповедуйте, испытывайте, ибо не знаете, где лучший час Ваш и когда вспыхнет огонь над чашею накоплений. Качество мыслей будет вожатым, а ненасытная устремленность будет крылами света Софии. Ведь сиять, но не сгорать заповедано». Как Макрокосм в бесчисленных сериях своих существований накапливает красоту своего опыта, так и Микрокосм-человек накапливает энергии своего сознания. Фактически, эволюция человека — это расширение его сознания. Расширение способности этого сознания все лучше и лучше воспринимать суть бытия — красоту.

На данном этапе эволюции человечество должно приступить к познанию красоты Высших Миров. Вот почему сейчас такую небывало важную роль начинает играть искусство. Искусство влияет на сознание людей очень органично, это наиболее концентрированный и всесторонний метод воздействия на энергетику человека и передачи ему необходимой информации. Сила убедительности искусства основана не на силе анализа, или логики, а на способности воздействовать на самую суть человека, вызывать отклик его духа, вспышку искры Света, заключенного в

нем, пробудить в нем ту наследственную эволюционную силу, которой является поиск Прекрасного.

«Сейчас надо мыслить об искусстве. Надо ощутить и утвердить высший проводник Духа Утешителя», — писал Рерих. «Новый мир идет». Он обращался к современникам: «И вам, молодежи, предстоит одна из наиболее сказочных работ — возвысить основы культуры духа, заменить механистическую цивилизацию — культурой духа, творить и создавать. Конечно, вы присутствуете при мировом процессе разрушения механистической цивилизации и при созидании основания культуры духа. Среди народных движений первое место займет переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание. Отсюда ясно, что в поколениях народа первое место займет искусство и наука. Кроме того, эти два двигателя являются тем совершенным международным языком, в котором так нуждается мятущееся человечество. Творчество — это чистая молитва духа. Искусство — сердце народа. Знание — мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество. Новые правительства напишут на знаменах своих: молитва труда, искусство и знание, и поймут, что вносящий истинную государственность не может ни на минуту забыть о подвиге жизни». Молодыми людьми он считал молодых духом, независимо от натуры. Тех, кто способен осознать всю значимость переживаемого нами времени.

Современный этап эволюции характеризуется началом изменения всех условий жизни на земле. Эти изменения вызваны сдвигом грубой части спектра энергий нашего мира, препятствующей постепенному сближению условий жизни на земле с условиями Высших Миров. Происходит новое энергетическое наполнение всей жизни. Вот эта космическая причина обусловила все поражающие особенности нашего века.

Из-за низкого общего уровня сознания людей эти новые энергии не усваиваются ими, не прилагаются к новому строительству, а только теряются, поглощаемые стихийными силами, усиливая их разрушительность. А та малость, что людьми усваивается, направляется не на поиски новой гармонии с Природой и друг другом, а на новый передел и захват материальных ресурсов. Пассионарный призыв Ницше к переоценке всех жизненных ценностей, прозвучавший в конце XIX в., услышан не был. Так Новое Вино было налито в Старые Мехи.

В результате мы получили экологическую катастрофу. Старые формы жизни не способны направить новые энергии, то, что мы зовем «прогрессом», служит интенсификации человеческого обихода, подчиняя Природу обслуживанию этого обихода.

Человечество погрязло в роскоши расточения жизненных энергий и ресурсов. Лучшая его часть попала в плен технократических иллюзий. Но пароль Нового Мира — «Красота!» — уже произнесен.

Мы уже говорили о том, что в переломные моменты истории, когда человечеству нужно дать новый энергетический импульс для перехода к следующему этапу, появляются героические личности, приносящие энергии, необходимые для нового толчка. Чем важнее задача, тем выше энергия героя, тем ближе она к самой сущности Бытия. Приход такого героя неизбежен, через него действует само Бытие. Одним из главных героев мистерии XX века является Николай Рерих.

«Он был послан, чтобы свидетельствовать о Свете». «Свидетельствовать о Свете», или стремиться изобразить свет — это первейшая задача художника, как ее определил Леонардо да Винчи. И Николай Рерих блистательно справился с этой задачей. Почтить ученика можно, воздав должное его учителю. Вспомним добрым словом учителя Николая Рериха Архипа Ивановича Куинджи. Его холсты тоже светились красками. Ходили слухи, что за холстами укреплены электрические лампы и многие заглядывали за них, пытаясь разоблачить фокус. Но причиной свечения красок была не электрическая энергия, а энергия высокодуховной сущности творца этих полотен.

Мощное воздействие оказывают на зрителя картины Николая Рериха. Куда-то уходит «ненавистная рознь мира сего», и в душу приходит мир, приходят забытые слова древнего гимна: «Свете Тихий. Свете Ясный. Свете Прекрасный!» Святослав Рерих, сам прекрасный мастер, говорил: «Невыразимая аура славы, излучаемая великими произведениями, — это эманация скрытых вибраций, которые закреплены в структуре великих произведений искусства. Волшебство чувств, мыслей и сильных желаний великих мастеров пленены в произведении, изливаются на зрителя и пробуждают в нас сходные ответные чувства помимо чисто энергетического и духовного понимания того, о чем говорится. Мы открываем более совершенные сочетания и называем их прекрасными. Мы ценим более совершенное равновесие и гармонию, так как мы отзываемся на естественный эволюционный поток, выявляющий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы. Эти великие произведения являются кладовыми громадных энергий, которые могут активизировать и изменить миллионы зрителей и повлиять на бесчисленные поколения через весть красоты, излучающуюся из них. Такова необыкновенная власть искусства, скрытая сила, всегда присутствующая в великом произведении».

Ярослав Мудрый писал: «Книги — это реки, наполняющие Вселенную Благодатью». Не только книги, но и произведения всех искусств являются теми руслами, через которые человек, прикоснувшийся к ним, получает Благодать — так раньше называли тончайшие энергии Высших Миров.

Картины Рериха — это окна Духа, через которые в души людей вливаются неудержимые потоки Света незримого, того Света, который образовал все миры, того Света, который скрыт в каждой человеческой душе, того Света, который принес нам великий художник, великий герой, наш великий соотечественник. Стоя у этих картин, не знаешь, чему поражаться: чудесным творениям, или их чудесному творцу, в котором Природа явила нам Образ человеческого совершенства.

Николай Рерих — это предтеча Нового Мира. Мира новых сочетаний энергий, новой гармонии людей и Природы, нового соотношения материи и Духа. Прежде для того, чтобы убедить людей в реальности Незримого, подвижники творили так называемые «чудеса» — с помощью тонких энергий производили необъяснимые феномены. Николай Рерих тоже сотворил великое чудо. Среди безумия самоуничтожения, охватившего людей в XX веке, возник необъяснимый феномен Великого Творца, свободно и мощно заложившего основы будущей культуры, на которых будет построена новая, лучшая жизнь.

Рерих учит: «В будущем — благо. В будущем — магнит. В будущем — реальность. Любите прошлое, когда оно вынырнет из нажитых глубин, но живите будущим...»

«И это пройдет», — повторяет человек слово восточной мудрости, когда вступает в новые теснины. Именно, пройдет по закону эволюции. Мыслим о будущем не законами, но очарованиями будущих совершенствований. Твердыня Союза Народов, еще не сложенная на земле, уже сияет в будущем. Не углубим подробности, ибо мысль о будущем должна быть прекрасна и не вместится в экономику сегодняшних будней».

Великая идея Мировой Общины ушла до срока с поверхности нашей жизни в глубины «безмолвствующего народа». Очищенная и возвышенная страдающим сердцем народным, она просияет в положенный эволюционный срок светлым будущим всего человечества.

Николай Рерих ушел из жизни 50 лет назад, 13 декабря 1947 года. Ушел вдали от Родины, в Индии, на родине величайших Гигантов Духа. Индия особенно чуяла связь его творчества с собственным великим наследством, духовный аспект его творчества неизгладимо запечатлелся в сознании лучших деятелей и мыслителей этой страны. Индия признала его своим неотъемлемым Гуру. Николай Рерих принес свое творчество

всему человечеству, но он был страстным патриотом, горячо любившим свою первородину. Душа его рвалась домой, но обстоятельства помешали ему вернуться. Сейчас он возвращается. Возвращается своими картинами, своими книгами, своими идеями. Возвращается к омуту одичания, в сумятицу борьбы за существование, именно туда, где он особенно нужен.

Темные силы нашей жизни по-своему отметили это возвращение. И прямыми нападениями и в очень хитросплетенных интригах. Они пытаются воспрепятствовать нарастающему рериховскому влиянию. Очень характерно для нашего времени: сам бывший министр культуры Российской Федерации Сидоров предлагал огромные усилия, чтобы разрушить, разорить Международный Центр Рерихов, созданный в 1989 году в Москве по инициативе Святослава Рериха, сына художника, который передал в дар МЦР уникальную коллекцию произведений искусства, в том числе картины самого Николая Константиновича, а также архив, библиотеку, личные вещи семьи Рерихов.

Министр Культуры против Знамени Культуры! Но государство, этот аппарат насилия, это «чудище обло, озорно, огромно, стозебно и лаяй», не смогло справиться с маленькой общественной организацией. И министр культуры Сидоров был смещен.

Не обошли своим вниманием Рериха и архиереи Русской Православной Церкви, они на своем соборе в 1994 году «отлучили от церкви» всю семью Рерихов и Е.П.Блаватскую (по-смертно), и всех тех, кто изучает их труды (прижизненно). В чем причина такого скандального акта? Как-то раз легендарный доктор Гааз пришел к митрополиту Московскому Филарету с очередной просьбой: способствовать освобождению невинно осужденного человека. Филарет был крут, он вспылил: «Вы надоели своими просьбами, доктор! Раз он осужден, значит виновен!» На что Гааз вскричал: «Владыка! Вы забыли о Христе!» Филарет помолчал, опомнился и тихо ответил: «Это Христос забыл обо мне!» Христос забыл об иерархах РПЦ, и они, предоставленные собственной участи, медленно инволюционируют, уцепившись мертвой хваткой за внешние атрибуты церковности. Вот как писал об этом выдающийся русский историк В.О.Ключевский: «Христос дал истину жизни, но не дал форм, предоставив это злобе дня. Вселенские соборы и установили эти формы для своего времени, цепляясь за его злободневные условия. Они были правы для своего времени; но не право то позднее узколюбие, которое эти временные формы признало вечными нормами, признав учение Христа только случайным началом церковного строительства».

Ни Рерихи, ни Е.П.Блаватская не выступали против Православия, а в наши апокалиптические времена, когда культура

атакуется со всех сторон, все люди доброй воли, казалось бы, должны объединить свои усилия, как Христос учил: «Кто не против вас, тот за вас». (Мк.9.40.) Но иерархи РПЦ предпочли принцип сатанинский: «Кто не с нами, тот против нас!»

В той действующей модели Храма Христа Спасителя в натуральную величину, которую начальство построило на деньги, не поместившиеся в коробку «из-под ксерокса», витает дух безакцизного спиртного и табака, а также нефтяной дух. Дух же Христа присутствует едва ли, Христос ведь не терпел торговцев в храме!

Конечно, в основе Православия заложено зерно Истины, но эта основа не в догмах и ритуалах, а в сердцах простых верующих, простых людей, любовно и бережно хранящих прекрасный Лик Христа.

Активно действуют враги культуры, прикрываясь именем Рериха. Много развилось разных «психопатов и кликуш», пытающихся превратить идеи, воодушевлявшие Рериха, в новую религию. Эти попытки бесплодны и неосновательны. Время слепой веры прошло, церковь, как антиэволюционный рассадник предрассудков, отомрет «во благовремении». Отвратно и оскорбительно видеть бескультурное копошение этих личностей, пытающихся реализовать в «престижной» сейчас области публичной деятельности. Но что с ними поделаешь? Всякая мошкарка летит на свет, таков закон природы. Завидев этих людей, будем обходить их стороной.

Естественным духовным и единственным юридическим наследником Рерихов является МЦР. Конечно, никто не хочет запретить свободное изучение творчества Рерихов и высказывание идей, этим творчеством навеянных. Не сохранять при этом определенный уровень культуры обязывает сам предмет изучения. Именно такой высокий уровень культуры вызывает разнообразная деятельность МЦР. На него и желательно равняться.

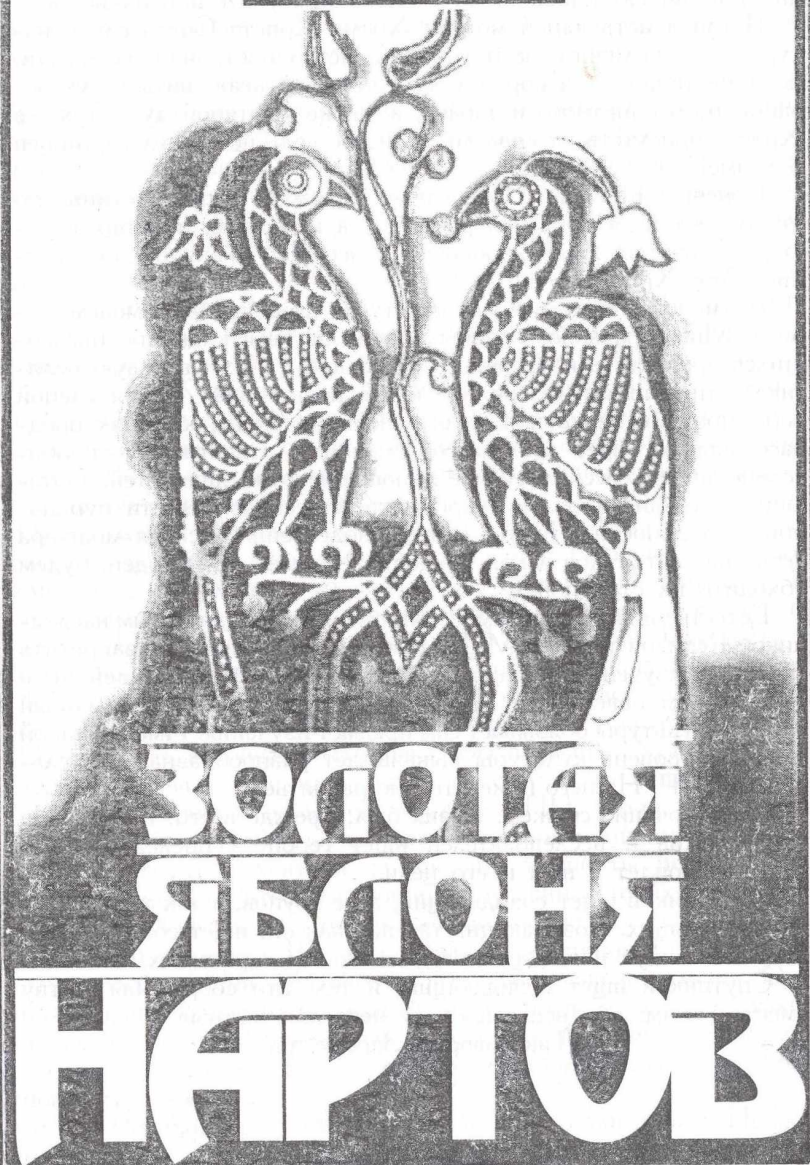
В заключение скажем: Рерих был, прежде всего, героем. Не поклонников и исследователей ищет герой, а последователей, тех, кто пойдет с ним к его цели.

«Спутников ищет созидающий, а не трупов, а так же не стад и не верующих. Созидающих так же, как он, ищет созидающий, тех, кто пишут новые ценности на новых скрижалях».

Спутников ищет созидающий, и тех, кто собрал бы жатву вместе с ним: ибо все созрело у него для жатвы».

Так говорил Заратустра.

Валерий
ЦАГАРАЕВ

Этой публикацией мы заканчиваем наше продолжительное путешествие длиной в две с половиной тысячи лет, проходившее в культурном пространстве скифов, сармат, алан. Применяя сравнительный анализ мифологической структуры осетинского обрядового текста бæхфæлдисын (иногда еще цитируемого в современной погребальной обрядности) с символично-знаковой структурой некоторых североиранских изобразительных памятников, мы выявили их глубокое идеологическое родство, при этом изобразительные тексты, такие, как роспись сарматской гробницы Анфестерия (II в. н. э.), явились точной пространственно-образной иллюстрацией осетинского обрядового текста, многое нам в нем объяснив.

Последним из рассматриваемых нами североиранских изобразительных памятников была Кяфарская гробница аланского царя, покрытая с внешней стороны великолепными рельефами, сюжеты которых также воскрешали в себе древний обрядовый текст путешествия души в загробную обитель, к Богине-матери. И хотя в ходе структурного анализа мы выявили и объяснили образ Богини в сюжетах аланского рельефа, в то же время вынуждены признать, что в ее изображениях уже отсутствуют женские половые признаки. Что повлияло на это — приход ли мужских христианских образов или естественное ослабление культа Богини-матери и связанной с ним женской символики? Теперь трудно будет найти ответ. Менялся мир вокруг аланской этнокультуры, влияя на нее и подвигая к переменам.

Историки и археологи, исследовавшие административный и духовный центр средневековой Алании — Кяфарское и Нижне-Архызское городища, пришли к выводу, что к XIII — XIV векам городища пустуют. А последнее упоминание об Аланской православной епархии в Нижнем Архызе датируется 1366 годом (71, с. 248). Драматические события истории тех лет многое могут объяснить, но оставляют открытым вопрос о процессах, происходивших в аланской этнической культуре, сохранении институтов христианской религии, трансформации в ней древнеиранских духовных конструкций.

Помимо Кяфарской гробницы на территории Северного Кавказа хорошо сохранились еще несколько аланских погребальных памятников, сравнимых по семантике своего декора с изображениями на гробнице аланского царя. Это каменные кресты у селения Эпхотово и возле речки Камбилеевка в Северной Осетии, а также каменное изваяние на речке Этоко в Кабардино-Балкарии, так называемый Дука-бек. Все эти указанные па-

Окончание. Начало см. в №№ 1-4 '97, 1-3 '98.

мятники в конце XIX века были перевезены в Московский государственный исторический музей, где и хранятся поныне.

Географически кресты и изваяния относятся к землям Восточной Алании, локализуясь в бассейне реки Терек, а вместе с Кяфарской гробницей создают равномерный разброс, охватывая всю территорию исторической Алании от верхнего Прикубанья до долины Терека, что, как пишет исследователь этих памятников Н. А. Охонько, лишний раз подтверждает неслучайность описываемого явления и исключает его узколокальный характер.

Эльхотовский и Камбилеевский кресты почти идентичны, различаясь лишь мелкими деталями. Первый лучше сохранился, а на втором более отчетливо дана надпись, сделанная, как и на всех указанных памятниках, по-гречески. На основании прочтения текстов первый исследователь этих памятников В. Ф. Миллер датирует их XVI веком.

Посвятительная надпись на Эльхотовском кресте гласит: «...до второго пришествия... Господа нашего... Христа покоится раб божий Георгий». На Камбилеевском кресте мы читаем: «Помяни, Господи, душу раба своего Георгия Толаттемира в час суда во втором пришествии твоём». Имеющаяся на кресте другая надпись остается загадкой (68, с. 6-8). Камбилеевский крест хорошо датируется по надписи 1581 годом.

Мы уже неоднократно отмечали, что в глубине Алагирского ущелья Северной Осетии, в селении Нузал, находится усыпальница предположительно одного из последних алано-осетинских правителей — Ос-Багатара, датируемая исследователями XIV веком. Роспись внутри усыпальницы и надписи на грузинском языке выполнил монах Бола Тлиаг, как считается, осетинского происхождения.

Сравнение вышеприведенных исторических памятников наводит на мысль, что примерно до XV века, как в горах, так и на равнинном предгорье, у алано-осетин продолжает существовать письменная христианская культура, но в отличие от горной Осетии, находящейся в сфере влияния грузинской церкви, аланское население предгорий Кавказа, даже после погромов татаро-монгол и Тимура, по-видимому, все еще сохраняет последние миссионерские связи с Византией, а возможно, и само поддерживает письменное христианское знание на греческом языке. Это сравнение позволяет нам представить те сложные культурные процессы, происходившие у народа, лишенного как административного, так и духовного центра, но сохранившего в себе в трансформированной форме и христианское культовое знание, и древние духовные верования. Подобное религиозное переплетение проявляется в одном из вариантов знаменитой Нузальской надписи, где от лица Багатара говорится о двух формах верований

в алано-осетинской среде: «...трое же из наших братьев — Исаак, Романоз и Басили — стали верными рабами Христа...» О себе же Багатар говорит так: «...я, ...Веруя в загробную жизнь, в сем мире прочно стою...» (72, с. 79).

На первый взгляд поверхностное замечание, но нам представляется, что последняя цитата из надписи более говорит о древней вере в Страну нартов, загробную обитель предков. По христианским канонам, Багатар мог быть уверен в своем загроб-

Рис. 1. Эльхотовский крест

ном существовании только после Страшного суда, а вот последовательное исполнение древних законов Аминон-Амонга давало ему прочную уверенность в благополучной загробной жизни. Конечно, это только наши предположения, но именно их подтверждают рельефные изображения на четырех сторонах Эльхотовского креста. Внимательно присмотримся к их достаточно условному, почти пиктографическому изобразительному тексту, последовательно проявляя его мифологическую структуру. (рис.1)

Итак, на лицевой (предположительно восточной) стороне креста, в средней ее части, находится посвятельная надпись, над которой, в пространстве крестовины, выбита четырехсторонняя, крестообразная розетка, как бесконечная лента Мебиуса, воспроизводящая архаический солярный символ, часто употребляемый в осетинском традиционном орнаменте. Внизу посвятельной надписи мы встречаемся, как и на восточной стороне Кяфарской гробницы, с тремя крестами – символами трех зон мироздания (троицы). Под крестами изображено травоядное животное (предположительно лань), кормящее детеныша. В спину животного вонзилась оперенная стрела. Так аланский ваятель выразил широко распространенный еще со времен скифского звериного стиля символ смерти ради возрождения. Этот сюжет идентичен священной для древнеиранского мироздания идее циклического времени, представленного через терзание хищником (хаосом) травоядного (космоса), обычно фиксируемого в хтонической зоне мира. Символику преисподней древний художник подчеркивает изображением собаки – ее верного стража. По имеющемуся символическому ряду видно, что вне зависимости от христианского посвящения лицевая сторона Эльхотовского креста (как и Кяфарской гробницы) олицетворяет собой уже знакомую архаическую идею – модель древнего мироздания.

А теперь посмотрим на западную (тыльную) сторону креста, где изображены один над другим три всадника. Верхний из них представлен с поднятой в правой руке саблей. Его пространственное местоположение на западной стороне креста соотносится с местоположением солярного знака на восточной стороне, что как бы показывает его жизненную затемненность, но при этом выявляет потустороннюю просветленность. По сути, изображение верхнего всадника воспроизводит важнейшую фазу магического погребального обрядового из текста бәхфәлдисын, объясняющего душе умершего, что «...оседлав чудного коня золотым седлом, ты быстро сядь на него и пускайся в путь. Лишь только вденешь ногу в стремя, мгновенно трижды будешь поднят на небо и опущен на землю. Такое чудное движение нужно для перерождения тебя из земного существа в небесное, светлое...» (41, с. 5). Только после этого трансцендентального просветления Всаднику можно отправиться в Царство мертвых. Но удержаться в сфере сакрального света под силу душе, верной законам древнего мироздания, в котором космическая духовная гармония указывает Путь в странствованиях к блаженной обители.

Удивительно, но композиционное решение изображения на западной стороне Эльхотовского креста не оригинальная находка аланского мастера, а воспринятая им из прошлого каноничес-

кая схема эзотерической сублимации души. Точно такую же композицию мы уже рассматривали только на сарматской (боспорской) погребальной стеле II – III веков н. э. (рис. 2) В обеих композициях, разделенных тысячелетием, точно повторены две нижние фазы движения Всадника вверх, с подношением ему в каждой из них магической чаши. Различие в упомянутых композициях заложено только в третьей (высшей) фазе, но обе они соответствуют древнему тексту обряда, по сути, дополняя друг друга.

Подобная стойкость изобразительного канона, не поддающегося ни ветрам времени, ни сменам религиозных ориентаций, завораживает и подвигает к более смелой интерпретации памятников постаналского периода. Для Эльхотовского креста начало древнего текста погребального обряда раскрывается у основания его западной стены. Здесь мы видим все атрибуты поминального обряда: посвятеля с наполненным из пивного котла кубком, а также группу людей за его спиной с жертвенным животным. Все это обрядово утверждает, что души в Царстве мертвых сыты только поминальными жертвоприношениями родственников подобное изображение поминальной пищи встретится нам и на осетинских цыртах XX века.

Западная сторона Эльхотовского креста воспроизвела нам основу текста бәхфәлдисын – от посвящения, наставления душе на ее последней дороге, до последующего вознесения в блаженную обитель. Но возникает вопрос: где же тогда Богиня-мать (Аминон), встреча с которой – необходимый атрибут всех изображений загробного путешествия в культуре северных иранцев? Оказывается, ее образ рядом, только на боковой (северной) стороне креста.

Ориентация на север воспроизводила у древних иранцев правое, положительное значение, в отличие от южного, левого, отрицательного. Священные горы индоиранской традиции – Хара Березайти и Меру, сопоставимые с Рипейскими и Гиперборейс-

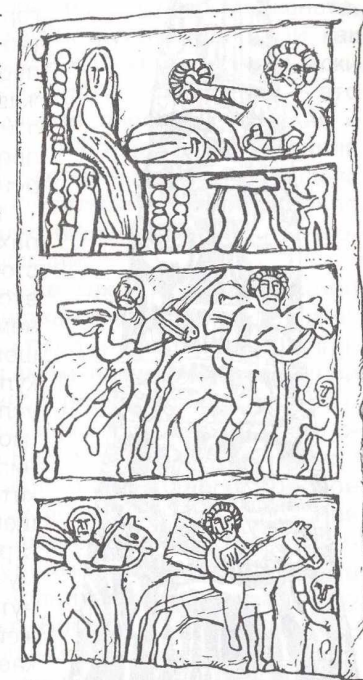

Рис. 2. Стела с трехъярусным рельефом. Боспор. II-III в. н.э.

Рис. 3. Скифская золотая пластинка из кургана Карагодеуашх. IV – III вв. до н.э.

кими горами скифской мифологии, находились на севере, протянувшись по северной окраине мира. Святые горы достигают небес, вокруг них вращаются светила, на них обитают боги, с этих гор берут начало великие земные реки (46, с. 204, 206). Реки текли на юг, предполагая отделение среднего мира живых от мира мертвых. Само течение этих рек приводило душу умершего в преисподнюю, соотнося юг с потусторонним миром.

Как и на Священных северных горах индоиранцев, так и на северной стороне Эльхотовского креста помещается пантеон древних богов. Перед нами предстает изображение семи священных персонажей алано-осетинской культовой обрядности. К сожалению, условность, с которой выполнено их изображение, не позволяет нам персонализировать каждое божество, но некоторые из них, со своей особой священной атрибутикой, могут нами реконструироваться по позднему осетинскому фольклору. Главное же, если взглянуть на изобразительный ряд персонажей северной стороны креста, возникает ощущение, что где-то эту структуру мы уже видели. Так и есть. Точно такой же, вертикально изображенный, пантеон богов был представлен на скифском украшении женского жреческого головного убора из кургана Карагодеуашх, IV – III вв. до н.э. (рис.3)

Рассматривая его в предыдущих главах, мы пришли к выводу, что перед нами иконостас семи скифских богов. Вот как их описывает Геродот: «Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса... На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) – Папай, Гея – Апи, Аполлон – Гойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса» (12, IV, 59)...

Этот семибожный общеарийский пантеон был отмечен В. И. Абаевым и у средневековых алан, и у современных осетин. Если внимательно взглянуть на северную сторону Эльхотовского креста (не забудем, что это XVI век), то нетрудно заметить все то же иерархическое расположение древних богов. Вверху, отдельно от остальных, на выступе горизонтальной стороны креста, изображен священный персонаж, реконструируемый нами как Великая богиня-мать (Аминон). Древний художник символически точно описал священное местоположение Богини-матери – это горизонталь и статичное прямоугольное пространство. Как и подобное изображение на Кяфарской гробнице, Богиня лишена головного убора, что по-своему определяет в ней божественную хозяйку. Любопытно, что на Камбилеевском кресте подобная фигурка Богини помещена в овальную нишу, вероятно, подчеркивая ее священные подземные функции.

Под Богиней располагаются, так же как и в геродотовской версии скифского пантеона, две божественные супружеские пары. Под ними находится скорее всего Уастырджи (св. Георгий), аланский образ скифского Ареса, а в самом низу этой священной пирамиды, у висящего на надочажной цепи котла, божественный Сафа, отмеченный осетинским фольклором патрон очажного комплекса и надочажной цепи. Напомним, что надочажная цепь, почитаемая домашняя святыня, олицетворяла родовое Древо жизни. Поэтому образ Сафа намного сложнее его поздней обрядовой интерпретации и, скорее всего, восходит к древнейшему североиранскому (арийскому) божеству грозового неба древнему Богу огня, первокузнцу, хранителю патриархального рода, а значит, воспроизводит образ Бога-отца, оплодотворявшего огнем (молнией и дождем) Богиню-мать. В нарттовском эпосе осетин небожители подносят свои дары эпическому герою Сослану в доме Сафы Золотого, что только подтверждает его первенство в божественном пантеоне. С XVI века, а возможно, и чуть раньше, функция Сафа делается скромнее, теряя свою архаическую силу.

Но если потревожить богов и попытаться изменить полюсы их иерархии с верха на низ, то в рельефе креста мы увидим изображение, аналогичное их божественному расположению на золотой пластинке из Карагодеуашиха, хотя между ними и пролегли две тысячи лет. Что же заставило аланского ваятеля XVI века изобразить Богиню-мать в зоне божественного верха, на уровне солярного знака? По всей видимости, виной этой иерархической смены послужила структура сюжета древнего обрядового текста *баэхфæлдисын*. Всадник должен встретиться с Аминон, ответить на ее вопросы и получить место в Стране предков. Конечно, мы знаем, что страна эта находится в преисподней, но

в то же время она олицетворяет собой блаженную обитель, место истинной жизни – рай, и поэтому изобразить ее на погребальном памятнике могли только вверху, как сакрально более высокую зону, чем земной, средний мир.

Богиня и Всадник (его третья ипостась) находятся в священном центре мира, в перекрестье мира, там, где пребывает его смысл (Судьба-Аминон). Именно в этом перекрестье древнее мистическое знание отобразило формулу мироздания, смысл его циклического энергоснабжения, полярность его священных зон. Все образы перекрестья находятся в зависимости от этой сакральной идеологии.

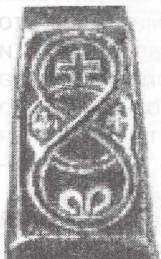

Рис. 4. Фрагмент Эльзотовского креста.

Солярный знак – восток, зона жизни. По отношению к нему (Богу-отцу) Богиня находится слева, как нижняя, женская зона мира. Всадник – это запад, зона смерти. Богиня является хозяйкой этой нижней зоны, вершителем судьбы, судьей прожитого. Поэтому она справа от Всадника, как более священный по отношению к нему персонаж рельефа. Но одну плоскость горизонтальной перекладины креста мы еще не рассматривали с вами, а именно на ней находится тайный смысл всего происходящего. Это любопытная пиктограмма, расположенная с левой (южной) стороны креста, т.е. как раз напротив изображения Богини-матери. (рис.4)

Пиктограмма представляет собой три овальные сферы, как бы сдвинутые по отношению друг к другу. Причем верхняя и нижняя сферы соединены между собой, образуя своеобразную «восьмерку» с ясно выраженным центром. Средняя сфера находится как бы за «восьмеркой», но именно из нее выходят три креста. Верхний (внешний) крест создает центр (смысловый знак) верхней сферы «восьмерки», два оставшихся горизонтальных (внутренних) креста направлены друг к другу. Нижняя сфера «восьмерки» обозначается двумя лепестками растениевидной розетки.

Скрытый смысл этой загадочной, на первый взгляд, пиктограммы (или, вернее, идеограммы) полностью аналогичен обрядовой семантике трех осетинских пирогов *уæлибæхтæ*. По сведению информаторов, количество пирогов связано с тремя важнейшими категориями жизни: *Хуыцау* (Бог), *хур* (солнце) и *зæхх* (земля). Перед произнесением застольной молитвы два верхних пирога сдвигаются по отношению друг к другу, как бы приоткрывая молитве все зоны мира. В. С. Уарзиати отметил по этому поводу: «Повторяя многовековой ритуал, современные осетины не осознают, что особым действием разграничивают функции «Бога» (*Хуыцау*) и «солнца» (*хур*), составляющих одну космологическую сферу».

В случае траурной трапезы пироги подаются четным числом, причем основным является число «два». Считается, что отсутствует средний пирог, символизирующий «солнце», а символы «земли» и «Бога» остаются неизменными. Как мы видим, эту же идею воспроизводит и наша пиктограмма, на которой средняя сфера жизни ушла за «восьмерку», потеряв свою цельную трехкрестовую суть, олицетворяя собой траурное двухкрестие.

Всадник-солнце покидает среднюю зону мира, оставляя неизменными зону верха – Бога и низа – Земли. В осетинской народной поэзии, связанной с похоронно-поминальной обрядностью, часто можно встретить оборот «*мæ хур бахуыссид; мæ хур аныгъуылд / погасло мое солнце; закатилось мое солнце*».

Тело архаического человека воспроизводило символику мироздания. Смерть тела – уход из него души, ее путешествие в загробную обитель – предполагала уход из него света, его вечный мрак – «*Йæ дуне йыл баталынг / Покрылся мраком его мир*» (73, с. 185).

Изобразительная конструкция Эльзотовского креста ясно воспроизводит эту же обрядовую идею – закат Всадника-солнца. Ведь, по сути, Всадник олицетворяет собой закатную фазу солярного знака восточной стороны креста. Этот обрядовый мотив имеет глубинные мифологические корни. Его изображение можно обнаружить не только на полуподземном склепе из осетинского селения Галиат (рис. 5), датируемом VI – XII веками (74, с. 127), но и на погребальных стелах XX века. Такое же почти пиктографическое по исполнению, изображение приведенного сюжета мы находим на погребальной стеле из селения Цмити, посвященной красноармейцу Елбыздыко Басеву, погибшему в 1942 году на крымском фронте (рис.6)

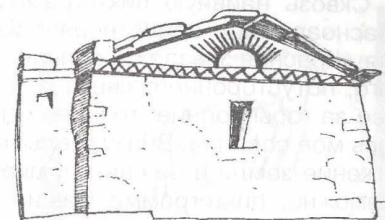

Рис. 5. Склеп из селения Галиат.

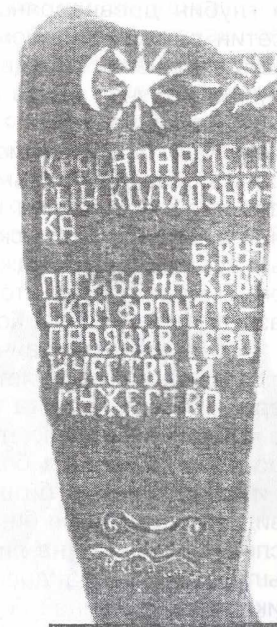

Рис. 6. Надгробная плита из с.Цмити.

Сквозь наивную пиктограмму проступает знакомый сюжет. Красноармейца олицетворяет изображенная в центре лучезарная «Красная звезда» – солнце. Слева от нее луна, символ ночного, потустороннего света (Богини-матери?), справа – заходящее за горы солнце, точное воспроизведение текста – «Закатилось мое солнце». Внизу стелы, под надписью архаическое изображение земли в ее связи с мирозданием (Мировым деревом) и, возможно, пиктограмма Чаши – энергии мироздания, Амонга-Аминон. Символика древнейшей погребальной обрядности прорастала сквозь новые идеологические символы, используя их в своих сюжетах. Этот же процесс трансформации и ассимиляции происходит и в изобразительном пространстве христианского Эльхотовского креста. Как мы уже отмечали, покинутая Всадником средняя сфера мира на пиктограмме южной стороны обозначена траурным двухкрестием, но и на одежде Богини изображены те же два горизонтальных креста, которые номинируют ее связь с траурной обрядностью, с преисподней, с образом Аминон. Вспомним, что и на рельефе Кяфарской гробницы Священный персонаж (Богиня-мать) обозначал двуперстием жизненное пространство души Воина, т.е. символика цифры «два», выйдя из глубин древнеиранской культуры, дошла до современных осетин в том же самом смысле – после смерти человека его душа пребывает меж двух миров – Неба и Земли, перерождаясь в них и получая место в Царстве мертвых.

Объясненная нами таинственная пиктограмма, по сути, воспроизводит древнюю модель мироздания пребывающего в вечной борьбе света и тьмы, жизни и смерти. Мировоззренческая идея этой вселенской битвы отображена под пиктограммой в виде змееборческого сюжета. Светлый, солнечный, божественный всадник (Уастырджи, св. Георгий) убивает копьём трехглавого змея – символ хтонических сил мироздания, стремящихся разрушить гармонию Космоса.

Посвященный в таинство законов мироздания, древний ваятель противопоставляет божественный пантеон (Космос) на северной стороне креста хтоническим силам преисподней (Хаосу) на южной его стороне, по сути, воспроизводя христианскую идею противопоставления божественного и сатанинского. При желании в космической битве Святого воина и дракона можно даже увидеть последнюю битву архангелов с воинством Сатаны, при условии, если бы на лицевой стороне Эльхотовского креста не была изображена древняя североиранская идея вселенской цикличности, вечной борьбы Космоса и Хаоса, жизни и смерти, борьбы, в которой не бывает ни победителя, ни побежденного (рис.7). Мы видим, что смерть предстает в образе стрелы, вонзившейся в тело лани, но она противопоставлена образу нарож-

дающей жизни, в виде сосущего материнское молоко детеныша. В этой древней идеограмме мира стрела может быть не только символом смерти, но и древнейшим символом осеменения, Бога-отца, фаллоса. Смерть зарождает жизнь во вселенском теле (лани), и эта древнеиранская формула жизни мироздания воспроизводит известную христианскую истину: «Христос воскрес из мертвых, Смертью смерть поправ, И сущим во гробех живот даровав!»

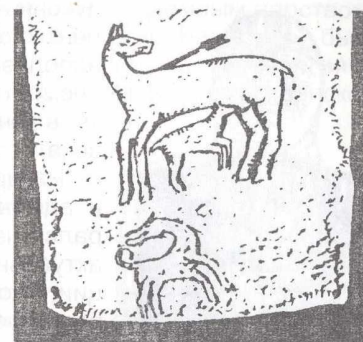

Рис. 7. Фрагмент Эльхотовского креста.

Последний изобразительный элемент, на который мы просим обратить ваше внимание, это солярный знак, расположенный на лицевой стороне креста, в его перекрестье (рис. 8). Ясный крестообразный знак вычерчен как непрерывная лента, обходящая четыре округлых, треугольных фигуры и создающая прямоугольник в центре. Имея символическую связь с расположенным на оборотной, западной, стороне креста изображением Всадника, крестообразный знак воспроизводит формулу Пути-Судьбы человека (Всадника), в левой части которой он зарождается, обретая смысл Бога в верхней, проживая достойную жизнь в правой и уходя вниз, чтобы заново родиться. Этот крестообразный духовный знак являет собой известную еще с индоарийских времен ритуально-мифологическую формулу мироздания – мандала, что связывается с другими архаическими символами вертикальной структуры мира – мировой осью, Мировым деревом, горой.

Мы видим, что во многих своих изобразительных формах Эльхотовский крест продолжает воспроизводить священные духовные тексты северных иранцев, совпадающие с сюжетами предыдущего изобразительного памятника – Кяфарской гробницы XI века, и многое объясняющие нам в композициях осетинских погребальных стел XX века.

Эльхотовский крест открывал для своих современников удивительную, философскую картину окружающего их мира, наполнял ее

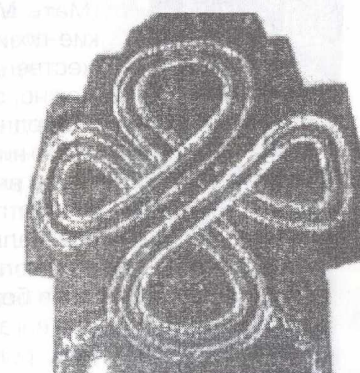

Рис. 8. Фрагмент Эльхотовского креста.

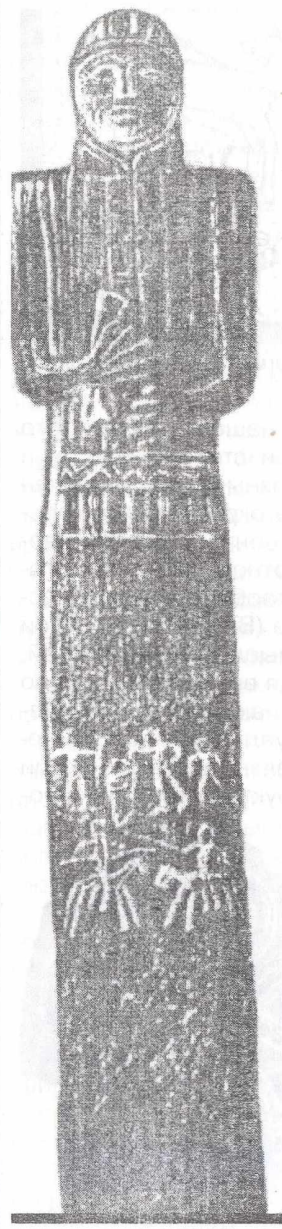

Рис. 9. Этокское изваяние.

духовным содержанием, учил законам все-ленского бытия. Эта древняя модель мира, наполненная полужыческим, полухристианским смыслом, вписывалась в свою эпоху, в канву алано-осетинской истории XVI века.

Раздробленный, лишенный духовности и административного центра, этнос опирался на неутратившие своей обрядовой актуальности древние духовные конструкции, в которых важнейшей оставалась мировоззренческая идея цикличности бытия, центральным элементом которого был образ Земли, Богини-матери. Уничтожение централизованной государственной власти лишало христианство, как крупнейшую идеологическую силу своего времени, опоры в общественной среде алан-осетин, возродивших в тяжких горных условиях раннесредневековые родо-племенные отношения. Установившийся баланс между символами и образами христианства и язычества (своеобразный синтоизм) устойчиво сохранился до начала XX века.

Сегодня трудно определить, когда произошла переориентировка ценностей древней духовной идеологии этноса, но с течением времени Богиня Мать-земля, христианизированная *Мады Майрæм* (Мать Мария) уступает свои иерархические позиции, занимая скромное место божественного патрона женщин и детей. Возможно, это произошло с потерей аланами свободного кочевого пространства, а вместе с ним и ощущения земли как неделимого, вечного материнского тела. Земля становится собственностью, экономической величиной, теряя свою архаическую, онтологическую сущность. На первое место в божественной иерархии алан-осетин выдвигается христианизированный военный бог, солнечный всадник-Уастырдж (св. Георгий).

Богиня-мать, хозяйка преисподней и ее энергетических запасов, уходит из текстов

погребальной обрядности. Нижним миром, подземным царством, безраздельно завладевает мужское божество Барастыр, бывшее когда-то только хозяином рая. Аминон, как идеология и духовный смысл жизненного пути мужчины в древнеиранской культуре, остается маленьким безликим островком в погребальном обряде бæхфæлдисын, но и здесь Великая богиня судьбы уже обозначается мужской номинацией.

На этой стадии нашего исследования мы можем констатировать, что к XVI веку образ Богини-матери постепенно нивелируется, теряя чистоту присутствия в сюжете путешествия души Воина в загробный мир. Если на Эльхотовском и Камбилеевском крестах мы еще можем структурально выявить его наличие, то на Этокском изваянии, имеющем тот же обрядовый набор изображений космических зон в телемироздании, образ Богини-матери уже отсутствует как персонаж, но гипотетически присутствуя как знак. (рис. 9)

Впоследствии произойдет странный симбиоз изобразительных схем Этокского изваяния и Эльхотовского креста, что приведет к возникновению новой формы в осетинской погребальной конструкции – надгробной стелы – цырт. До XX века осетинская погребальная обрядность сохранит ритуал воздвижения этой стелы на могиле умершего.

Как и Этокское изваяние, осетинский цырт по своей обрядовой семантике восходит к скифским курганным фигурам, олицетворявшим собой мировую столб, ось (Золотая яблоня нартов) и в то же время являвшимся фаллическим символом, образом мужчины-прародителя, идеи силы продолжения рода. (рис. 10)

На прямоугольном, в рост человека, каменном цырте (ориентированном на четыре стороны) на лицевой плоскости выбивалась та же изобразительная

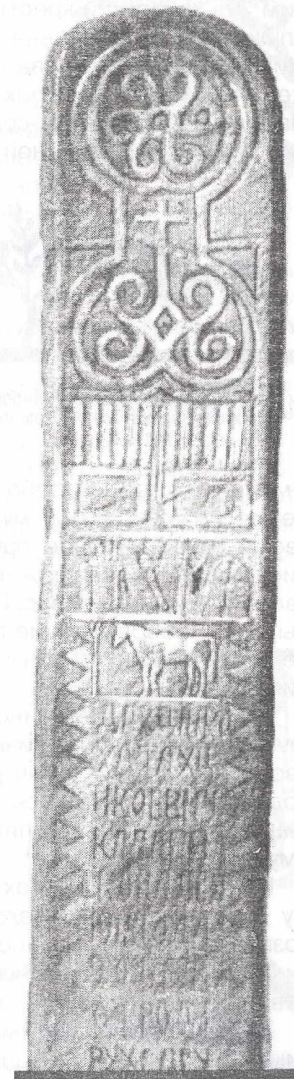

Рис. 10. Цырт из с. Цмити.

схема, которую мы видели на эльхотовском или этокском варианте, только более или менее условная. По сути, цырт ближе к Этокскому изваянию, так как пиктографически воспроизводит образ усопшего. Лик этого образа традиционный изобразительный канон заменил орнаментальным солярным кругом (вспомним Эльхотовский крест). Опорой этому лику-солнцу чаще всего служит орнаментальная композиция, представляющая образ Мирового древа, Древа жизни с фиксированными в нем изображениями (знаками) трех зон мира, священных птиц, драконов. Являясь опорой лика-солнца, Древо жизни вырастает из средней зоны изображенной на цырте условной фигуры человека.

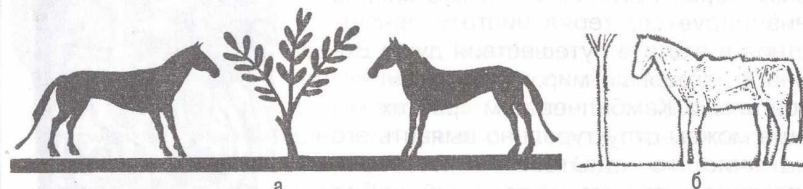

Рис. 11. Жертвенный конь у Мирового древа. а - сарматский склеп Анфестерия. II в. н.э. б - изображение на осетинском цырте из с. Цмити. 1918 г.

Именно в средней зоне цырты определялась половая принадлежность усопшего. В мужском цырте изображались газыри черески, огнестрельное оружие и, подобно скифским изваяниям, висающий на поясе кинжал. Образ женщины отмечали нагрудные застёжки платья и пояс. По всей вероятности, установка женских цырт — нововведение последних столетий, приведших к потере символического смысла стелы как знака мужского погребения.

Нижняя зона осетинских надгробных стел семантически и функционально аналогична Этокскому изваянию. Как и там, здесь изобразительный канон располагает посвятельную надпись, под которой находится изображение посвященной умершему пищи (хлеб, кувшин с питьем), а также предметы, необходимые ему в загробном мире.

На некоторых цыртах изображался и посвященный умершему конь из обряда *бæхфæлдисын*. Удивительно, но народное сознание через тысячелетия сохранило древний символ коновязи — Древо. На осетинских цыртах оно изображается как и в североиранской традиции с тремя ветками. (рис.11)

Как мы видим, осетинские надгробные стелы по своей семантике идентичны исследованным нами выше погребальным памятникам и воспроизводят аналогичную им древнюю трехфунк-

циональную структуру мироздания: верх — лик-солнце; середина — мир живых, Древо жизни; низ — Царство мертвых.

Остается последний вопрос: можем ли мы найти на осетинских цыртах символику Богини-матери? По всей видимости, да. Так как все эти надгробные стелы погружены в растениевидный орнамент — один из основных символов традиционного образа Матери-земли (рис. 12, 13). Семантика осетинского орнамента требует отдельного исследования, но уже сегодня можно сказать, что основу его составляет знаковый код древнеиранского мироздания, причем в его сарматизированном генекократическом восприятии. Аналогии осетинскому орнаменту нужно искать в среднеазиатском регионе, месте тысячелетнего культурного влияния сакской, сармато-массагетской этнокультуры. Основной орнаментальный символ, дошедший до нас из этого богатейшего культурного наследия, это образ Мирового древа, Древа жизни, как древнейшей модели мира, карты-путеводителя духовного поиска. Интересно, что в орнамент Древа жизни на цыртах осетин-христиан входит изображение православного креста, тем самым на цырте воспроизводится раннехристианская идиома, в которой Мировое древо (Древо жизни) олицетворяло Богоматерь, что в кон-

Рис. 12. Мировое древо. Осетинский орнамент, XIX в.

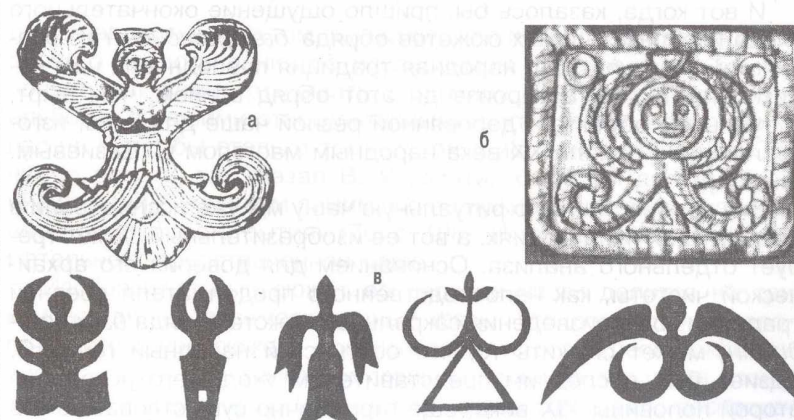

Рис. 13. Изображения Великой богини Матери-земли: а - скифское, IV в. до н.э.; б - сарматское, I в. н.э.; в - осетинское (орнамент), XIX-XX вв.

тексте нашего исследования можно воспроизвести как сюжет встречи души усопшего с Аминон.

В дополнение к символике орнамента как образа Мирового древа нужно отметить, что на некоторых погребальных стелах, в их нижней зоне, изображались парно утка или гусь – водоплавающие птицы, древние символы женского божества, известные медиаторы верха и низа в архаическом Космосе.

Лицевая сторона на осетинских цыртах подвергалась раскраске, при этом цвет носил символическую нагрузку и определял взаимоотношения изобразительной символики разных зон. Так, лик-солнце чаще окрашивался в красные, оранжевые цвета; растениевидный орнамент, Древо жизни в зелено-голубые; посвяtitельная надгробная надпись и предметные символы – в черные.

Убедительно воспроизводя модель древнего Космоса в условной фигуре усопшего, осетинский цырт, тем не менее, лишен полноты изобразительного текста из обряда *бæхфæлдисын*, той полноты, которую мы видели на сарматской росписи или аланских рельефах. Похоже на то, что к концу XIX века многие обрядовые каноны, ритуально воспроизводясь, уже не прочитывались сознанием традиционного осетина, картина мира которого к этому времени существенно изменилась. Как точно заметил К. Юнг: «Парадоксально, но факт: мы больше знаем о символике древних миров, чем любое жившее до нас поколение. Дело в том, что прежде люди не задумывались над окружающими их символами, поскольку они попросту являлись частью их жизни. Их вдохновляющее действие было неосознанным и потому незаметным» (75, с. 78).

И вот когда, казалось бы, пришло ощущение окончательного ухода изобразительных сюжетов обряда *бæхфæлдисын* из осетинской этнокультуры, народная традиция преподнесла нам великолепный дар, воспроизведя этот обряд в ином, чем цырт, ритуальном объекте – деревянной резной чаше для пива, изготовленной в начале XX века народным мастером С. Едзиевым. (рис.14)

Эту величественную ритуальную чашу мы уже исследовали в предыдущих публикациях, а вот ее изобразительный сюжет требует отдельного анализа. Основанием для доверия его архаической чистоты, как непосредственного продолжателя древней традиции воспроизведения сакрального текста обряда *бæхфæлдисын*, может служить то, что осетинский народный гений С. Едзиев был последним представителем уходящего поколения второй половины XIX века, еще гармонично существовавшего в мировоззренческом пространстве архаичной космогонии, соизмерявшего окружающую жизнь с ее священными законами. Эти же древние законы действуют и в изобразительной композиции

ритуальной чаши мастера. Следует еще добавить, что предыдущий структурный анализ изобразительного сюжета чаши был выполнен по имевшейся старой фотографии и только недавно мне посчастливилось увидеть саму чашу. Вывод, полученный из предыдущего исследования, несколько не изменился, но возможность увидеть чашу со всех сторон невероятно дополнила уже имевшийся фактический материал. Это добавление всего

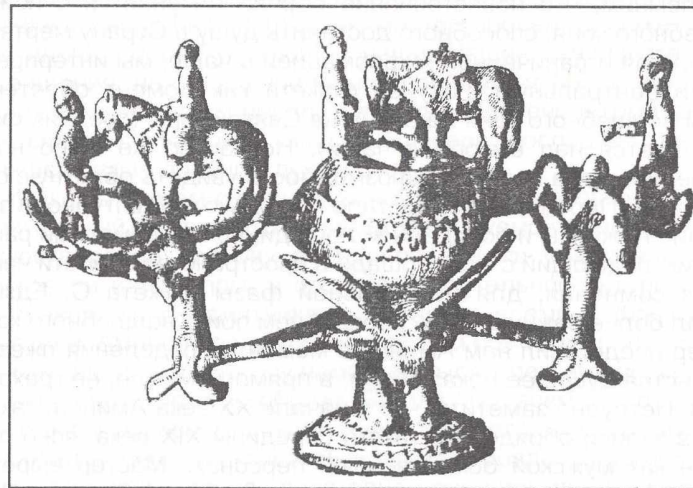

Рис. 14. Ритуальная деревянная чаша работы С.Едзиева. Начало XX в. Воспроизводится по фотографии из книги «Осетинский орнамент», 1960.

лишь напоминание о том, как важно для исследователя наличие полного представления об исследуемом объекте. Если бы мы поняли, как важно открывать себя миру, качественно издавать альбомы с нашими этнокультурными богатствами, возможно, у нас не было бы столько темных зон в истории и культуре. Это нужно делать, как сказал В. Уарзиати, «хотя бы для мировой цивилизации, если нам самим это не нужно и доставляет дополнительную тяжесть бытия» (76, с. 108). Итак, присмотримся внимательно к представленной чаше.

Изобразительный сюжет ее верхней части делится на три композиционно взаимосвязанные фазы, что полностью аналогично структуре сюжета росписи сарматского склепа Анфестерия (II в. н. э.), а также композиции рельефа западной стены Кыфарской гробницы (XI в.). Эти три фазы упрощенно воспроизводят практически весь текст обряда *бæхфæлдисын*.

В первой фазе сюжета мастер представил фигурку произносящего обрядовый текст посвяtitеля (*бæхфæлдисæг*) с чашей

в руке. Перед посвятителем лежит фигурка умершего, над которой и произносится древний обряд. Подобные наставления душе умершего в ее нелегком пути к блаженной обители (к фазе нового рождения) зафиксированы во многих традиционных культурах, в египетской и тибетской «Книге мертвых». Дальнейшая композиция сюжета верхней части чаши как бы воспроизводит собой текст посвятителя.

Вспомним, что повествование обряда начинается с поиска волшебного коня, способного доставить душу в Страну мертвых. Располагая ограниченной информацией о чаше, мы интерпретировали центральную фазу ее сюжета как момент обретения душой волшебного коня на вершине Святой горы (средняя фаза возвышается над емкостью чаши). Но каково же было наше удивление, когда появилась возможность увидеть обратную сторону чаши. Перед нами предстало не только скульптурное изображение мужчины и оседланной лошади, но и незаметный ранее всадник, падающий с этой лошади в пространство емкости чаши.

Без сомнения, для центральной фазы сюжета С. Едзиев выбрал более важную часть обряда, чем поиск волшебного коня. Мастер представил нам Аминон в момент определения лжесвидетельства души, ее наказания и, в прямом смысле, ее грехопадения. Нетрудно заметить, что в начале XX века Аминон, так же как и в записи обрядового текста середины XIX века, ясно обозначен как мужской божественный персонаж. Мастер вырезал Аминон как фигурку мужчины в традиционной одежде горца. Поза мужчины спокойна, что символически обозначает наличие в сюжете священного образа. Весь акцент в композиции перенесен на сцену наказания грешника. И здесь проявился не только композиционный талант скульптора, но и богатый духовный опыт С. Едзиева.

Пиво в ритуальной практике олицетворяло энергию мира — переплавляющую, изменяющую земную суть трапезника, позволяющую ему через ритуальную смерть (опьянение) ритуально возродиться, что, впрочем, и составляло основу духовной практики Аминон-Амонга. Но возникает вопрос: почему мастер вместо встречи божества с праведником показал нам сцену наказания грешника? По-видимому, С. Едзиев выбрал для изобразительной интерпретации обряда излюбленный мотив христианского нравоучения — грешник всегда будет гореть в аду, что, как идея, передавалось пьющему из чаши, настраивая его на исповедь — кто я? что будет со мной? То есть выбранный мастером изобразительный мотив наказания мог не только волновать своим напоминанием о возмездии, но напрямую создавал у трапезников представления о чаше как об указующей ипостаси правды

и лжи — Аминон, что полностью соответствует сакральной функции нартовской Амонга.

Но сюжет, воспроизведенный на чаше мастера, все же дает надежду на благоприятный исход жизненного пути и обретение Рая. В третьей фазе мы видим заключительную картину обряда *бæхфæлдисын*, где душа, получившая разрешение Аминон, перейдя Реку смерти, попадает в пределы блаженной страны предков. Ее встречает сам хозяин Рая — Барастыр, протягивая прибывшему чашу. Любопытно, как мастер провел по сюжету главную идею — образ указующей чаши. Чашей начинается обряд посвящения, над реальной чашей происходит божье наказание, чашей заканчивается обряд, и все это вплетено в композиционный смысл ритуальной чаши С. Едзиева, последнего мастера, знавшего язык древней духовности.

Итак, мы можем с полным основанием утверждать, что изобразительный сюжет верхней части исследуемой нами чаши «проиллюстрировал» основу обрядового текста *«бæхфæлдисын»*. Многое ли изменилось в этой изобразительной интерпретации по сравнению с памятниками прошлых времен? Как мы уже отметили, Аминон представлен мужским божеством, что, по сути, противоречит показанному нами двухтысячелетнему присутствию в священном сюжете образа Богини. Во всем же остальном параметры духовного текста точно соответствуют предыдущим изобразительным фиксациям древнего обряда. Смущает отсутствие Мирового древа, пространственно-временная константа которого есть необходимое условие претворения древнего обряда.

Читатель, знакомый с нашими предыдущими публикациями, непременно отметит — чаша и есть олицетворение священной структуры Мирового древа. Являясь ритуальной ипостасью нартовской Амонга, чаша С. Едзиева вбирает в себя и функциональные особенности Аминон, что по сравнению с предыдущими изобразительными памятниками более соответствует обрядовой конструкции *бæхфæлдисын*, опирающейся здесь на ритуальный функционализм чаши, динамику наполнения и опорожнения — жизни и смерти. Если изображенный на ней образ Аминон облачен в мужскую одежду, то древняя символическая структура чаши воскрешает духовную формулу Богини-матери. Еще в мифологическом памятнике ариев «Ригведе» чаша, предназначенная для возлияния, олицетворяла как Мировое древо, так и Богиню плодородия. Путь, который проходил в ритуальном пространстве священной чаши традиционный человек, соотносился у него с представлениями о предначертаниях Судьбы (Аминон), с судом над прожитым. Чаша, объединяя в себе материальный

и духовный мир, предлагала участнику ритуала встречу с «верхом» (Богом-отцом) и «низом» (Богиней-матерью), соединяя тексты человеческого мира и мира Божьего, являясь медиатором в этом разговоре, погружая участника ритуала в энергии Матери-земли и возвращая его переродившимся для новой жизни.

Изобразительный сюжет на ритуальной чаше С. Едзиева — это наша последняя встреча с картинами потустороннего мира, с древнейшей обрядово-ритуальной практикой человечества, духовный смысл которой мы и попытались объяснить в процессе нашего исследования. Долгое путешествие в сумерках подземного мира, согласованное с текстом погребального обряда *бахфæлдисын*, продолжалось около двух с половиной тысяч лет. За это время, с большой степенью вероятности, мы убедились в главенствующей роли над североиранским миром духовного образа женского божества Матери-Земли. Именно опора этнической культуры на первородный культ Великой богини позволила ей просуществовать, в невероятной консервации, в течение многих сотен лет. Богиня-мать — это центр мира, согревающий очаг социума, указующий ориентир на жизненном пути человека (народа). Солярный бог и культурный герой только способствуют ее воскрешению, осознавая через это свою этическую норму. На Матери лежит тайна исполнения вселенских, божественных, бытийных законов, наполняющих культуру ее детей непреходящими ценностями.

Жизнь и судьба народа находились как бы в вечном пространстве и вечном времени. Эта архетипическая особенность этнической ментальности накладывала отпечаток на исторические выборы народа. Менялись времена, стабилизировались границы и отношения между этносами, а народное сознание определяло землю как безграничное, ничейное материнское тело. Вовремя не приобретая реальную историческую сознательность, народ слабел и терял бывшие территориальные и духовные приоритеты. Нерешенные в историческом времени проблемы ложились грузом на плечи новых поколений. Поэтому то, как сегодня бессмысленна реконструкция традиционной жизни этноса в пространстве социально-экономической реальности современного мира, так невероятно актуальна ориентация его культуры на традиционное духовное наследие.

Построенная на простых, но стабильных мифологических конструкциях, завещанных поколениями предков, эта древняя духовная культура — живая религия народа. При потере же ее истоков и смысла народное сознание распадается и ассимилируется под влиянием более сильных соседних культурных пространств. Лишенная понятийной связи с прошлым культурным

сознанием, народная душа лишается опоры и поддается любым культурным внушениям, уже не осознавая своей этнической деградации и отвергая руку спасителя.

Эти процессы необратимы, если не конструировать еще тлеющий мир древней духовности, связав его с ценностями современной цивилизации. Рациональный человек скептически относится ко всему вышеизложенному, пока живет в стабильности, но как только захлестнут его социальные, экономические, политические демоны, так сейчас же рядом окажутся дикие эзотерические бредни, подобранные на помойке человеческой культуры, и невдомек ему, что в нем, над ним, всегда, вечно находится Древо жизни, наполняя человека величественным душевным покоем, то, что наши предки окрестили как Золотая яблоня нартов.

И еще несколько слов о самом исследовании. Редакцией журнала «Дарьял» была любезно предоставлена мне возможность опубликовать часть уже написанной книги, в которой приводится реконструкция древнего североиранского культа Богини Матери-земли. В журнальном варианте исследования читатель познакомился с древним образом Богини и сферой ее влияния в этнической культуре североиранцев. В последующих (неопубликованных) частях реконструируется система обрядово-ритуальной практики, связанной с Богиней-матерью, и, главное, воссоздаются духовные законы ее учения.

Как бы фрагментарно не выглядели мои журнальные публикации (невероятно сложно переводить книжное пространство в журнальное), но и это было той, может быть, единственной возможностью для данного исследования увидеть свет и дойти до своего читателя. Автор выражает глубокую благодарность редакции за предоставленный ему шанс публикации.

БИБЛИОГРАФИЯ К «ЗОЛОТОЙ ЯБЛОНЕ НАРТОВ»

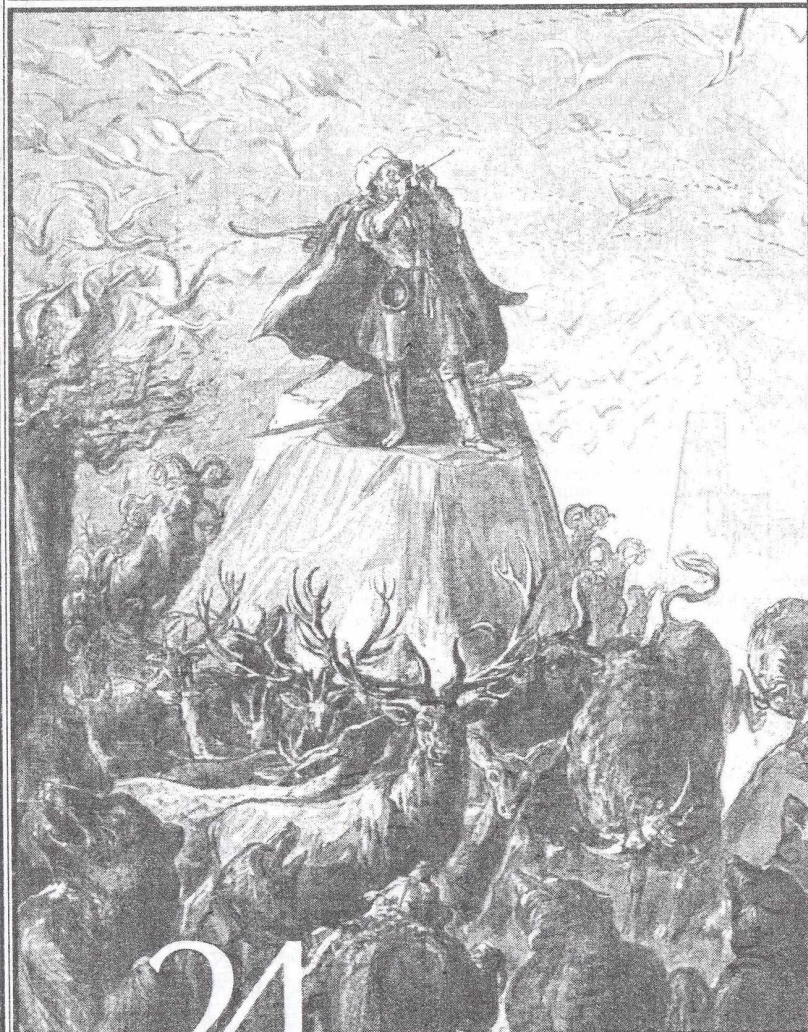
1. Завадская Е.В. Мудрое вдохновение. Ми Фу. М., 1983.
2. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
3. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику / Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
4. Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988.
5. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
6. Пандей. Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1990.
7. Дзиццойты Ю.А., Кочиев К.К. Новые этнографические материалы к осетинской космогонии. Вопросы иранистики и алановедения. Тезисы докладов. Владикавказ, 1990.
8. Мифы народов мира. В 2-х томах. М., 1992.
9. Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996.

10. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
11. Ельницкий Л.А. Из истории древнескифских культов // СА. 1960. № 4.
12. Геродот. История в девяти книгах. (Перевод Г. А. Стратановского). Л., 1972.
13. Эмерсон Р.У. Эссе. М., 1986.
14. Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.
15. Нарты – осетинский героический эпос. Т. II, III. М., 1989, 1991.
16. Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на Чертомлыкской вазе // СА. 1976. № 3.
17. Чибиров Л.А. Древнейшие пласти духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.
18. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. М., 1995.
19. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1992.
20. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
21. Кузьмина Е.Е. Конь в религии саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
22. Уарзиати В.С. Средневековый герб алан-осетин // Альманах «Осетия XX век». Выпуск первый. Владикавказ, 1996.
23. Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ, 1990.
24. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб, 1991.
25. Кодзики. Записки о деяниях древности. Свитки 1, 2, 3. СПб, 1994.
26. Йосида Ацухито. Дюмезиль и сравнительное изучение японских мифов / Дарьял. 1995. № 2.
27. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
28. Туганов М.С. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.
29. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
30. Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987.
31. Акимов Л., Киришин А. О мифоритуальном смысле зонтика // Этруски и Средиземноморье. XXIII Виллеровские чтения. М., 1994.
32. Чвырь Л.А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
33. Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
34. Малиева Н. Сатана в осетинском нартском эпосе. Орджоникидзе, 1971.
35. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1946.
36. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
37. Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
38. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. М., 1987.
39. Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
40. Шри Ауробиндо. Мать. Л., 1991.
41. Гатиев Б. Сборник сведений о кавказских горцах. IX. Суеверия и предрассудки у осетин. III часть. Тифлис, 1876.
42. Берман Б. Библийские смыслы // Знание – сила. 1994. № 3 – 10.
43. Стародубцева Л.В. Стена как духовная конституция // Человек. 1994. № 4.
44. Бзаров Р.С. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев первой половины XIX века. Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987.
45. Абаев В.И. Историко-этнографический словарь осетинского языка. В 4-х томах. Репринтное издание. М., 1996.
46. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.
47. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследование в области мифопоэтического. М., 1995.
48. Дюмезиль Ж. Скифы и нартты. М., 1990.
49. Искусство стран Востока. М., 1986.
50. Уарзиати В.С. Из истории скифо-сакского наследия // Дарьял. 1995. № 4.

51. Лелеков Л.А. Ранние формы иранского эпоса // НАА. 1979. № 3.
52. Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
53. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Книга 4. Цхинвали, 1989.
54. Мудрецы Китая. Чхуанцзы. СПб, 1994.
55. Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.
56. Руденко. Древние ковры горного Алтая. М., 1974.
57. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Книга 3. Цхинвали, 1989.
58. Раевский Д.С. Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
59. Сарматское погребение у с. Комарово. Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
60. Культура кочевников на рубеже веков (XIX – XX, XX – XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Международная конференция. Алматы, 1995.
61. Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.
62. Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992.
63. Иванова А.П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
64. Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения северо-западного Кавказа. Л., 1990.
65. Гутнов Ф.Х. Аристократия алан. Владикавказ, 1995.
66. Аланы. Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
67. Кардини Ф. История средневекового рыцарства. М., 1987.
68. Аланская гробница XI века. Ставрополь, 1994.
69. Жуковская Н. Эпос на фоне чисел. ДИ – диалог истории и культуры. М., 1995. № 1-2.
70. Тибетская книга мертвых.
71. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X – XI веках. Ставрополь, 1993.
72. Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царзонта. Владикавказ, 1990.
73. Уарзиати В.С. О столике «фынг» и ритуальной пище осетин // Литературная Осетия. 1990. № 74. (?)
74. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.
75. Юнг К. Человек и его символы. М., 1997.
76. Уарзиати В.С. Между вечным и преходящим // Дарьял. 1995. № 2.

Павел ЯДЫХ

24 ЭТЮДА О МУЗЫКЕ ОСЕТИИ

В оформлении использована работа Махарбека Туганова «Ацамаз»

ЕГО ЖИЗНЬЮ БЫЛА ПЕСНЯ

Он был человеком высокой культуры и глубоких знаний. Всегда отличался широтой интеллекта и нравственной безупречностью. Общение с Алибком Магометовичем Бериевым доставляло большое духовное удовлетворение.

Его мысли об осетинской музыке и, в частности, о песнях Осетии, наполнены подлинной профессиональной эрудицией. Особенно это относится к размышлениям о важном разделе народного творчества — героической песне.

Алибек Бериев как ученый-фольклорист указывал на сложность расшифровки этих песен из-за ритмических трудностей. Он слышал в некоторых осетинских песнях влияние музыки иных культур (например, украинские интонации в песне «Додой»), что считал естественным проявлением взаимовлияния музыки разных народов.

Интересна мысль Бериева о том, что на одну мелодию нельзя сочинять разные тексты, в то время как на одни и те же стихи можно сочинить разные мелодии.

Композитор предостерегал от ложного пафоса и преувеличенной громкости в исполнении героической песни, считая более верным подчеркивание внутреннего накала, мягкости и красоты звука.

Он прямо говорил, что законам музыки надо учиться у народа, имея в виду чистоту стиля и национальную определенность музыкального языка.

При этом Бериев уместно приводит слова профессора Московской консерватории В. Фере, обращенные к молодому композитору: «Ваше сочинение не имеет своего национального лица, никому не принадлежит, никому не будет понятным».

Как композитор, Алибек Магометович Бериев создал романсы, пьесы для фортепиано, струнный квартет. Ему принадлежат песни «Село родное», «Моя единственная», «Греет солнце», «Мечты юноши».

А.М.Бериев. 1933-1986.

Окончание. Начало см. «Дарьял» 3'98.

Интересны его песни «Цветок», «Праздничная», «Весенняя песня» — соответственно на слова Г. Цагараева, Г. Гагиева, М. Дзасохова.

В 1986 году состоялся конкурс детских хоровых коллективов общеобразовательных школ, на котором песня Бериева «Мах» на слова В. Царукаева стала Лауреатом республиканского конкурса патриотической песни.

Алибек Магомедович награждался почетными грамотами, а в 1986 году — дипломом Союза композиторов СССР за заслуги в пропаганде музыки и творческий вклад в развитие фольклорного искусства.

Необозрима общественная деятельность Бериева.

Он проводит семинарские занятия с руководителями народных хоров. В его ведении конкурсы на лучшее исполнение осетинских народных песен. Алибек Магомедович помогает самостоятельным авторам, записывает сочиненные ими мелодии.

Бериев — консультант Дома народного творчества, научно-методического центра при Министерстве культуры, а также хормейстер фольклорного коллектива «Чепена».

Значительна его педагогическая работа в Училище искусств. Такая многоплановая деятельность стала возможной на основе природной одаренности, активности творческой натуры и прекрасного образования, полученного Бериевым в Московской консерватории, оконченной им в 1961 году.

Его жизнью была осетинская песня.

СИМДЫ ФАЗ

Начало пути в большую музыку не ознаменовано внешними яркими событиями.

Будущий композитор родился в 1915 году в г. Тбилиси. Учился игре на скрипке в школе и музыкальном училище. Благодаря хорошим результатам был принят в консерваторию в класс профессора Л.Н. Шиукошвили.

Когда молодому скрипачу исполнилось 23 года, его призвали в армию, где и находился Асланбек Ясонович до конца Великой Отечественной войны.

Началом сочинения музыки можно считать конец тридцатых годов. Появились первые песни, которые принесли успех молодому автору Асланбеку Кокойти.

Лучшие его песни живы и поныне благодаря мелодическому дарованию, которое привлекло внимание меломанов и музыкантов-профессионалов.

К числу таких песен по праву относятся «Жду тебя», «Колыбельная», «Мое солнышко». Ему во всем было свойственно вер-

ное ощущение фольклора Осетии, что помогало Кокойти решать художественные задачи.

Однако удачи в песенном жанре не остановили композитора от проникновения в мир симфонической музыки. Это стремление воплотилось в конкретные сочинения для симфонического оркестра.

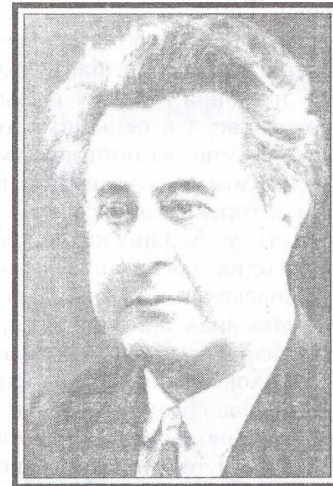
Литературным первоисточником увертюры «Коста» стало стихотворение «Я смерти не боюсь».

Несмотря на отсутствие зрелой композиторской техники, в этом раннем сочинении чувствуется стремление к углубленному мышлению. Перед нашим мысленным взором словно проходит галерея персонажей и эпизоды из поэзии Коста. Созданная в 1947 году увертюра «Коста» содержит элементы симфонической драматургии, которые окрепнут и разовьются в последующих этапах творчества.

Увертюра «Праздник урожая» — легкое, светлое сочинение. Законченным, зрелым произведением Асланбека Ясоновича является симфоническая поэма «Чермен». Легендарный облик Чермена, героический дух народа переданы с большой художественной силой. С окрепшей композиторской техникой, интересными гармоническими сопоставлениями, естественным тематическим развитием, отличным ощущением формы написал Асланбек Кокойти ярко-эмоциональную драматическую поэму «Чермен», исполняемую и в наши дни. В жанре поэмы это сочинение прочно удерживает за собой пальму первенства в симфонической литературе Осетии.

Много музыки сочинил Асланбек для детей. Здесь песни, пьесы для фортепиано, «Пионерская сюита» для детского хора и оркестра, созданная в 1956 году на слова Гито Цагараева. Непременным свойством музыки для школьников младших классов является ясность мелодики и бесхитростные ритмы. То и другое было близко автору.

У Асланбека Кокойти имеются две симфонии. Первая создана в 1971 году и имеет подзаголовок «Юность». После раздумчивого короткого вступления следует Allegro в подлинно осетинском характере музыки с уклоном в стихию грациозного танца. На смену ему — эпизод вальсового плана с возвращением первой танцевальной темы.

А.Я. Кокойти. 1915-1990.

2-я часть — «Клятва». Имеется в виду клятва верности Родине. Музыка носит торжественный характер. Композитор вводит в партитуру хор и солиста (бас). Интересный замысел оправдывает себя.

3-я часть — «Памяти погибших», а финал — «Радость жизни и труда». В симфонии № 1 отсутствует перегрузка звучания, лишь отдельные эпизоды поддерживаются яркими всплесками оркестровых Tutti.

Первая симфония создает благоприятное впечатление грамотностью партитуры, национальным мелосом, светлым звучанием.

Симфония № 2 не вызывает аналогичного интереса. Музыка первой части в основном состоит из поэмы «Чермен», а третья часть во многом повторяет материал первой симфонии.

В целом музыка входит в некоторое противоречие с масштабным авторским эпиграфом «Великая Отечественная война».

Есть у Асланбека Кокойти квалифицированное сочинение — «Рапсодия для скрипки с оркестром». Ее исполняли скрипачи Л. Дубровская и И. Браиловский. Автор, будучи сам скрипачом, отлично знал природу инструмента и технические возможности, что обеспечило успех произведения, созданного в 1971 году.

А. Кокойти писал колоритные пьесы для оркестра. Лучшие из них — «Танец охотников» и «Танец смелых». Это — стихия богатых и разнообразных ритмов осетинской музыки в соединении с красочным тембровым разнообразием.

Закончу этюд откровением о миниатюре «Симды фаз». В ней, словно в фокусе, отражен облик Кокойти. Мягкость звучания, лирическая окраска, доступность мелодии, близость к народным темам. «Симды фаз» слушали в Крыму и на Волге, на Северном Кавказе и в Москве, в Белоруссии и Петербурге... И повсюду эта миниатюра была визитной карточкой автора и всей республики.

ХОР И ХУДОЖНИК

Творческий коллектив и дирижер — сложная проблема. Всегда. Знал, что этот музыкант талантлив. О нем распространилась молва сразу же после его приезда.

Я присутствовал на его репетициях. Он пристрастно (чтобы не сказать придирчиво) вслушивался в каждую ноту, взвешивал ее на весах целесообразности, всматривался в огранку звука, в его световой спектр, погружался в радуу гармоний. И хотя эта терминология не из словарного фонда хористов, она показывает лабораторную тщательность музыканта — ювелира в стремлении к совершенной планке исполнения. Снова и снова повторял он фразу, а хористы, видевшие его самоотверженность, охотно помогали

дирижеру лепить искомый им художественный образ. И так день за днем, репетиция за репетицией.

Имя хормейстера — Аркадий Тарасович Ачеев. Он родился в 1925 году, служил в армии, участвовал в войне 1941-1945 гг., после которой учился в Орджоникидзевском музыкальном училище на дирижерско-хоровом отделении. Хорошо играл на тромбоне. Поступил в Московскую консерваторию, которую окончил у профессора А.В. Преображенского.

Его формированию способствовало творческое общение с корифеями хорового исполнительства, среди которых А.В. Свешников, В.Г. Соколов, К.Б. Птица.

Окончив ВУЗ, Ачеев возвращается на родину и ведет заметную творческую и организационную работу. Он преподает, возглавляет дирижерско-хоровое отделение, становится художественным руководителем и хормейстером Государственного ансамбля песни и танца.

1962-й год подвел итог первого этапа деятельности Ачеева. Созданная им капелла «Иристон» гастролирует в Москве, где производят записи ее выступлений и выпускают пластинки. Коллективу присваивают звание Заслуженного коллектива Северной Осетии, а ее руководитель становится Главным хормейстером музыкального театра.

Вскоре жизнь меняет русло, и Аркадий Тарасович — старший преподаватель Краснодарского института культуры, а в годы 1974-1976 — Главный хормейстер Самаркандского театра оперы и балета. И снова Осетия.

Тонкий музыкант, глубоко познавший специфику хорового пения, Ачеев сочиняет эмоционально насыщенные вокальные произведения.

Хорошо помнятся его работы: «Коста, ты — Прометей», «Гимн Иристону», «Город мой начинается с гор», «Горит Осетии счастливая звезда».

В творчестве композитора ярко выраженной была лирическая линия. К числу таких песен принадлежат «Ароматная ночь», «Белая береза». Примечательны «Диалог» на слова Расула Гамзатова и ноктюрн «В ауле».

Творчество Ачеева вместило в себя не только куплетную форму, но и развернутое многочастное построение.

А.Т.Ачеев. 1925-1994.

29 октября 1994 года, когда республика отмечала 135 лет со дня рождения Коста, на сцене музыкального театра шла драматическая оратория, в которой задействованы оркестр, хор, солисты и чтец-декламатор. Назывался спектакль «Исповедь». То было большой работой театра. Музыка Аркадия Ачеева естественно совпадала со стихами Коста и производила волнующее впечатление. Думается, что оратория «Исповедь» – кульминация творчества композитора Ачеева.

Жаль, что талантливый автор не дожил до премьеры своей лучшей работы.

Аркадий Тарасович был почетным членом Всесоюзного музыкального общества, Заслуженным деятелем искусств Осетии.

ЯРКИЙ СПЛАВ

Глава Союза композиторов Северной Осетии.

Секретарь Союза композиторов РСФСР

Член правления Союза композиторов СССР.

Кавалер ордена Октябрьской революции.

Член Совета Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Депутат Верховного Совета Северо-Осетинской АССР двух созывов.

Лауреат премии имени Коста Хетагурова.

Если подняться высоко в горы Южной Осетии в селение Верхний Рук, оттуда видны заснеженные вершины, стремительные бурные потоки, берущие начало в ледниках. Здесь собирались горцы Южной и Северной Осетии. Звучали народные песни, играли гармошка и кисындандыр. Музыкальный быт составляли праздники и обряды.

В 1923 году в этих местах родился и провел детские годы мальчик, впоследствии ставший одним из самых крупных композиторов горной республики Осетия.

Окончив семилетнюю школу, юноша едет в Цхинвал, где учится в педагогическом училище, в котором работал Татаркан Коккойти, а в 1940 году – на физико-математическом факультете института.

Когда началась война, все годы страшного лихолетья служил в армии.

Христофор Плиев – офицер, политработник батальона аэродромного обслуживания. За 7 лет службы молодой офицер воевал в Венгрии, Болгарии, Югославии.

Лишь в 1947 году он демобилизовался и поступил в студию национального отделения Московской консерватории. Здесь, в Москве, любознательный Христофор впервые услышал симфоническую музыку и оперные спектакли. Вместе со своим земляком

Ильей Габараевым они впитывали атмосферу большого профессионального искусства.

Знакомство с основами музыкальной теории и классической музыкой расширили кругозор студентов.

В 1957 году Плиев окончил консерваторию под руководством композитора В.Г. Фере.

Уже на первом этапе самостоятельного творчества его ожидал успех. Вдохновленный певучестью стихов Коста, он пишет романсы «Без доли», «А-ло-лай», «Тревога», «Завещание». Эмоциональная непосредственность чувства, простота, ощущение современности и национальный характер музыки привлекли к себе внимание многочисленной аудитории. Глубина, задушевный лиризм, искренность, украсили вокальную литературу Осетии. Плиев работает над созданием музыки к театральным спектаклям.

Х.С.Плиев. 1923-1992.

Для Цхинвальского театра – «Чермен» Г. Плиева, «Дудар и его сыновья» С. Хачирова, «Дыхание гор» Р. Чочиева. Плиев писал также для театров г. Орджоникидзе. Подлинное признание принесла композитору опера «Коста» – первая опера в музыке Осетии. В 1960 году была показана одноактная опера, принесшая беспримерный успех композитору драматизмом, глубоким отображением жизни народа и его героя – Коста. Это лирико-драматическая опера со сквозным действием наполнена богатством национального фольклора (Афсати, Додой). Все компоненты – солисты, хор, оркестр тесно взаимосвязаны и выполняют огромную драматургическую задачу. Композитор показал знание законов сценического произведения и убедительно раскрыл свое художественное кредо.

«Сцены из жизни поэта» – таков подзаголовок оперы «Коста». В первом варианте она содержала 7 эпизодов.

В обстоятельной работе о творчестве Х. Плиева музыковед З. Туаева писала: «...слушателя не оставляет ощущение внутренней цельности музыкально-драматического действия, он воспринимает оперу как единое органическое целое. Такому впечатлению способствует последовательно и ясно выраженная идея произведения... единство интонационной музыкально-образной и эмоциональной сферы».

В 1974 году в Москве на сцене Академического музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.Н. Немировича-Данченко звучала полнометражная трехактная опера «Коста». Портреты героев, ансамблевое письмо, хоры, арии, танцы – все говорило о профессиональной зрелости, глубине мысли автора и волнующей художественной правде этого национального реалистического произведения. В пафосе арии Коста, сценах народного гнева, лирическом дуэте Коста и Анны Цаликовой, в колыбельной матери сирот, хоровом финале («За темными ночами блеснет заря, наступит ясный день») – музыка и сценическое действие стали патетическим повествованием об осетинском народе и его незабвенном певце Коста Хетагурове.

На материале оперы создан фильм «Возвращение Коста», получивший премию на Всесоюзном фестивале телевизионных музыкальных фильмов.

Сотрудничество с кино продолжалось, и Плиевым написана музыка к фильмам «Костры на башнях» и «Джигиты-кантемировцы».

Крупное сочинение создал Христофор Сосланович в 1969 году. То была оратория «Цвети и здравствуй, Иристон». Она состоит из пяти частей. В них положены на музыку стихи поэтов Д. Дарчиева, Г. Цагараева, М. Цирихова и И. Гуржибековой. Оратория прозвучала на высокой ноте общественной значимости.

1-я часть – песнь о счастье, 2-я – праздник урожая. Здесь с симфоническим размахом разработана песня Плиева «Молодежная». По образно-эмоциональному строю третья часть контрастирует с другими частями. Это и понятно, ибо «Баллада о погибших героях» полна большой эмоциональной силы, драматически насыщена, музыка вводит в мир глубоких и значительных настроений.

«Не допустим войны» – лаконичная 4-я часть, построенная на непрерывном динамическом нарастании. Она переходит в финал («Слава Родине») – торжественный апофеоз, ярко утверждающий патриотическую идею произведения.

Христофор Плиев проявил богатый дар комедиографа, создав галерею ярких оперетт, что явилось крупным явлением в осетинском искусстве.

Еще в 1960 году в Кремлевском театре была показана первая оперетта «Весенняя песня», позже поставленная в Тбилиси. Плиеву принадлежат оперетты «Три друга» (1962 г.), «Жених сбежал» (1964 г.), «Маяки» (1965 г.), «Горный цветок» (1966 г.), «Костры на башнях» (1968 г.), «Приглашение на свадьбу» (1969 г.), «Терек поет» (1971 г.). Большой успех имела оперетта «Песнь Софьи».

Спектакль «Муж моей жены» с музыкой Плиева звучал в Хабаровске, Томске, Ташкенте, Горьком, Львове.

Можно смело сделать вывод о том, что Христофор Сосланович был мастером в жанре комедийно-театральной музыки.

Поистине огромная популярность выпала на долю эстрадных песен композитора. «Зали» (осетинский вальс), «Фатимочка», «Маленький джигит» по успеху не имели себе равных.

При несомненных достоинствах хоровых и театрально-комедийных работ Плиева, он все же успел вернуться к жанру оперы, создав «Фатиму» по поэме К. Хетагурова. В спектакле противопоставлены любовь и ревность, добро и зло, счастье и разлука. От радости, праздничности, живительной энергии, действие переходит в иное русло, окрашенное в мрачные трагические тона, что обусловлено сюжетом. Кстати, заметим, что либретто сочинил сам композитор.

Сознательно опускаем балет «Лесная девушка», а также симфоническое творчество, ибо журнальный этюд не вмещает многообразие жанрового диапазона музыки Плиева. Кроме этого, хотелось подчеркнуть яркость театрально-сценического и вокального творчества композитора.

В Плиеве гражданская принципиальность уживалась с добродушием, теплотой. Он был требователен к окружающим и, прежде всего, к себе. Но он излучал доброту и уважительность. Мы сотрудничали и дружили тридцать лет...

Искусство Плиева светлое, жизнеутверждающее, наполненное энергией, искренностью, бодростью. Он был лириком, но умел подчеркнуть драматическое начало. Его музыка – сплав народных интонаций с собственным нотным (звуковым) полем.

Христофор Сосланович всегда был в самой гуще событий культурной жизни. Его трагический уход из жизни – глубочайшая потеря для музыкальной культуры Осетии. Долго, очень долго будут жить лучшие произведения Христофора Плиева.

ПОБОРНИК ТРАГЕДИИ

Чтобы создать музыку, подобную той, о которой речь пойдет ниже, нужен помимо чисто музыкального таланта и профессиональной образованности комплекс иных свойств художника и гражданина.

Вникая в образность мышления Габараева, охватывая всё, оставленное им людям, безошибочно видишь большую личность, погруженную в сложные размышления об истории своего народа, его нелегкой исторической судьбе. Взор композитора пытливо и небезучастно всматривается в прошлое. Каждый изгиб народных судеб воспринимает автор глубоко субъективно. Он весь – в сказаниях древних нартов. Он слышит звон клинков, цокот копыт и ржание коней, видит нашествие вражеских орд, участвует в судьбоносных сражениях.

Он видит кровь на страницах истории осетин — родную кровь. Ему грезится гордый клич богатырей, мудрость и достоинство убежденных седидами старейшин.

Он слышит стенания матери над телом поверженного в сражении юноши. Илья Габараев словно явился со страниц сказаний о нартах, как очевидец и участник тех боев. Будто это он, Илья, на привалах, в горах и ущельях пел героические песни с теми воинами, что делали историю.

Пламенный патриот, вскормленный молоком матери и травами Осетии, создавал горестные ноты о родном крае, о родных людях.

Именно драма была его стихией, её ощущал он умом и сердцем. В ней он изливал себя, свои думы на звуковые просторы нотных страниц.

Угрюмость его была очевидной, и редко он сбрасывал с себя тяжелый венок раздумий.

На нем была горская бурка, охранявшая его от проникновения поверхностных благозвучий.

У Мартироса Сарьяна тень появлялась, чтобы ярче светило солнце.

У Ильи Габараева, думается, скупой солнечный луч подчеркивает трагизм ушедших столетий.

Мы хорошо ощутили психологическую контрастность частей его Первой симфонии. Она была создана в 1960 году и тогда же впервые исполнена в Москве — в Большом зале консерватории — оркестром Осетии под управлением автора этих строк.

Прошло более 35 лет, а эта пламенная музыка продолжает волновать слушателей.

Столкновения, борьба, высокий накал изложения первой части буквально захватывают.

Наступающее скерцо уводит в иную сферу восприятия. Это — просветление, скупая улыбка.

Медленно и печально звучит исповедь третьей части. Она, словно траурная лента, обрамляет чело рассказчика.

А каков размах финала! С незаурядным мастерством здесь собран калейдоскоп разнохарактерных тем, а их последовательность выверена с абсолютной точностью.

Волевая заявка, трогательные напевы гор и долин, чистота ребенка у материнской груди — все это сплавляется в обобщенную летопись гордых свершений и уверенный взгляд за горизонты будущего.

Первая симфония Габараева — золотая страница осетинского симфонизма, музыкальный роман, четырехчастное действие музыкальной драматургии.

Много раз я ставил Третью симфонию для солистов, хора и оркестра. Это значительное произведение навеяно поэзией Гарсиа Лорки.

В исполнениях третьей симфонии принимал участие камерный хор Агунды Кокойти.

Симфония слушается с неослабевающим интересом с первых тактов до высокоталантливого трагического финала-апофеоза.

Поразительно, с какой естественностью перевоплотился Илья Гаврилович из композитора Осетии в певца Испании, не утратив при этом признаков собственной национальной принадлежности.

Таков и цикл песен на слова финских поэтов.

Этими же признаками обладает песня об африканском мальчике «Маленький чеканщик».

Навсегда останутся жить оперы «Азау» и «Олана» на либретто самого композитора.

Отметим Вторую рапсодию для оркестра — пример короткого сочинения, где нотам тесно, а мыслям просторно. Крохотное вступление и — безудержный фейерверк вариаций на танцевальную тему. Уместно вспомнить, что мы исполнили рапсодию в Москве, а известная балерина Светлана Адырхаева с антуражем танцевала под эту музыку.

Нельзя не сказать об оригинальной Рапсодии № 3.

Звучит осетинская мелодия. Раз, другой, третий, но в звучании различных инструментов, обретая новые краски, сверкая разноликой динамикой.

Как тут не вспомнить знаменитое «Болеро» Равеля?

Третья рапсодия — высокопрофессиональная пьеса, с удовольствием исполняемая и поныне.

Особый пласт в творчестве Габараева составляют романсы. Он тонко понимал этот жанр. Его романсы немногословны, в них мало нот, но они вдохновенны.

Функция оркестра сведена до высокой конкретности. Буквально ни одной лишней ноты, только самое необходимое. Образцы этого жанра в творческом наследии композитора — романсы «Ожидание», «Дождливый день» и, особенно, «Джук-тур» (на слова Коста Хетагурова). Слушая «Джук-тур» для голоса с симфоническим оркестром, нас охватывают пантеистические чувства. Слышится осетинская альборада — песнь пастухов в честь восходящего солнца.

И.Г.Габараев. 1926-1993.

Если попытаться двумя словами определить сущность романсов Габараева, то это — чувства вслух.

Эмблемой всего творчества Габараева могла бы стать его «Песня о родном крае», — лирическая, проникновенная, задушевная.

Илья Габараев был всегда задумчив, ушедший в себя, наделенный удивительным внешним сходством с Коста.

...Он покоится на Аллее славы, тот, кто творил во славу родного края...

ГРОЗДЬЯ ОПТИМИЗМА

Имя Дудара Хаханова хорошо известно не только в среде профессиональных музыкантов, но и в самой гуще любителей музыки, и, можно сказать, в народе Осетии. Такая популярность объяснима многими факторами.

Попытаемся наметить основные из них.

К 1960 году осетинская музыка располагала лишь одной симфонией Татаркана Кокойти. При всех несомненных достоинствах первой осетинской симфонии, сыгравшей важную роль в формировании национальной музыки, необходимо было закрепить и расширить рамки форм и жанров симфонизма. И эту задачу блестяще выполнил Дудар Соломонович Хаханов.

Поражает работоспособность и продуктивность его творчества. Перу композитора принадлежат тринадцать симфоний!

Бывает, что композитор сочинит и большее количество симфоний, но они не звучат, превращаясь одновременно в архивный материал. Все симфонии Хаханова звучали на земле Иристана, а некоторые — многократно, и не только в Осетии.

Первая симфония впервые прозвучала в Москве 26 августа 1960 года в Колонном зале Дома союзов в дни литературы и искусства республики.

Симфонию автор посвятил молодежи. Это определило основной характер ее тем — ярких, напористых и волевых. Музыка симфонии отражает кипучесть, неиссякаемый оптимизм, передает черты характера и мироощущения молодого человека.

Только вторая часть, музыка которой построена на народной теме песни об Акиме, переносит нас в другую образную сферу.

Здесь — царство лирики, певучесть, мягкое звучание струнных. Лишь изредка возникают кульминации, которые вновь уступают место доверительному диалогу.

Третья часть — скерцо — остроумие, юмор, детская шалость. Слышится мелодия песни «Чепена».

В финале много света, праздничности. Он убедительно завершает первое крупное сочинение Хаханова.

На протяжении всего последующего времени эта симфония звучала чаще других, и по сей день любима публикой и оркестром.

Если Прокофьев после шести симфоний пришел с доброй улыбкой к светлой и чистой Седьмой, то Хаханов начал свой путь в симфонизме доверительностью и откровениями в Первой симфонии.

За симфонию № 2 автор удостоен Государственной премии имени Коста Хетагурова.

Третья и Четвертая симфонии явились экспериментальными. То был поиск нового языка, иных средств музыкальной выразительности.

Хаханов усложняет музыкальный язык, проникает в новые глубины мысли, погружается в гармонию и ритмы, не лежащие на поверхности.

Хаханов искал, становился глубже, ведя за собою слушателей в иные интеллектуальные сферы, выраженные средствами музыки.

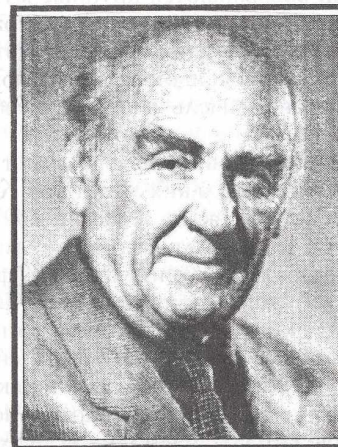
Жизнь показала верность этих нелегких поисков. Композитор создает Пятую симфонию, посвятив ее Коста Хетагурову.

Жгучие нравственные проблемы ставит и по-своему решает Шестая симфония — призыв к чистоте помыслов и свершений. Глубокое меццо-сопрано поет песнь о Земле. Голос льется над оркестром и, соединяясь с его разноликими тембрами, наполняет ум и сердце, волнует и утешает. Богатые гармонии обволакивают благородную песнь жизни, манящую и влекущую за собой к добру и счастью. Шестая симфония — одно из самых проникновенных произведений Хаханова, и ей уготовлена долгая жизнь.

Отдыхая в Прибалтике, Хаханов посетил Саласпилс, — бывший лагерь смерти. Он заносит свои тяжкие мысли на партитурную бумагу. И возникает 7-я симфония со своими тягостными размышлениями и волнующей драматургией.

Восьмая симфония — яркая, полнокровная. Она вмещает не только обобщения (что и свойственно симфонизму). Здесь жанровые зарисовки, улыбка младенца и танец джигитов, песнь у колыбели и массовая сцена радости. Восьмая — это развернутый, оптимистический музыкальный роман об Осетии.

Восьмая симфония посвящена автору этих этюдов.

Д. С. Хаханов. 1921-1995.

Девятая симфония была исполнена в 1987 году и показала, сколь настойчиво работает композитор над формой и содержанием крупных полотен.

В 1989 году звучит Десятая симфония, в которую Хаханов вводит солирующий рояль.

XI симфония – последнее крупное сочинение Дудара Соломоновича, исполненное при жизни автора.

Симфонизм Хаханова – масштабная магистраль, вдоль которой возвышаются крупные музыкальные сооружения. В них привлекает значительность содержания, широта раздумий, погружение в современность. И все это композитор выражает чисто осетинской лексикой. По эмоциональному тону его музыка взволнованна, мысль ясна и способствует сиюминутному её восприятию.

Симфонии не исчерпывают диапазон творчества Хаханова. Он автор нескольких увертюр, Концерта для скрипки с оркестром. Солидный вклад в осетинскую музыку внес композитор, создав в 1961 году балет «Адамаз и Агунда» (либретто Д. Туаева). Хотя этот балет не увидел сцены, фрагменты из него звучат в концертах. Самым популярным из них является «Танец юношей». Он выдерживает долгую концертную жизнь, прозвучав десятки раз.

В 1979 году был поставлен балет «Хетаг».

Балетмейстер-постановщик – Народный артист Осетии А. Закалинский. Главную партию исполняла солистка Большого театра Союза ССР Светлана Адырхаева – Народная артистка Советского Союза.

Постановка «Хетага» имела огромное принципиальное значение, так как это был первый национальный балет, осуществленный в Северной Осетии.

Перу Хаханова принадлежат кантаты и оратории. Среди них: «Слава труду», «Певец народа», «Торжественная песнь», «Братство».

В 1974 году он написал многочастную кантату для детского хора и оркестра «Цвети и здравствуй, Иристон». Она имела заметный успех. Хаханов – автор оперы «Ханты цад» (1976) на либретто С. Кайтова. В 1980 году написана опера «Огни в горах» (либретто И. Шароева и М. Цагараева), оперетты «Вольная борьба», «Хамат и Зарина», «Наши дети и невестки» и другие.

Немало вдохновенной музыки звучало и продолжает звучать в спектаклях драматического театра.

Трудно исчерпать кладезь оставленной Хахановым музыки. Крупный рост мастерства продемонстрировал композитор в Концерте для голоса с оркестром.

В заслугу Хаханову надо поставить сочиненный им Концерт для осетинской гармоники с оркестром! Это – принципиальное

открытие больших возможностей гармонии, излюбленного национального инструмента.

Помочь гармонисту мыслить масштабно, раздвинуть и поднять уровень технических приемов игры, призвать исполнителя к свободной ориентации в непростых ритмах, быть частью сложного оркестрового организма, следовать руке дирижера – все это должен понимать и знать солист для исполнения Концерта. В свою очередь, преодоление этих и других сложностей обеспечивало крупный рост мастерства гармониста.

Это сложное произведение исполняли Булат Газданов, Лолита Хосроева, Эдуард Митченко, Борис Шаталов и другие.

Произведения Хаханова отмечены неоспоримой принадлежностью к национальной осетинской сокровищнице музыки.словно из рога изобилия, он исторгал один опус за другим, даря людям страницы углубленной драматургии, информацию к серьезным музыкальным размышлениям, лирическую теплоту чувств, радость неукротимого оптимизма.

Все, кто знал Дудара, попадали под теплоту его дружеского расположения, заражались завидной бодростью, неизбывной энергией.

Многие сочинения Дудара Соломоновича записаны на пластинки фирмы «Мелодия».

Он вывел осетинскую музыку на новую орбиту.

Дудар Соломонович прошел солидную школу большого музыкального деятеля. Он был Художественным руководителем Юго-Осетинского ансамбля песни и танца, Художественным руководителем Северо-Осетинской филармонии, Председателем Союза композиторов Северной Осетии.

Хаханов защитил кандидатскую диссертацию об осетинском музыкальном фольклоре.

Разносторонняя творческая активность и ценность художественных произведений композитора были высоко оценены почетными званиями «Заслуженный деятель искусств» трех республик: России, Осетии, Грузии.

Хаханов выполнил свой долг перед Осетией.

Пройдут годы, унесется молниеносно летящее время, а музыка Дудара Хаханова останется художественным памятником Иристона XX века.

АНГЛИЙСКИЙ РОЖОК

Более полувека прошло с момента создания в Осетии симфонического оркестра.

Появление такого художественного организма способствовало воспитанию эстетических вкусов аудитории, расширению жанро-

вых рамок для композиторов, росту музыкальной культуры Северо-Осетинской республики.

У нас говорят и пишут о коллективах в целом, об их руководителях, игнорируя то бесспорное обстоятельство, что в оркестре работают живые люди, творческие индивидуальности, сумма мастерства которых и составляет единство звукового многообразия.

Если не говорить об исполнителях на народных осетинских инструментах, то надо признать, что игрой на европейских инструментах владели считанные единицы. К этому редкому сословию принадлежал молодой музыкант, игравший на гобое. Его имя — Юрий Дзитоев.

Не просто начинающему музыканту из Ардона окунуться в глубины симфонической музыки. Здесь надо играть не только свою строчку из партитуры, но слышать всю ее вертикаль, ориентироваться в тональностях, ритмах, стилистике. И молодой гобоист набирался опыта, входил в репертуар, крепнул технически.

Дзитоев играл произведения разных времен и направлений. С оркестром гастролировал во множестве городов страны.

Особенно высокого уровня достиг он в игре на английском рожке. В симфонической литературе этот инструмент играет исключительно важную роль. Ему композиторы поручают ответственные соло. И Юра не только справлялся с ними, он по красоте звука, его наполненности, искренности, превращал ноты в глубоко-личное высказывание.

Прошли годы, много лет, но мы, с кем играл Дзитоев, и те, кто внимал ему в зале, помним глубокий, взволнованный тон английского рожка.

Небо наградило его даром сочинительства. Он писал песни. Хорошие песни.

Понимая недостаточность одних лишь способностей, он совершает попытку учиться профессиональному композиторскому мастерству, для чего едет в Ереванскую Консерваторию.

Но не надолго. Трудные жизненные обстоятельства не дали возможности доучиться. Он продолжает сочинять сообразно интуиции, душевному теплу, любви к музыке.

Но и этих свойств хватило для написания отличных вдохновенных песен. В музыке Дзитоева много лирики, взволнованности. Иногда в недрах теплого звукового потока вспыхивают нотки драматизма, короткого отчаяния. Однако любовь к жизни, к родной земле, всегда доминируют. Любители музыки знают такие улыбочивые песни, как «Малыш» («Саби»), «За яблоками» и, особенно, «Инал». Сколько в них игривости и задора!

Альтернативой этим солнечным песням являются такие трогательные сочинения, как «Мальчик-сирота», «Колыбельная», «Плач сестры»...

Дзитоеву принадлежит прекрасная песня «Иристон». Она — едва ли не лучшая среди его вокальных созданий. В августе 1997 года не стало Юрия Николаевича Дзитоева. Мы похоронили его в Ардоне, где живут все родные и близкие талантливого музыканта.

В минуты прощания нам слышались мелодии его лучших песен и незабываемый голос английского рожка, которым так хорошо владел Юра. 1927-1997 гг.

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Годы учебы не отличались особой новизной. То была привычная поступательность. Четыре года в Орджоникидзе-вском музыкальном училище, затем — Ереванская консерватория имени Комитаса в классе профессора Г.Е. Егизаряна. В 1964 году в Осетию вернулся молодой композитор Резван Цорионти.

Очень важно, какую дорогу изберет автор, каким жанрам отдаст предпочтение.

То обстоятельство, что уже через год он сочинил струнный квартет, говорит само за себя. Автор обнаружил знание инструментов, голосоведения, полифонии. Идя этим серьезным путем, Резван пишет для хора, пьесы для фортепиано, романсы, песни. Хочется назвать его песню о братьях Гасановых (в характере осетинских героических песен). Не прошел молодой композитор мимо музыки к спектаклям.

Вспомним «Земфиру» М. Цаликова, «Их нельзя забыть» Д. Темиряева. Сюда же отнесем музыкальную драму «Прерванная песня», оперетту «Проделки Дзенокка».

Обращает на себя внимание героическая оратория «Сказ об осетинском народе», относящаяся к 1970 году. В этом монументальном произведении на слова В. Малиева авторы бросают ретроспективный взгляд в древнюю историю народа. Композитор сумел создать разнохарактерную музыку: эпическую, драматическую, праздничную. Он владеет большими исполнительскими массами: хором, оркестром, тремя вокалистами.

Давно и прочно зарекомендовал себя Цорионти талантливым автором фортепианных пьес для детей. Эти миниатюры развивали вкус учащихся, были и есть отличной педагогической литературой (например, Хонга, Состязание, Грустная песня, Шутка, Колыбельная, Марш). Они, и многие другие, изданы в разных сборниках.

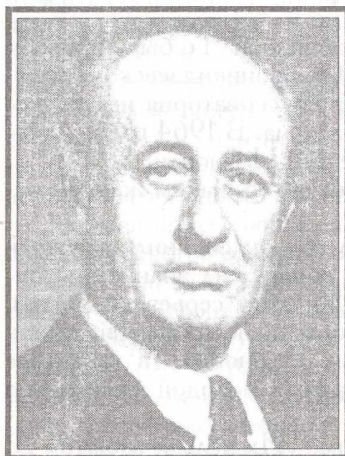
Пребывая в хорошей творческой форме, Цорионти порадовал нас первым концертом для трубы с оркестром. С большим блеском его сыграл в Осетии и в Москве солист из Еревана Юрий Баян.

В 1992 году звучала оратория «Зов Земли» на либретто П. Урумова. Земля — это родина, женщина — мать (артистка

А. Мисикова). Фарн – воля и мужество для борьбы со злом (артист В. Тайсаев). Текст читал М. Кумаллагов.

«В мелодике оперы-оратории «Зов Земли» явственные интонационные связи с осетинским фольклором и, прежде всего, героико-историческим пластом народно-песенного творчества» (Т. Батагова).

Музыка отличается суровой неповторимостью, внутренним пафосом, глубиной образного и эмоционального содержания.

Р.К.Цорионти. 1936-1997.

Перед эпилогом данного этюда можно назвать Увертюру для оркестра, которую, четко помню, искренно хвалил Т.Н. Хренников.

Одно время Резван Каурбекович Цорионти был Председателем союза композиторов Осетии. Он – заслуженный деятель искусств нашей республики.

Была у Резвана мечта – услышать в живом исполнении и увидеть на сцене свою лучшую работу. Это – опера-балет «Поляна влюбленных», созданная композитором еще в 1973 году.

Более двадцати лет терпеливо ждал автор, успев на музыкальном материале «Поляны влюбленных» сделать сюиту из пяти частей для симфонического оркестра.

Хорошо, что лучшая работа Цорионти услышана людьми, для которых она и создана. Судьба продлила дни Резвана, чтоб дать ему последнюю возможность увидеть и услышать свой солнечный Реквием. «Поляна влюбленных» состоялась. Его мечта сбылась...

ДИФИРАМБ

Вы прочли этюды о талантливых людях, которые создавали, обрабатывали, пропагандировали важный пласт художественной культуры народа – музыку.

Их удельный вес различен.

История расставит точки над «и», тем более, что профессиональной музыке Осетии нет и ста лет.

Справедливость повелевает сохранить в памяти сведения о художниках звуков, оставивших народу музыкальную сокровищницу от песни до симфонии и оперы.

В публикуемых этюдах даны эскизы о творцах, протяженность жизни которых измерена двумя датами: рождения и ухода в летопись осетинской музыки.

Памяти ушедших посвятил автор 24 этюда.

В рамках журнального обзора вряд ли возможно охватить всю музыку современного Иристана, поэтому автор ставит запятую (или многоточие), приглашая соответствующих специалистов продолжить тему. В наши дни трудится талантливая плеяда композиторов разных поколений, каждый из которых – самобытная страница музыкальной культуры.

Феликс Алборов, Булат Газданов, Людмила Ефимцова, Николай Кабоев, Лариса Канукова, Борис Кокаев, Ацамаз Макоев, Жанна Плиева, Зинаида Хабалова, Вагаршак Хачатурян, Тотурбек Хосроев, Тамерлан Хосроев... Они своим творчеством возвышают рейтинг музыкального искусства Алании.

От них следует ожидать новых музыкальных откровений.

«Чем была бы музыка без тех, кто даёт ей жизнь?» – спрашивает бельгийский скрипач-виртуоз Эжен Изаи.

Н.Ф. фон Мекк пишет Чайковскому: «Вы солнце, которое освещает и согревает лучами своей музыки...» Во времена разных общественных формаций музыка составляла неотъемлемую часть жизни.

Ромэн Роллан заметил: «...океан музыки наполняет собою века».

И если, по глубокому выражению О. Бальзака, «искусство – это надежда нации», то и музыка надежда нации. В музыке – красота, свет, интеллект, вдохновение, небосвод.

– Как Вы понимаете музыку? – спросили у дирижера Клаудио Аббадо.

– Как любовь, – ответил он.

Добавим: то есть, как категорию вечную.

А что, если бы музыка из жизни ушла?

Предоставляю слово поэту Ахсару Кодзати:

*...Уходит музыка. Все тише, тише
звучит она, летя куда-то вдаль.*

И голос колокольчиков чуть слышен:

в их светлом звуке сладость и печаль.

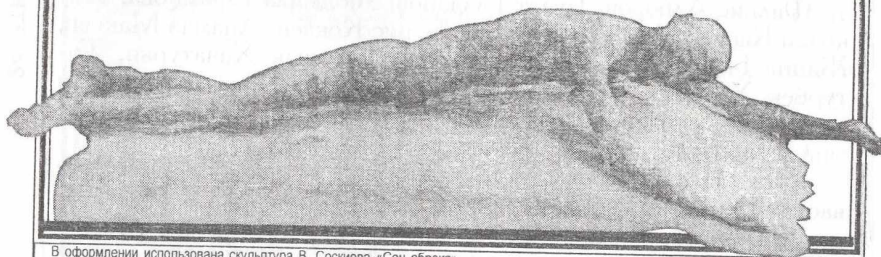
Уходит музыка. За нею тучей

крадется темнота. Прощай, фандыр!

*Последний луч повис над горной кручей
и оборвался... Ночь объяла мир.*

Так пусть же звучит Музыка!

Борис АЛБОРОВ

ОСЕТИНСКИЕ
АБРЕЧЬИ ПЕСНИ

В оформлении использована скульптура В. Соскива «Сон абрека»

XIV. ТЕКСТЫ ПЕСЕН

1. АСЛЕНБЕДЖЫ ЗАРÆГ¹

Ой-ой, хуссары бæлас, дам, уæй цæгаты сæрмæ, уæй.
 Уæй, йæ мардзæ, Будзи!
 Ой, хъахъхъæ ма асиагæн, гъей, –
 Ой, йæ карды сæрмæ, йæ карды сæрмæ.
 Ой, дзæнæты фæбадай.
 Ой-ой, Бæтæйы къоппа, дам, ой цæгæр къоппа, ой, –
 Уæй, афтæ йын куы хъуыди:
 Уæй, уæддæр йæ 'мгаримæ æгæр кодта, гъей.
 Ой-ой, Дзидойты Тебо, дам, ой дурæй кæхц (фæхт) кодта, уæй
 Уæй цы ма йын каенæм, загъта.
 Уæй, чындзы мой Тæрæс
 Йæ дуæрттæ хурæй сæхгæдта
 Уæй-уæй, Апæйы цæукъа, дам, рагъæй ракасти, уæй,
 Уæй, уæлæ та нæ фыдæбоны Будзи

Окончание. Начало см. «Дарьял» 1-3 '98.

¹Запис. Б.Алборовым от 70 л. Калагова Иналдыко из села Джимара.

Ой, рагъæй ракасти, гъей.

Ой-ой!

Абайы галты, зæгъы, йæ роды фырттæ,
 Лидзгæ ут, Хъаныхъуатæ, нал уæ ныуадздзысты Цæлоны фырттæ.
 Габытты Гуда, дам, дурæй фæхт кæны –
 Кæцæй фæхæст уæм чындзымой Тæрæсыл, йе дуæрттæ хурæй сæхгæны.
 Гæналы комæн æртæ рæбыны, –
 Хъуыддагмæ йæ не 'вдæлы Тæрæсы:
 Йе дзæбæх ус Ханбечер ын йæ сæр æлвыны.
 Хуссары фæндаг, зæгъ, Цæрæчы хъæбысы, –
 Ма тæрс, Будзи, нæ зæронд мад Хамбечеры
 Нæ ныуадздзыстæм Хъаныхъуаты Тæрæсы хъæбысы.
 Апæйы (ном) цæукъа, дам, дагъæй ракасти,
 Уæхи хъахъхъæнут, Хъобан! Уæлæ та нæ фыдбылызы
 Будзи рагъæй ракасти.
 Фæсналы бæлас, дам, цæгаты сæрмæ,
 Хъахъхъæ ма, Будзи, асиагæн йæ карды сæрмæ.
 Бæтæйы къоппа, дам, цæгæр къоппа, –
 Афтæ йын хъуыди, уæддæр йе 'рдхордимæ æгæр кодта.

ПЕСНЯ ОБ АСЛАНБЕКЕ*

Ой, ой, южное дерево, говорят, на северной вершине (выросло), ой
 Эй, а ну-ка, Будзи!
 Ой, посмотри-ка, что будет над кинжалом асийца (балкарца), гей –
 Ой, над кинжалом, над кинжалом.
 Ой, в раю бы тебе сидеть,
 Ой-ой, макушка (голова) Бата, говорят, ой, лысая макушка, ой –
 Ой, так и надо ему
 Ой, как бы там ни было, с другом они слишком дерзки были, ей.
 Ой-ой, Дзидойты Тебо, говорят, из камня ступу вырезал
 Ой, как и быть нам, вырезал, ой!
 Ой, снохач Тарас, он
 Ворота свои еще засветло запирает!
 Ой-ой Апаев козленок, говорят, выглянул из складки, ой,
 Ой, вон опять Будзи – наказание наше –
 Со склона глянул, гей.
 Ой-ой!
 Говорит, будто бы, быки Аба – это сыновья его теленка,
 Спасайтесь бегством, Кануковы, не оставят вас в покое!
 Гуда Габутов, говорят, из камня ступу вырезает –
 Как нам схватить снохача Тараса, ведь
 Он засветло ворота запирает.

*Все переводы песен с осетинского - подстрочные.

Ущелье Ганал, говорят, о трех концах –
 А Тарасу не до дела:
 Его привлекательная жена (возбуждающая чувственность)
 Ханбечер ему голову стрижет,
 Говорят, южная дорога в местности Царак пролегает, –
 Не бойся, Будзи, нашу старую мать Ханбечер
 Мы не оставим в объятиях Канукова Тараса.
 Апаев козленок, говорят, из складки выглянул,
 Берегитесь, кобанцы, вон наше зло (несчастье)
 Будзи со склона глянул
 Дерево фаснальское, говорят, на северной вершине (выросло),
 Посмотри-ка, Будзи, что будет над кинжалом асийца (балкарца).
 Макушка (голова) Бата, говорят, лысая макушка, –
 Так и надо ему, ведь он с друзьями слишком уж дерзок был...

2. ЧЕРМЕНЫ ЗАРÆГ¹

Ой, Чермен, Тлаттатае байуæрстой, мæ хæдзар,
 Дæуæн хай нæ бакодтой, Чермен! Уæрæйдæ, рæйдæ...
 Ой, æмæ уæрæйдæ, ой æмæ
 Орæйдæ, уæрæйдæ, ой хъæбатыр Чермен.
 Ой, гъей Чермен! Тлаттатае байуæрстой, мæ хæдзар.
 Ой, æмæ дæуæн хай нæ бакодтой,
 Ой, (гъей), Чермен, гъе-гъой – орæйдæ, уæрæйдæ
 Ой, хъæбатыр Чермен, дзæнæты фæбадай,
 Гъей, цом æмæ хæтынмæ фæцæуæм, Чермен,
 Ой, Чермен! Тлаттатае байуæрстой, мæ хæдзар!
 Ой, æмæ, уæрæйдæ, ой Чермен.
 Ой, æмæ дæуæн хай нæ бакодтой,
 Ой, хъæбатыр Чермен!
 Ой, гъей, гъей,
 Æй (гъей), Чермен, гъей-гъой уæрæйдæ, уæрæйдæ, рæйдæ.
 Ой, дзæнæты фæбадай.
 Ой, хъæбатыр Чермен! Гъей...
 Ой ма тæрс, ма тæрс, Нана,
 Кæд нын нæ бахай кодтой,
 Нæ банымадтой, кæцон дæ,
 Ой, мардзæ.
 Ой, æмæ ма тæрс, ма тæрс, Нана,
 Кæд мæ не схуыдтой, ой æмæ
 Лæджы бындзæфхад.
 Ой, хъæбатыр Чермен.
 Ой, æмæ нæ базыдтай, кæцон дæ,

Махæн уыдзæни, уæдæ,
 Гъей, рæйдæ,
 Ой, хъæбатыр Чермен!
 Ой æмæ махæн уыдзæни æнцондæр.
 Уæрæйдæ, Чермен!
 Орæйдæ, ой, дзæнæты фæбадай.
 Ой, Чермен, цом æмæ хæтынмæ фæцæуæм, загъта,
 Ой, Чермен,
 Гъе мардзæ, хъулгъайы чызджытæ тасы кæмæй сты, загъта.
 Ой, Чермен, де 'мгæрттæ дæм куы лæууынц, мæ хæдзар,
 Хæтынмæ цæуын куы хъæуы.
 Ой ...
 Ой, хъæбатыр Чермен.
 Ой, Чермен, дæ ныййарæг та дæм æнхъæлмæ куы кæсы,
 Ой, рæйдæ, ой, Чермен.
 Ой, рæйдæ.
 Ой, кæвдæсард Чермен.
 Ой, Чермен, Тлаттатае йæ нал уадзынц,
 Æй, æмæ кæвдæсардтæн хай нал кæнынц,
 Æй мардзæ, хъæбатыр Чермен.
 Æй, сæр дæ бахъуыди.
 Ой, Чермен, æрнæджытæ байуæрстой, мæ хæдзар.
 Ой, æмæ дæуæн хай нæ бакодтой.
 Ой, дзæнæты бадай.

ПЕСНЯ О ЧЕРМЕНЕ

Ой, Чермен, Тлатовы ведь разделились, ма хадзар,
 Тебя обделили, Чермен. Орайда, райда...
 Ой и ой, райда, ой и
 Орайда, орайда, ой, отважный Чермен!
 Ой, гей, Чермен! Тлатовы разделились, ма хадзар!
 Ой, и тебя обделили,
 Ой (гей), Чермен, ге-гой – орайда, орайда!
 Ой, отважный Чермен, в раю бы тебе пребывать,
 Гей, поедem, постранствуем, чтобы разжиться, Чермен,
 Ой, Чермен! Тлатовы разделились, ма хадзар!
 Ой и орайда, ой Чермен!
 Ой, и тебя обделили
 Ой, отважный Чермен!
 Ой, гей, гей,
 Ай (гей) Чермен, гей-гой, орайда, орайда, райда!
 Ой, в раю бы тебе пребывать...
 Ой, отважный Чермен! Гей...
 Ой, не бойся, не бойся, Нана,
 Если нас обделили,

¹Запис. Б.Алборовым от 70 л. Калагова Иналдыко из села Джимара.

Не посчитались с тем, откуда ты (от кого производишь),
 То нам будет,
 Гей, райда,
 Ой, отважный Чермен! –
 Ой, нам будет легче (это развязывает нам руки).
 Орайда, Чермен!
 Орайда, ой в раю бы тебе пребывать.
 Ой, Чермен, поедом, постранствуем, говорит,
 Ой, Чермен,
 Ну-ка, Чермен, кого девушки ингушские опасаются,
 Ой, Чермен, твои сверстники (друзья) ведь ждут тебя, ма хадзар,
 Постранствовать ведь собрались.
 Ой –
 Ой, отважный Чермен!
 Ой, Чермен, а родительница-то ждет тебя.
 Ой, райда, ой, Чермен!
 Ой, райда.
 Ой, в яслях рожденный Чермен!
 Ой, Чермен, Тлатовы беспокоят (тревожат) его
 И в яслях рожденному не выделяют доли.
 А ну-ка, отважный Чермен,
 Ой, покажи себя!
 Ой, Чермен, общий выгон поделили, ма хадзар,
 Ой, и тебя обделили,
 Ой, в раю бы тебе пребывать!

3. ДОЙАТЫ БАБИЙ ЗАРÆГ¹

О-ой, Баби, дзæнæты бадай, (ой) дзæнæты бадай,
 Ой, Баби, дзæнæты бадай, гъей!
 Къуылухы фырт хорз Баби!
 Гъе-гъай æмæ гъей, дзæнæты бадай,
 Къуылухы куырдадзы зæгæл-æндон.
 Гъе, мардзæ, Бади! Хъасполаты кærцы дæ мæлæндон
 Дзудтаджы куырдадзы æндон цæгъдæнтæ, –
 Дæ рæсугъд ус Хаир дын сцæттæ кодта хъæдгом бæттæнтæ.
 Немыцагмæ дзæбуджы хырхытæ, –
 Гуырдадджы цæхæрадоны ныр дæр ма ысты дæ туджы пырхытæ.

ПЕСНЯ О БАБИ ДОВЕ

О-ой, Баби, в раю бы тебе пребывать (ой), в раю пребывать,
 Ой, Баби, в раю пребывать, гей!
 Сын Кулуха (Хромца), достойный Баби!

¹Запис. Б.Алборовым от 70 л. Калагова Иналдыко из села Джимара.

Ге-гай и гей, в раю бы тебе пребывать,
 Стальной гвоздь в кузне Кулуха!
 Ну-ка, Баби! Место твоей гибели – в шубе (овчинной) Касполата.
 В кузне еврея – стальные мешалки, –
 Твоя красивая жена Хаир приготовила тебе повязки для ран.
 У немца нарезки (заготовки) для молотков –
 В огороде грузина и до сих пор видны брызги твоей крови.

4. ХАБÆТЫ БОТАСЫ ЗАРÆГ¹

Асиаджы сæныкк урс сæгъæй фæцæуа;
 Ботас куы зæгъы: Цорæты Мылыхо мын
 Мæрдты урс бæхæй фæцæуа.
 Хидыхъусы фыййæуттæ цæугæ æмæ хизгæйæ баззадысты, –
 Мæ дыууæ цъæх хойы Куырттаты комы
 Кæугæ 'мæ ниугæйæ баззадысты.
 Сæ сау хъуг ныздадис сæ цъæхсæры фæстæ –
 Ботас куы зæгъы: «Мæ сау туг ныккалдис мæ цъæх бæхы фæстæ.
 Асиаджы фыййау цæгаты куы хызта, –
 Хæдзарагаты Къæлæу Ботасæй тæрсгæйæ йæ быны куы мызта.

ПЕСНЯ О БОТАСЕ ХАБАЕВЕ

Чтобы козленок асийца (балкарца) белой
 Козой проходил всю жизнь;
 А Ботас говорит: да послужит мне белым конем
 В стране мертвых Мылыхо Цорæв.
 Пастухи Хидикуса так и остались, передвигаясь и выпасая (стадо), –
 Мои две бедные сестры в Куртатинском ущелье
 Остались, плача и рыдая.
 Их черная корова отелилась за их домом, крытым оцинкованным железом,
 А Ботас говорит: «Моя черная кровь пролилась в поисках моего серого коня.
 Пастух асийца (балкарца) на северном склоне пас (стадо), –
 Калау Хадзарагов, боясь Ботаса, мочился в постели.

5. КАКОЙЫ ЗАРÆГ²

Цорæты булкъон цъиахы цыд кæны,
 Ахсæв Како сиахсы цыд кæны
 Мæцыхъойы хъæумæ фæдис ыссæут:
 Ахсæв Како Олгинсæмæ цæудзæнис.
 Хорз Како! Дзæнæты фæбадай;
 Уæрæйд-уæрæйдæ, уæрæйд-уæрæйдæ.
 Æй-мардзæ, хорз Како!

¹Запис. Б.Алборовым от Гатази Дзусова из села Нижн. Саниба.

²Записано Б.Алборовым от Тотрова Агубемира из В.-Осетинской слободки г.Владикавказа.

ПЕСНЯ О КАКО

Полковник Цораев ходит, словно галка, –
Этой ночью Како по обычаю зятя тайно посетит дом невесты.
В селение Мацыко по тревоге пройдите –
Этой ночью Како в Ольгинском будет.
Достойный Како! В раю бы тебе пребывать!
Орайда-орайда, орайда-орайда.
А ну-ка, достойный Како!

6. АЕЛДАТТАТЫ ГАГУДИЙЫ ЗАРÆГ¹

Æфсæйнаг хъадаман дын бæндæны скъуыддзаг нæ уыди;
Ныр мын бадзурут ме 'мгæрттæм æмæ ме 'рдхæрдтæм:
Байаты Алыксимæ, Танчелаты Дзекъомæ, Бæгацаты Мылыхомæ, Дзуццаты
Мырзабегмæ...
Ныр уыдонæй ахицæн дæн æз... Хæрзбон, ме 'мгæрттæ!...
Рæхысæй хъадаман синаджы хуызæн аскъуыдтон!
Часовойы топп хæтæлы хуызæн ратыдтон. Хæрзбон, ахæстон!...
Дис ма фæкæнут, диссаг та куыnnæ у:
Æз скодтон кæттагæй бæндæнтæ, решеткæтæн бæттæнтæ.
Дыгурон фыййау нын Алидза куы уыдаид, –
Мæн мæ тыхсты Дани куы уыдаид, мæ кæстæр æфсымæр...
Хъобаны бæрæгбон нын Атынæг æмхасæн, –
Æз кæндзынæн ныр абырæг æмхасæн.
Хъобаны хостæ нын Хъарадзаутæ бахордтой –
Мæнæн паддзахы хъадамантæ мæ сау къæхтæ бахордтой...

ПЕСНЯ О ГАГУДИ АЛДАТОВЕ

Стальные кандалы не были для тебя обрывком веревки;
А теперь обратитесь к моим сверстникам и к моим друзьям.
К Алексею Баеву, Дзекъ Танчелову, Мылыхо Багацеву,
Мурзабеку Дзуцеву...
Я теперь отпал от них... Прощайте, мои друзья!...
Кандалы из цепи(сделанные) я разорвал, словно бечеву!
У часового вырвал ружье, словно стебель (палку).
Не удивляйтесь, хоть это и удивительно:
Я нарезал из холста веревки, чтобы к решеткам привязать.
Если бы дигорским пастухом у нас был Алидза, –
Если бы при моих трудных обстоятельствах Дани, мой младший брату, был
рядом.
Праздник Кобана для нас прибавка к атынагу, –
А теперь я пойду абречить, добывая себе на жизнь.
Кобанское сено у нас Караджаевы съели (израсходовали), –
Мне царские кандалы съели (истерли) мои черные ноги.

¹Запис. Б.Алборовым от Тара Алборова из села Ольгинского.

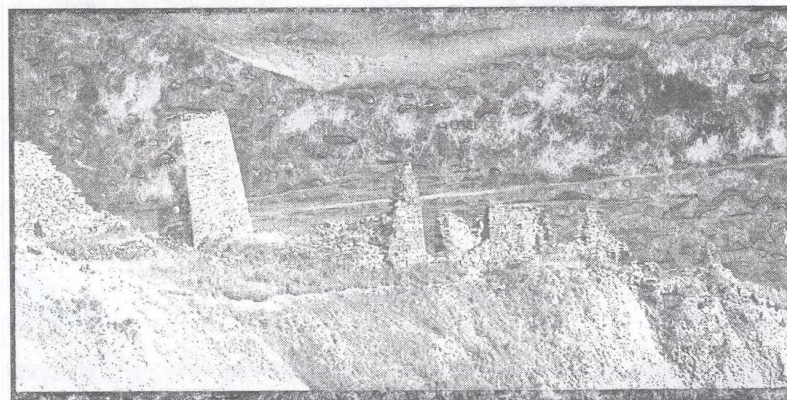
7. ТАТЕЙЫ ЗАРÆГ¹

Тате, дам, бадзуры,
Гуры, дам, хъасаби
Дзæнгæлда куы кодта.
Уæртæ дæ мамина
Дзæнгæда куы кодта:
«Мæ гыццыл Канао!...»
Дзæнгæда куы кодта
Татейы Дзауы Леуахи
Аласта, Дзауы Леуахи.
«Мæ хо, сау пысултæ скæн, –
Тате бадзуры, – мæ топп мæ асайдта...»

ПЕСНЯ О ТАТЕ

Тате, говорят, говорит:
В Гуре, говорят, забойщик скота
Искусно (виртуозно) работал (ножом, топором).
Вон твоя тетя
Болтает (не переставая, говорит):
«Мой маленький Канао...»
Тате унесла Джавская Лиахва,
Джавская Лиахва.
«Надень, сестра моя, черные одежды, –
Тате говорит: – Мое ружье дало осечку...»

¹Запис. Д.И.Аракчиевым в Хведурети Горийского уезда.

Феликс ГУТНОВ

ТЫРСЫГОМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

В оформлении использована фотография крепости Четойта

О

Памяти Агудза БАЦИЕВА

дно из красивейших ущелий высокогорного Кавказа — Трусовское — богато всем, что может привлечь внимание человека: быстрые реки, многочисленные минеральные источники, красивая природа, плодородные долины, альпийские луга, пастбища, разнообразные архитектурные памятники прошедших эпох и т.д. В середине 80-х годов Северо-Осетинский НИИ организовал в это ущелье две экспедиции (руководитель - В.Х. Тменов), участником которых был и автор этих строк. В данной статье мы познакомим читателей с фрагментами дневниковых записей и своего рода историческими зарисовками. Собранная информация, разумеется, далеко не полная. Но и то, что собрано, представляет несомненный интерес, поэтому-то мы и решились на данную публикацию. Считаем так же своим долгом выразить признательность покойному А.С. Бациеву, в свое время предоставившему в наше распоряжение записи исторических преданий.

Первым у истоков Терека стоит селение Сивыраута. По свидетельству информаторов, в нем проживали Каллаговы и Габуловы. В Сивыраута сохранилось 4 башни, но никто не знает, кому они принадлежали. Выше, на перевале, расположено сельское святилище — Алардыы кувандон. К святилищу приходило только один раз в год. Причем приближаться к святилищу всем, кроме дзуарлага, запрещалось. Исключение делалось крайне редко и лишь для тяжело больных. В остальных случаях собравшиеся за 800 метров до святилища останавливались, снимали обувь; дзуарлаг произносил молитву, а затем один поднимался к святилищу и нес собранные мысыйнагта.

Столь жесткие правила станут понятными, если вспомнить, что Аларды — святой патрон оспы. Это самое суровое и особо почитаемое божество осетинского пантеона. По словам В.А. Калоева, «культ Аларды связан с древним ритуалом очищения от эпидемических заболеваний и специально от оспы». Эта страшная болезнь в XIII веке из Азии была занесена в Европу. На протяжении нескольких столетий эпидемии оспы уносили сотни тысяч жизней. Только в Российской империи от нее ежегодно умирали в среднем 40-50 тысяч человек.

В Осетии страх перед божеством оспы — Аларды — был столь велик, что в молитвах оспу называли не иначе как «дзуар» — божество. Самого же Аларды награждали эпитетами «рухс» (светлый), «сырх» (красный), «сызгъарин» (золотой), «сызгъарин базыр» (златокрылый), «базырджын» (крылатый). Обращаясь к

другим святым, осетины нередко просили заступничества перед Аларды.

Култ Аларды был построен на страхе перед его гневом, на почитании и ублажении. Считалось необходимым задабривать и благословлять дзуар. Вместе с тем осетины стремились ни под каким видом не приближать Аларды к себе. Это привело к тому, что святилища возводились в противоположную от села сторону.

К сказанному можно добавить, что название селению дано, очевидно, из-за местности, по форме схожего с «сивыр» — осетинской деревянной тарелкой овальной формы.

Следующее селение, которое мы посетили во время экспедиции — Рес, расположенный на одноименной горе. До переселения в 1944 году в Ресе проживало около 50 дворов. По словам информатора Федора Куссаева (1910 г. рождения), в селении жили Куссаевы, переселившиеся сюда из Цимити, Кадзиёвы из Унала, Калмановы из Куртатинского ущелья, Закоевы, Габулаевы и Каллаговы. Последние переселились из Сивырауга, а до этого жили, видимо, в с. Джимара Северной Осетии. Основатели селения первоначально построили башню между Ресом и Тъепом. Позже осели на месте современного Реса. Из архитектурных памятников сохранились два ганаха Кудзиёвых и башня Габулаевых. Из святилищ здесь отмечены, помимо Аларды, капища в честь Ресы Уастырджи и Уацилла.

Следующее селение — Тъеп. Этимология неизвестна, но можно отметить, что в Уалладжире есть гора Тъепли-хох. До переселения в 1944 году в Тъепе насчитывалось 45 дворов, преимущественно Каллаговых — выходцев из Джимары, и Калоевых из Закинского ущелья. Как сообщил Миш Каллагов (1897 г. рождения), из этой фамилии выделилась ветвь Хубегата. В селении обследованы 3 башни и ганах. Особый интерес представляет одна из башен Каллаговых. Вход в нее украшен резьбой по камню с изображением мужских фигур в кавказской одежде, схематичным изображением животных, солярными знаками и петроглифами.

Ниже по течению Терека находится селение Джимара. До 1944 года в нем насчитывалось 45 дворов Берозовых, Боцоевых, Бидаровых и Абаетовых. Здесь много архитектурных и культовых памятников. В частности, вызывают интерес две башни Берозовых, две Боцоевых и одна Бидаровых. Интересны и культовые места — Дуцан дур, Тбауацилла, Хохы Уастырджи, Мад и Аларды кувандон.

Основателями селения являлись Берозовы, переселившиеся сюда из Джимары Северной Осетии. Новое поселение получило название по «имени» прежнего их места жительства. Согласно родословной Берозовых, их предки оказались в Тырсыгоме

примерно 500 лет назад. Данные генеалогического предания подтверждаются письменными памятниками. Берозовы упоминаются в статейном списке 1604-1605 годов русских послов в Грузии Михаила Татищева и дьяка Андрея Иванова. Послы сообщили об «Аристову князя приказчике Берозове». В ауле последнего останавливался грузинский «архиепископ и цареви ближние люди». 4 августа 1604 года, писали послы царю России, — «в Берозове кабаке встретили нас, холопий твоих, Аристовой матери дворецкий... да с ним два азнаура». Как видно, Берозовы в то время были приближенными Ксанского эристава. А сам эристав происходил из аланского княжеского рода Сидамонта.

Следующее селение — Цоцолта. До 1944 года здесь проживало 40 дворов. По словам информатора Дзинка Дзантиева (1895 г. рождения), в Цоцолта жили Дзантиевы из Даргавса, Такаевы и Магкаевы из Заки; на окраине селения расположены два двора, хозяев которых местное население называют «Дигуры Булацата». Как здесь рассказывают, в давние времена из Дигории бежал крестьянин. Первоначально он остановился в Хъаратыкау, где его приютили Булацевы. Затем он переселился в Цоцолта, а за его потомками закрепилось название «Дигуры Булацата».

Магкаевы проживали прежде в Закинском ущелье. Их предки на рубеже XVII-XVIII вв. известны как Елихановы, затем — Азовы. У Елихановых скрывались грузинские цари Георгий и Арчил, сыновья последнего Мамука и Александр (впоследствии соратник Петра I и первый фельдцейхмейстер русской артиллерии). В 1688 году воцарившийся в Картли Ираклий I по требованию проиранских кругов послал Бардзима с войском для захвата детей Арчила. Однако осетины во главе с Елихановым вынудили вернуться их ни с чем.

В 1719 году часть Елихановых переселилась в Закавказье. Один из Елихановых — Зураб — воспитывался при дворе грузинского царя. В 1724 году он с царевичем Вахтангом выехал в Россию: 10 лет прожил с ним в Москве и Санкт-Петербурге; в 1734 году вернулся в Северную Осетию. Впоследствии Зураб стал инициатором первого осетинского посольства в Россию. В документах середины XVIII века он предстает как Зураб Егоров сын Азовов, а его сын — Дмитрий Азовов. Через столетие члены группы родственников, к которой они принадлежали, стали носить фамилию Магкаевых. Следовательно, в Трусовское ущелье они переселились не раньше середины XIX века.

Из культовых сооружений рассматриваемого селения следует отметить расположенный в его центре Цоцолты-дзуар.

Рядом с Цоцолта расположено другое селение — Бурмашиг; до 1944 года в нем проживало 15 дворов Туаевых. В северной части селения находится бывшая боевая четырехъярусная баш-

ня высотой 12 м. Но еще в дореволюционное время она превратилась в святилище и стала именоваться «дзуармашиг». Прямо над входом висит колокольчик, внутри резные пенальчики для «святых» предметов; иконы — одна печатная начала XX века, две рукописные конца XIX — начала XX вв. Последние написаны маслом на грунтованном картоне. Из других предметов следует указать на две старинные рюмки, пулю от шомпольного ружья и керенские деньги — купюра в 100.000 руб.

В ауле находится также полуразрушенный ганах Туаевых. Высота башни — 6 м.

Мидаг Тырсы или Внутреннее Трусо заканчивается Хъаратыкау. Прежде в нем насчитывалось 30 дворов. По данным Илико Булацева (1884 г. рождения), селение населяли Уртаевы из Даргавса, Булацевы из Цимити, Калуевы и Кумаллаговы из Даргавса.

Как и в других местах, здесь имеется несколько святилищ, например, в честь Уастырджи и Мады Майрам. Самым главным культовым сооружением не только этого аула и даже не только ущелья в целом является Таранджелос. Культ его был настолько популярен среди наших предков, что упоминание о нем есть в нарттовском эпосе. Напомним, что после смерти одного из главных нарттовских героев Батраза Бог «три слезы уронил на тело героя». После этого духи смогли похоронить Батраза в Софийском склепе. «А слезы Бога скатились на землю, и в тех местах, где упали они, встали три святилища: Таранджелос, Мыкалгабырта и Реком».

Таранджелос расположен на краю высокой горы и хорошо виден на большом расстоянии как с берегов Терека, так и Суатиси.

К северу от Хъаратыкау расположен Уастырджий-дзуар. Это старое, разрушенное, в плане — прямоугольное святилище; стены высотой не более полутора метров. Вершины трех стен находятся на уровне земли, то есть дзуар фактически помещен в искусственной яме. В 15 метрах к северо-западу от данного святилища на обломке скалы неправильной формы сооружен так называемый «новый» дзуар высотой около метра. Сложен из небольших плоских камней. На вершине стоит каменный крест высотой 45 сантиметров и шириной 25. На северо-западной стороне скалы в 55 сантиметрах от основания вмонтирована плита с надписью: «Каменн(ый) крест поставл(ен) во славу Победоносцу Св(ятому) Георгию. 1889 г. Анев Уртаев».

На южной стороне аула внутри каменной ограды высотой 170 сантиметров был обследован Сыхы дзуар.

Вообще в Хъаратыкау много разнообразных каменных построек. Возведением многих из них связывается с Уртаевыми, считающимися искусными строителями. Уртаты машиг, возведен-

ная ориентировочно в XVII-XVIII вв., контролировала северную окраину селения. Высота одной из сохранившихся стен равна 13 м.

К югу в 25 метрах от Уртаты машиг — сильно разрушенная «безыманная» башня, сложенная из скальных обломков невероятных размеров. Техника кладки специалистами определяется как «циклопическая» и связывается с аланами. Вероятно, к моменту появления здесь выходцев из равнинной Осетии прежнее аланское население либо ушло, либо вымерло, оставив в память о себе эту башню. Новые жители использовали «безыманную» башню как святилище Мады Майрам.

К «безыманной» башне примыкает комплекс Булацевых из ганаха и хозяйственных построек. Более крупный комплекс Булацевых сохранился в центре селения.

Помимо перечисленных архитектурных памятников, в Хъаратыкау были обследованы башни Уртаевых и Кумаллаговых.

Недалеко от слияния рек Терека и Суатиси лежит два аула — Верхний и Нижний Дес. Как рассказывали Каргаевы — Петр (1913 г. рождения) и Парфирий (1924 г. рождения), в первом селении жили Хамицевы из Урс Туалта, Каргаевы и Казиевы из Куртатинского ущелья, один дом Татровых и один — Саудзаццата. К настоящему времени не сохранилось ни одной башни. К западу от селения, на возвышенности, находится Деси Уастырджийи куwandон. Рядом с новым святилищем, построенным лет 55 назад, расположено старое, сложенное из обработанных камней. Сверху капище украшает каменный крест. Старожилы поведали предание о том, будто некие пастухи как-то взяли в святилище колокольчики, но в тот же день передрались и убили друг друга. Праздник Деси Уастырджи отмечается одновременно с осетинским праздником Атинаг.

Нижний Дес населяли Мириковы, Салбиевы и Хамицевы. Из архитектурных памятников особый интерес вызвала сильно руинированная полукруглая башня на западе селения. Она сложена из скальных обломков огромных размеров. Строение с циклопической кладкой без связующего раствора. Первоначальную высоту определить трудно, ибо стены разрушены. Вся внутренняя часть завалена глыбами столь же большими, как и в стенах. По типу постройки и технике кладки башня может быть отнесена к наиболее архаическим памятникам Тырсыгома. Ее можно связать с аланами, тем более, что рядом на кладбище найдена аланская надмогильная плита с надписью. Население Нижнего Деса использовало башню как святилище Мады Майрам; сюда приводили невест.

Сильное впечатление оставляют комплексы XVII-XVIII вв. с мощными заградительными стенами. Один принадлежал Салбиевым, другой — Мириковым.

Следующее поселение — Четойта — нельзя назвать селением, это скорее средневековый замок или крепость. Крепость расположена на естественном скальном выступе на левом берегу Суатисидон у ее впадения в Терек. Природа хорошо позаботилась об обороне Четойта — подступы к нему чрезвычайно крутые. Вершины и все склоны застроены оборонительными, жилыми и хозяйственными сооружениями, примыкающими друг к другу. В совокупности они представляют собой стройную оборонительную систему. Строения уступами спускаются к основанию скалы в направлении с севера на юг. Поселение огорожено высокой каменной стеной. Кроме этой огады, еще по две стены, постепенно сужаясь, шли к югу и к северо-западу. На северо-западной окраине поселения расположена мощная боевая башня. Входной проем — на высоте 4-х метров, толщина фасадной стены — более полутора метров.

Ганах Четоевых находится в восточной части укрепления, примерно в 50 метрах юго-восточнее боевой башни. Ганах сложен насухо из небольших по размеру камней и сланцевых плит, в основании — массивные блоки. Камни слегка стесаны. В фасадной стене на высоте почти 3 м от земли устроен арочный входной проем, замковый камень выпал. Толщина фасадной стены около метра. В стенах устроены бойницы; в восточной и южной — по две, в северной — одна.

На юго-восточной оконечности скалы высится машиг Четоевых, фасадом ориентированный на запад. Состояние аварийное, весь юго-восточный угол обрушился.

Между правым берегом Суатисидон и Тереком примерно в 100 метрах от Четойта был обследован холм, имеющий три названия: «Четойты уалмардта», «Барзыбын» и «Гыбыдыбын». Холм обнесен булыжной ниточкой. На холме внутри огады, сложенной из обработанных камней, сохранились развалины, прежде служившего кувандоном.

На «Четойты уалмардта» хоронили, очевидно, сначала на западной стороне, затем — на восточной. Имеется несколько захоронений предвоенной поры. Точно определить время, когда холм стал использоваться под кладбище, пока невозможно, но не исключено, что в этом качестве он использовался дважды. Как показали визуальные наблюдения, на холме 386 захоронений, включая несколько могил довоенной поры. Можно предположить, что данный холм стал могильником к концу XVIII в. Но, повторим еще раз, холм мог использоваться как кладбище вторично. По резонному предположению Р.Г. Дзаттиаты и В.Х. Тменова, под верхним слоем могил на некоторой глубине находится второй слой. Только раскопки могут проверить это предположение. Но косвенно его подтверждает найденный здесь В.К. Тотровым алан-

ский надгробный крест XIV века. На нем четко видна надпись, выполненная на осетинском языке сирийско-несторианским письмом. Она гласит: «х/у/цауы цагъар Ван ама/р/ди. А й/ы/н мыс/и/н/а/гы тха й/ы/н ыс й ко/т/тон Х/ы/л/ы/кь/а/х. Хь/а/н/г/ы/н дан Ал/ы/хъацты /м/м/ы/гг/а/гай». В переводе она означает: «божий раб Иван скончался. Это ему памяти ради ему сделал я Хылках. Удрученный /я/ есть из Алкасовых фамилии». Под надписью стоит и дата, в современном летоисчислении соответствующая 1326 году.

Рядом с холмом «Четойты уалмардта» находится «Таренджелосы кувандон». Он сложен из сланцевых плит и неотесанных камней. Верх капища венчает каменный крест высотой 35 сантиметров. Здесь оставались те люди, которые не могли подняться к святыни Таранджелос на высокой горе.

С холмом «Четойты уалмардта» связано интересное предание. Согласно фольклорной традиции, в давние времена какой-то кабардинский князь, пройдя с боями Дарьял и Коби, пошел на Тырсыгом. После продолжительных и ожесточенных сражений ему удалось ворваться в ущелье. В битве у крепости Четойта погиб его единственный сын. Князь приказал каждому воину принести в ладонях землю и сыпать ее в одном месте. Так образовался курган, в котором, будто бы, князь похоронил своего сына.

Насколько можно судить, основой этого фольклорного памятника послужили реальные события XVI века. Средневековый Кавказ отличался крайне нестабильной политической обстановкой. Многочисленные блоки феодалов непрерывно воевали друг с другом, принося немалые беды рядовому населению. В середине XVI века особенно острым было противостояние группировки кабардинского князя Темрюка Идаровича и князя Пшеапшоку Кайтуковича с его сторонниками, включая дигорских, куртатинских и тагаурских феодалов. В группировку Кайтуковичей входил также и ксанский эристав, происходивший из ветви Сидамонта аланских аристократов.

В сентябре 1562 года Иван Грозный — зять Темрюка — послал в помощь тестю отряд Григория Плещеева в составе 500 стрельцов и 500 казаков. По тем временам это была значительная сила. С помощью отряда Плещеева Темрюк пошел на владения Пшеапшоку Кайтуковича и осетинских феодалов, где «мирзу Телишку убили и людей многих побили». Затем он двинулся в Закавказье и взял «кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, а людей многих побили и в полон имали. Да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака и Дудыля».

Возможно, с этим походом связано возникновение в Труссовском ущелье предания о кабардинском князе и его сыне.

В двух километрах от Четойта, вверх по Суатисидон, обособленно от остальных поселений Тырсыгома, лежит селение Суатиси. До переселения в 1944 году в нем насчитывалось более 50 дворов Бациевых, Агкацевых, Самбеговых, Бекоевых, Тхостовых, Бизиковых, Касаевых, Елоевых. Из архитектурных памятников относительно хорошо сохранились башни Касаевых и Елоевых, совместная башня Бациевых, Агкацевых и Самбеговых. Причем последняя башня именуется «Харисджины машиг». Не исключено, что это название как-то связано с одноименным аулом в Куртатинском ущелье.

Касаты машиг находится в северо-восточной части селения. Стены толщиной в метр сложены из аккуратно подогнанных каменных плит. Высота ее — двенадцать с половиной метров. Бойницы замурованы под кладку стен и снаружи почти неразличимы. Толщина фасадной стены более метра. Кладка стен в интерьере более грубая; сохранились следы глины, обмазки.

«Харисджины машиг» стоит на западной окраине села, на левом берегу Адагдона. Сложена из разнообразных камней. Была разрушена ударом снежной лавины. Недалеко от этой башни находится разрушенный машиг Касаевых, сложенный из средних по размеру плит. Кладка сухая, швы затерты глиной.

К северу от селения, примерно в 450 метрах, на правом склоне Касатыком отмечены руины древнего поселения, именуемого «Кау-уатта». В центре этого поселения сохранился фундамент башни. Кладка из необработанных камней. В 50 метрах выше по склону отмечены остатки еще одной башни, сильно руинированной. Судя по характеру кладки, обе башни значительно древнее других историко-архитектурных памятников Суатиси. По сведениям местных жителей, под святилищем Санибы, расположенным непосредственно у селения, находится могильник «Цариаты инганта». Не исключено, что он имеет отношение к «Кау-уатта».

Самой большой фамилией Суатиси являются Касаевы. Ее многочисленность связана не только с естественным ростом, но и увеличением за счет людей, вступавших под их покровительство и принимавших их фамилию. Касаевы до революции были бессменными дзуарлагами Санибайы дзуар. Праздник в его честь отмечается ежегодно 19 августа. Два дзуарлага выносят из церкви знамя с колокольчиками, иконы и поднимаются на гору вместе со всеми желающими. Знамя представляет собой древко с белыми и бирюзовыми лентами. Из икон одна современная, другая — литография рубежа XIX-XX вв. Все перечисленные предметы на горе заносят в маленькую церковь. Снаружи идет праздничная трапеза, сопровождаемая песнями и танцами. Дзуарлаги с иконами и знаменем совершают обряд: нечетное количество раз обходят церковь и останавливаются у входа. Люди пооче-

редно подходят к ним. Дзуарлаги крестят входящих, желают всем добра, чтобы Саниба помог каждому. По дороге вниз старший дзуарлаг произносит здравницы и пожелания сельчанам. В селении праздник продолжается.

Большой популярностью в Суатиси пользуются предания об их предках, например, о бесстрашном Сабане Бекоеве, жившем в середине XIX века. Каждая фамилия знает историю появления их предков в Суатиси. Так, Бациевы рассказывают, что их далекие предки жили в Мамисоне. Некто по имени Бацц влюбился в красавицу из рода Кучиевых. Неоднократно он сватал ее, но из-за имущественного неравенства девушку отдали не за него, хотя они и любили друг друга, а в зажиточную семью Гутиевых. Вскоре у них родился сын, но умер муж. Узнав об этом, Бацц тайком увез свою возлюбленную вместе с ребенком. Опасаясь гнева как Гутиевых, так и своих родственников, Бацц не вернулся в Мамисонское ущелье, а переехал в Суатиси. Здесь у него родился сын, ставший продолжателем рода Бацц. Так возникла фамилия Баццата. Судя по количеству колен в генеалогической таблице Бацциевых, их предок обосновался в Тырсыгоме в середине XVIII века.

Название следующего селения — Абана — в переводе означает «теплый источник». До 1944 года в этом ауле насчитывалось 20 дворов Гудиевых, Сапиевых, Бизиковых, Цаболовых и Караевых.

Из архитектурных памятников Абана особо следует выделить башни Бизиковых, братьев Гудиевых и святилище Мады Майрам.

О башне Гудиевых рассказывают следующее предание. Как-то в давние времена двое братьев Гудиевых решили жить раздельно. Один построил башню. Другой, позавидовав, также решил выстроить башню и заявил брату: «Я должен построить башню выше, шире, крепче и красивее твоей. Сверху буду смотреть на тебя и бросать к тебе во двор камни». Однако не построив башню, умер. Интересно, что в недостроенной башне на двух камнях у основания отчетливо видны трещины. По преданию, камни треснули от горя, когда умер хозяин башни. Вскоре после этих событий Гудиевы переселились в Окрокана Кобинского ущелья.

В южной части Абана отмечены остатки башни Бизиковых, сложенной из массивных каменных блоков. Обращает на себя внимание грубая, но мощная кладка стен. Судя по кладке, башня Бизиковых — самая древняя в Абана. По свидетельству местных жителей, в праздничные дни у стен машига совершались торжественные молебны.

Святилище Мады Майрам находится на скале на левом берегу Терека. Оно представляет собой четырехугольную в плане

постройку, сложенную насухо из различного размера плит из сланца и песчаника. В нескольких местах в стенах высечены кресты, сделаны ниши для жертвоприношений. Сюда приводили невест на второй день после свадьбы. Дважды в год — в дни Майрамы къуазан и Джоргуба — здесь отмечали праздник. Торжественные застолья имели смысловую нагрузку: люди как бы поручали детей заботам святилища.

Наконец, последнее исследованное экспедицией Северо-Осетинского НИИ селение — Четырс. Здесь жили Кокаевы из Ламардона, Касаевы из Заки, Цаллаговы из Унала, Четоевы и Караевы. До 1944 года здесь насчитывался 41 дом. Прежде селение находилось на левом, высоком берегу Терека. Но паводки часто подмывали берег, из-за чего жители переехали на другой. На месте старого поселения сохранилась башня высотой более 14 метров. Сложена из разного размера сланцевых плит и грубо обработанных камней. Частично сохранилась глиняная затирка швов кладки. Толщина фасадной стены свыше метра. Бойницы для огневого боя почти неразличимы.

В Четырсе очень много интересных преданий. Здесь так же, как и в других местах, утверждают, что Тырсыгом трижды заселялся и трижды население вымирало. А последнее заселение, будто бы, связано с человеком по имени Чето. Какая-то доля истины в этом утверждении есть. Большинство современного населения — потомки переселенцев конца XVI-XVIII вв. из разных ущелий Осетии. А ведь до этого здесь кто-то жил. Об этом говорят остатки безымянных аланских башен, заброшенных аланских поселений, Трусовская надпись 1326 года на осетинском (аланском) языке и т.д.

Утверждение фольклорной традиции о том, что население Тырсыгома трижды вымирало, также имеет реальное основание. Эпидемии резко сокращали численность населения всех регионов мира. Так, страшная эпидемия, получившая название «черной смерти», в XIV веке поразила всю Азию и Европу, в том числе и Кавказ. Об этом писала русская летопись 1346 года: «Быть мор на бесермены, и на татары, и на армяне, и на обезы, и на жиды, и на фрязы, и на черкесы, и на всех тамо живущих, яко не было кому их погребать». О новой эпидемии у горцев сообщает летопись 1364 года. В Дагестане найдена старинная запись на арабском языке о том, что в 1378 году здесь свирепствовала «большая чума». Далеко по неполным данным, эпидемии чумы и неурожай отмечены на Кавказе с XIV по XVII век 31 раз!

Разумеется, беды и лишения влияли на демографическую ситуацию в Тырсыгоме. В какие-то моменты отдельные поселения ущелья вполне могли опустеть.

Если речь вести о нашей эре, то первая волна ирано-язычных пришельцев в Тырсыгом бесспорно доказывается материалами VI века (это не означает, что аланы, сарматы или скифы не могли осесть здесь раньше). По предположению Р.Г. Дзаттиаты, аланы, обосновавшиеся в с. Едыс, в Южную Осетию пришли из Тырсыгома. В дальнейшем миграция алан в Закавказье не прекращалась. Самая мощная волна приходится на Золотоордынский период. Территория Тырсыгома в конце XIII — начале XIV веков входила в сферу влияния аланских аристократов, в частности — царевичей Фареджана и Багатара. Рассматриваемая территория привлекала внимание и ксанского эристава, происходившего из ветви Сидамонта аланских феодалов. Однако, как подчеркивают грузинские источники, свободолюбивые и воинственные трусовцы долгое время успешно отражали нападения эристава. В конце XIV века ксанский эривав Виршел совершил поход в Трусовское и Кобинское ущелья. Решающее сражение произошло у селения Мна. Хроника, называемая «Памятник эриставов», так описывает это событие: «И была битва жестокая, ибо люди те были ловкими воинами, храбрыми и богатыми, и полностью в доспехах. И было (пущено) множество стрел, подобно дождю частому, и (брошено) множество камней, подобно граду... Тогда были убиты от большого числа стрел главы и богатыри их: Сунгу, Фареджан, Амсаджан, Багатар и многие другие».

Создатель хроники объединил несколько разновременных событий, ибо Фареджан умер в конце XIII века, а Багатар в 1304 году. Та же хроника утверждает, что и после этой битвы трусовцы и кобинцы не подчинились эриставу Виршелу. Тогда, собрав воинов, он обратился ко «всем старшим и всему войску»: «Мы уделим им время (и) либо опустошим страну их, либо же превратим их в слуг и податников наших». Виршелу удалось покорить нижних туальцев. Они прислали заложников и обязались платить дань. Виршел расширил границы владений до Коби.

Третья, последняя волна миграций осетин в Тырсыгом, положившая начало современному населению ущелья, приходится на XVI-XVII века.

Этим сюжетом мы заканчиваем рассказ о Трусовском ущелье. Разумеется, рассказ далеко не полон. Нужны новые изыскания и не только в этом ущелье, но и в других местах Осетии. Ибо тот народ имеет будущее, который помнит и чтит свое прошлое.

В.М. ЦАГОЛОВА

«ПОСЛЫ ГОР»

Сослан
РАМОНОВНАЦИОНАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА
В ТРИЛОГИИ

О

дним из писателей-романистов, внесших существенный вклад в осетинскую историческую прозу, является Василий Македонович Цаголов, который разработал совершенно новую тему в осетинской литературе – начало развития русско-осетинских отношений в 18 веке.

Недаром В.Г. Белинский считал жанр романа показателем зрелости национальной литературы. Именно он лучше, чем какой-нибудь другой жанр, дает писателю возможность развернуть жизненное полотно со сложными взаимоотношениями людей и целых сословий, классов, через типическое обнажить суть общественных явлений, тенденций их развития, показать самого человека, сложный мир его мыслей и чувств. Все это по праву можно отнести и к трилогии В.М. Цаголова «Послы гор»¹. Автор дает широкий срез общественно-политической и социально-культурной жизни Осетии в период ее сближения с Императорской Россией.

¹ Можно предположить, что объединение трех авторских книг – «Послы гор», «Ожидание» и «Месть» общим понятием *трилогия* «Послы гор» вызовет определенные вопросы, но исходя из того, что эти три самостоятельные произведения объединены в одно целое общим идейным замыслом, сюжетом, героями, а также учитывая мнение автора, который сказал: «...все три книги я бы назвал «Послы гор» (стенограмма беседы с писателем от 20.10.96), мы считаем возможным придерживаться понятия *трилогия* относительно трех вышеназванных произведений.

Временной отрезок трилогии охватывает почти четверть века¹, в романах задействовано свыше ста персонажей...

Хочется особо обратить внимание на то, что у Цаголова в трилогии, помимо вымышленных типических, как главных, так и второстепенных персонажей, активно задействованы и реально существовавшие исторические лица. Всех их можно разделить на несколько социальных групп:

1. Императрица и ее близкое окружение (Елизавета Петровна, ее первая фрейлина Мавра Шувалова и кузина Анна Скавронская...);

2. Титулованное дворянство в аппарате управления абсолютистской монархии – канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, вице-канцлер М.И. Воронцов, начальник тайной канцелярии А.И. Шувалов, обер-прокурор синода князь Шаховской, обер-прокурор сената Брылкин, сенатор Голицын, генерал Бутурлин, посол М.А. Обрезков, президент Берг-коллегии граф Петр Богданов, губернатор Астраханский генерал-майор Бекетов Н.А. и другие;

3. Дворяне из феодальной верхушки нерусских народов, входивших в состав Российской империи – грузинские феодалы, приехавшие в Россию с царем Вахтангом VI – архиепископ Иосиф, архимандрит Пахомий, советник Санкт-Петербургской губернской канцелярии Евгений Амилахаров, проходимец-авантюрист князь Иосиф Эристов и другие.

4. Представители графских и княжеских фамилий – дети князей Голицыных Анастасия и Андрей, княгиня Екатерина Кантемир, Великий князь Петр Федорович, Елена, дочь обер-секретаря сенатской канцелярии Степана Федоровича Апраксина и другие.

5. Члены осетинской делегации Зураб Елиханов, Патермир Кутат (Батыр), Эба Кесаев...

Безусловно, что для создания такого исторического полотна, как «Послы гор», необходимо хорошее знание писателем контекста – всей совокупности исторических событий, фактов, быта, языка, нравов и т.д. определенной эпохи. Для воссоздания исторических реалий России 18 века В. Цаголову «пришлось с головой окунуться в архивные материалы, изучать богатейшую историческую литературу, в музеях страны знакомиться с бытом и образом жизни старых русских городов, с нравами столицы и придворных кругов, с политикой и дипломатией того времени»². Это и послужило материальной основой «Послов гор». Со слов

¹ Согласно историческим документам (см. кн. М. Блиева: «Русско-осетинские отношения», ИР. 1970, с. 73-96), Сенат в ноябре 1744 года решил направить в Осетию особую духовную комиссию для распространения христианства... С этих событий начинается первая книга трилогии (см. гл. вторую, пятую, десятую *части первой*); последняя книга трилогии – «Месть» завершается двумя историческими документами, датируемыми 1768 г. Следовательно, события трилогии разворачиваются в строгих хронологических рамках – 1744-1768 гг.

² Девлет Гиреев. Всегда в пути. Литературная Осетия, 1980, №56, с. 128

автора, благодаря встрече с профессором истории М. Блиевым, он имел возможность ознакомиться с «сухими документами об осетинском посольстве» (Ныне сборник «Русско-Осетинские отношения». Орджоникидзе, ИР, 1976). В течение года был написан первый роман трилогии, и его рукописный вариант был отправлен в Институт Истории Академии Наук СССР, откуда приходило положительная рецензия... Как вспоминает сам автор: «Послы гор» написаны в одной из гостиниц Москвы в течение года; «Ожидание» и «Месть» на одном дыхании во Владикавказе» (стенограмма беседы с писателем от 20.02.96).

Первый роман больше «отцентрирован» на конкретном историческом факте приезда осетинской делегации в Москву, а затем и в Петербург¹. В нем на «главную тему работают Зураб, Эба, Бестужев, Трубецкой, Пахомий, иеромонахи – вот они главные, они стержень, ...на них вся нагрузка и они тащат телегу историческую...» (стенограмма беседы с писателем от 20.02.96). Роман «Ожидание» – «это стопроцентный вымысел автора» (стенограмма от 20.02.96), а роман «Месть» – «личностные отношения» (стенограмма от 20.02.96). Но уже, начиная с первой книги, и далее, в двух последующих, помимо основной идеи – необходимости союза с Россией, писатель показывает постепенно развивающиеся внутренние, межнациональные противоречия, начиная от элементарного «понятийного» уровня до уровня сложных социально-политических и этногенетических проблем...

В.М. Цаголов вскрывает непростые, порой драматические личностные взаимоотношения представителей двух народов...

Если в первой части трилогии «Послы гор» начало взаимоотношений между осетином из Зака Баззе и дочерью Кизлярского купца Прохора Анной символизировало собой зарождение крепкого дружественного союза между осетинами и русскими, включающего в себя начало политических, социальных и экономических предпосылок², то уже во второй книге «Ожидание» писатель затрагивает проблему социальной адаптации в иноэтнической среде, началом которой является «...драматический разговор между отцом и дочерью с зятем при отъезде семейной четы на родину Баззе»³.

– Мы завтра Дунетхан пойдем Заки. Мужчина асатын стыд-но жить твой дом, и ты, Прохор Алексеевич, понимай, это плохо! (говорит Баззе – С.Р.).

¹ Т.е. на событиях, разворачивающихся до поездки представителей Осетии в Москву и событий, происходящих во время пребывания осетинских послов в Москве, а затем и в Петербурге.

² Баззе устанавливает деловые отношения с купцом Прохором Коршуновым, частично перенимает привычки купеческой прослойки, благодаря любовным взаимоотношениям с Анной глубже проникает в «русскую среду».

³ Андрей Турков «О современной осетинской литературе». Альманах «Литературная Осетия». Орджоникидзе, ИР, 1988, с. 61-62.

– Почему же, негодник, когда сватался к Анне, не признался, так, мол, и так, у осетинцев не по-людски все? Не видать бы тогда ему Анны... (внутренний монолог Прохора – С.Р.).

Как сказал Андрей Турков: «...Перед нами, если можно так выразиться, идиомы национального мышления, когда свойственная одному народу манера себя держать, устоявшиеся обычаи совершенно непонятны представителям другого – в результате может возникнуть опасное взаимонепонимание, отчужденность...»¹. Что и происходит вскоре по приезде Анны на родину мужа.

Оторванная от дома, выросшая в вольных казацких степях Анна оказывается в горном ауле, где сразу подвергается ostracism со стороны многих местных жителей. Соседка-осетинка Меретхан, старейшина рода Кесаевых Агудз и другие открыто высказывают свое неуважение «пришелице» и осуждают Баззе.

Дело доходит до того, что Меретхан жестоко оскорбляет жену Баззе, вернув насильно платок, который Анна ей подарила. По Зака ползут разговоры, что «зачем она (Анна – С.Р.) ему (Баззе – С.Р.) нужна, что Баззе пошел против обычаев...» и с ним «позорно жить в одном ауле...» Старейшины Зака, такие, как Годакко, выражают тревогу за чистоту родника, боятся перерождения осетин. Другой старший, Агудз, заявляет в более категоричной форме:

– Попомни, поступок Баззе – предвестник наших бед... не в русских наше благополучие.... Ты наблюдал обвал в горах?..

– Вот так и поступок Баззе! Он предвещает лавину, гибель всем...»²

Только искренняя чистая любовь к Баззе, чувство супружеского долга, участие и помощь товарища мужа Батчери удерживают Анну от попыток вернуться в родной Кизляр. Поэтому неудивительно, что после трагической гибели Баззе, когда ничто ее больше не связывает с Зака, Анна демонстративно не берет себе фамилию супруга и меняет имя своего ребенка Саукудз на Фрол. На ныхасе звучат полные силы и вызова резкие слова: «Отныне я и в горах Анна, а Саукудз – Фрол. Мы происходим от Коршуновых...»³.

И, наконец, в заключительной части трилогии, в романе «Месть», отношения между осетинами и русскими приобретают ярко выраженный драматический, трагедийный характер, что убедительно показано автором на примере Анны Коршуновой и ее сына Фрола, а также на примере семьи старого казака из Кизляра Мефодия и его сыновей Силантия и Степана.

Одна, в чужом для нее ауле, вдова Анна растила сына Фрола, воспитывая его в уважении к памяти о Баззе, в попытках пере-

¹ Там же, с. 61-62.

² Ожидание. Владикавказ, ИР, 1996, с. 113, 116.

³ Там же, с. 176.

дать ему любовь к отцовской земле... Но сама она уже давно «окаменела сердцем», не «прибилась душой к осетинцам», «затаила жгучую боль в сердце...» Между нею и «осетинцами» выросла «глухая стена... Что же ее удерживает в Зака? Почему она не вернется в Кизляр, как это сделал ее сын Фрол?..

«Удерживает? могила мужа, без нее зарастет чертополохом...»

Примечательным является и то, как она встретила своего земляка – беглого казака Архипа. Вместо теплых слов приветствия и долгих расспросов о жизни в Кизляре Анна встречает Архипа презрительным взглядом. Она сразу проводит резкую черту между собой и Архипом:

– Я кизлярская! А ты – нет!

Это прозвучало приговором, но Архип не опустил голову... проговорил сипло:

– Я казак! Врешь! Ты слышала? Казак я!

– Тогда почему ты здесь?!

Гордой Анне стыдно за земляка, «ей тошно видеть его рядом: она явилась к станичнику, а увидела босоногого оборвыша... Срамник, опозорил в глазах Батчери все казачество, предпочел в чужом краю жить. Признать его? Никогда! Она и не подумает помочь поганцу. Вот начнут закинцы насмешичить над ним, тогда кинется кусать локти, да будет поздно оплакивать потерянную совесть и честь...»² Горький опыт совместного проживания с осетинами, чувство обостренного национального самосознания наводят Анну на эти мысли.

Покинутая сыном, от которого она отреклась за нарушение воли отца жениться на осетинке, состарившаяся «в одиночестве за каменными стенами сакли, как в глубокой яме», бедная Анна невольно размышляет о своей жизни, давно ставшей для нее пыткой.

За что она наказана Богом?

*«Она, только она виновата перед Всевышним, уехала из родительского дома с одним отцовым благословением, этого ж оказалось мало, видно... надо б еще получить и Божье. С кем она венчалась? Не с истинным христианином, до сватовства он был басурманином»*³ Таков итог размышлений Анны о своей жизни... С ее смертью заканчивается удивительная сказка о Великой Любви мужественного горца Баззе и прекрасной казачки Анны.

Не менее остро и драматически складывается жизнь сына Баззе и Анны Фрола (Саукдза). На его примере вскрыта непростая проблема этногенетического влияния двух многовековых культур – русской и осетинской на формирование национального сознания и социального поведения субъекта.

¹ «Мечь». Владикавказ, ИР, с. 245.

² Там же, с. 244-245.

³ Там же, с. 212.

– В тебе смешались две крови, понял, две, ты только вдумайся!.. Басурманская испортила нашу, казачью... – Такие горькие слова говорит Фролу старый казак Мефодий, люто ненавидевший горцев.

Русский для осетин, но осетин для русских... Фрол не осознает этого, внешне явно тяготея к социальной среде Кизляра. Уже с юношеских лет он начинает неуважительно относиться к советам старших-горцев, к просьбам матери жениться на осетинке, чтобы выполнить посмертную волю отца. На ее фразу о «счастливой христианской любви к его отцу» он цинично отвечает ей:

– Бежала за ним!...

Ему страшно представить, что он всю жизнь проведет в горах, состарится в Зака... Нет!

Фрол решительно порывает с Зака и его обитателями, окончательно осев в Кизляре, где продолжает торговые традиции своего деда Прохора. Но не любят его соседи. Уж слишком заносчив и жесток Фрол. Для него ничего не стоит спокойно отправить в долговую яму старого товарища деда Митяя, посадить в клетку пленного осетина и издеваться над ним, беспричинно избивать свою сожительницу Нюшку... Корнями такого «неуравновешенного» поведения могут служить тяжелые картины детства, когда он был свидетелем одинокой и горестной жизни его матери, видел отношение к ней соседей. Можно предположить, что уже с детства Фрол идеализирует не отца Баззе, а своего деда Прохора, чьей «плохой копией» в итоге он и становится. Но иногда внук Прохора испытывает тоску по «родной осетинской речи» и просит земляков из Зака, приехавших торговать в Кизляр, говорить с ним по-осетински, т.к. он соскучился; что, однако, не мешает ему оскорбить их, напомнив, что своим хорошим материальным положением они обязаны его отцу Баззе. С каждым негативным поступком Фрол окончательно теряет связь с соплеменниками как своего отца, так и своей матери. Человек, который пограл законы предков, от которого отреклась мать, поклявшись на очажной цепи, подобен «скале, оторванной от горы и упавшей с грохотом в пропасть». К сожалению, не подтверждаются слова друга его отца Батчери:

– Он (Фрол – С.Р.) родился для гор. Он сын Баззе! Он не может предать могилу отца! Он вернется...²

Но Фрол «предает могилу отца», его память, равно как и светлую память своей матери, так и не увидевшей перед смертью сына.

Обратного пути нет! Что видно из диалога Фрола с тремя молодыми горцами:

¹ Ожидание. Владикавказ, ИР, 1996, с. 178.

² Мечь. Владикавказ, 1996, ИР, с. 217.

– Уж не ущелье вы охраняете?..

– Да, – сдержанно ответил осетин. – Мы охраняем ущелье от чужих, незваных....

– Но я то свой!

– Мы знаем тебя, ты купец....

– Саукудз я, сын Баззе из Зака.

Собеседник произнес с сочувствием в голосе:

– Ты Фрол. Ты сын Анны. Царствие небесное твоей матери!¹

Символично наше расставание с Фролом на страницах романа «Мечь». Мы видим его с холщовой торбой на шее, стоящего на пороге сгоревшего дома, который построил его дед, где родилась его мать и где он тщетно пытался стать «настоящим казаком», а стал «Иваном, не помнящем своего родства...»

Так бесславно угасла семья Прохора и Баззе.

Но угасает не только их род.

В семье старого казака Мефодия все уже давно переплелось в тугую трагический узел и это благодаря только одному – лютой ненависти Мефодия к горцам. Своего старшего сына он вынуждает поехать на «переднюю линию» воевать с горцами, который стремились выйти на равнину, отбивать и грабить их торговые обозы. С младшим сыном Степаном из-за его «куначества» с осетином Дзандиром у Мефодия постоянные стычки и скандалы. «Мстит надобно горцам нечестивым...», «у-у-у, антихрист! Тыфу, осетинец!..», «все басурманы не стоят одной капли казачьей крови...», «с гор хлынут в степь басурманы и затопчут...», «надо бы кровь за кровь...» – эти и другие подобные слова и выражения являются характерными для Мефодия, прикрывающего свои национал-шовинистические настроения мнимой опасностью вырождения казачества и преувеличенной «осетинской экспансией» в степные районы.

Такая реакционная позиция в отношении горцев со стороны Мефодия изнутри подрывает благополучие его семьи: обостряются противоречия с младшим сыном Степаном, никак не желающим проливать осетинскую кровь, покалеченным возвращается с «передней линии» старший сын Силантий. В ответ на истерический выкрик отца: «...Убей басурмана... Ты же казак!» – он устало отвечает: «Там людская кровь льется, а не колодезная водица».²

За отказ убивать горцев Мефодий изгоняет Силантия из дома. Жизнь Степана превращается в кошмар: умирает, не выдержав всех этих выходов Мефодия его мать, сам он вынужден ежедневно выслушивать упреки отца, что ты, мол, не казачьего происхожде-

¹ Там же, с. 353-354.

² Там же, с. 269.

ния, а то давно бы отомстил за старшего брата осетинам. Атмосфера ненависти губительна и для самого Мефодия, который вскоре умирает... После смерти отца уходит из станицы Степан.

Еще одним примером, убедительно раскрывающим явное несоответствие морально-этических ценностей в общественном сознании двух народов, служит небольшой диалог беглого казака Архипа с Батчери и сопровождающий его внутренний монолог станичника.

Писатель раскрывает нам две диаметрально противоположные точки зрения на один и тот же проступок – оскорбление матери. Казак Архип ограничивается тем, что «*расквасил морду*» обидчику, Батчери считает, что наказанием за такое «*святотатство*» должна быть только смерть. За каждой из этих двух позиций многовековой индивидуальный путь культурного развития... «*Батчери щупал его глазами, недовольный – слов много, но ими не смоешь позор, нужна кровь, а ее-то не было... Убил надо, – проговорил с сожалением. – Сразу убил!*»

У Архипа от волнения пересохло во рту. Убить?! За обиду лишить жизни приказчика? И как после этого ходить по земле? Среди людей жить? Руки от крови не отмоешь. И он решительно мотнул головой: – Христианин я!

С осуждением глянул на Батчери другими глазами: осетинец вовсе не такой добрый, каким казался вначале. Душу загубить? Скорей он себя кончит, ведь молится, прежде чем курицу зарезать. До чего жестокий народ осетины, не выжить ему среди них... Нет! – произнес с нажимом в голосе и вперил взгляд в Батчери. – Нет! Убивать нельзя.

Через минуту повторил:

– Нет!

С досадой на лице, не скрывая настроения, Батчери сплюнул под ноги: Архип недостойный сын.¹

Пожалуй, единственным положительным примером социальной адаптации в иноэтнической среде является история жизни Дуни, выросшей в доме Прохора Коршунова. Она так же, как и Анна, выходит замуж за осетина, но в ее случае обстоятельства и события складываются благоприятно. На вопрос Анны: «...Или тебе не снится наш дом. Дерево?..»

...Заморгав часто глазами, Дуня призналась: Не снятся!

Поникла Анна, сжалась: признание Дуни больно ранило ее, не ждала услышать такое... Это плохо. Скажи, что ты пошутила! Ты не могла плюнуть в родник! Кизляр для нас... ну... грудь матери.

...И тут Дуня, тряхнув головой, заговорила сильным голосом:

¹ Там же, с. 236-237.

— Мой родник — Батчери! Он полюбил меня, нищенку. Да, Анна, мой главный корень здесь, в ауле. Я трех мужчин родила для осетинцев...¹

Дуня справедливо замечает, что ее «главный корень» — Зака, а Батчери для нее — живительный родник. Выросшая в чужом купеческом доме, по существу являющаяся приживалкой-работницей, «которой ничего не надо платить», взятой Прохором не то из милости, не то из прихоти, как живая игрушка для дочери (Все одно моей Анке веселее будет...), в замужестве Дуня обретает независимый социальный статус. Она впервые становится самостоятельной хозяйкой в доме Батчери, который успешно ведет торговые дела в Кизляре. Впервые Дуня осознает свою значимость и весомость; она любима и уважаема мужем, она — мать троих детей, она — хранительница домашнего очага. Зака для Дуни становится полной отсчета новой, полной любви, благополучия и материнской радости, жизни.

Конечно, эта линия романа дает нам возможность говорить об определенном нарастании процесса русско-осетинских отношений, в любом случае, как сказал старейшина влиятельного рода Баса, «...в русских надо разобраться не на расстоянии, а поесте вместе хлеб и соль...» Историческая судьба Осетии предопределена, «...все осетины вошли в хоровод... танцевать... один танец...» Но все-таки необходимо отметить, что не всегда политическое, экономическое обоснование того или иного предполагаемого прогрессивного процесса геополитической, социально-культурной интеграции может служить поводом для его немедленной реализации, ибо культуры, народные характеры и даже элементарный бытовой уклад данных наций бывают настолько различны, что не могут не вызывать «естественной агрессии» конкретных субъектов в попытках восприятия и осознания комплекса морально-этических и других общечеловеческих ценностей.

Показателен следующий эпизод из первой книги трилогии, подтверждающий данное высказывание. Вспомним бал у князя Михаила Голицына, на который приглашены Зураб Елиханов с сыном Канаматом, который впервые попал в такое «высшее общество», не знает, куда девать глаза, он стыдливо опускает голову, чтобы не видеть обнаженных рук и плеч декольтированных московских красавиц. Их внешний вид молодой горец считает недопустимым: «Как это они не стесняются? Показывают свое тело чужим людям... И все спокойно смотрят...»² За этими словами стоит многовековой морально-этический, социальный кодекс осетин — «Агъдау» На примере даже этого незначительного эпизода, мы можем сразу убедиться, какая большая работа предсто-

¹ Там же, с. 214.

² Послы гор. ИР, 1989, с. 205.

ит по сближению таких разных в бытовом и моральном укладе народов, как русские и осетины.

И не случайно так переживает ингуш Боскар¹ по поводу попыток Зураба Елиханова² склонить ингушей к сотрудничеству и сближению с русскими. Он остерегается, что осетины начнут «подталкивать ингушей в объятия своих новых родственников», это «хуже не придумаешь». Он предостерегает Зураба:

— Обычай горцев столкнется с обычаями русских... Ты об этом подумал? Нам надо сохранить нетленными свои обычаи, язык! Мои сородичи говорят: «Сначала хорошо узнаем русских, а потом в их дворе коней расседлаем».³

Его тревогу разделяет и Эба Кесаев.⁴ Непокойно у него на душе, пораженный масштабами жизни столицы, нравами и бытовым укладом москвичей и петербуржцев, он беспокойно размышляет: «Осетин не больше одной горсти, а русские сами не знают, сколько их. Боюсь, затеряемся мы среди них...»⁵

В размышлениях ингуша Боскара и осетина Эба нет проявлений неприязни к русским, речь идет, как справедливо замечает А. Турков, «об органичности самостоятельного прихода к тем или иным политическим и другим решениям, о своеобразии избираемого пути, поистине «своей дороге» каждого народа, который, придет время», «откроет неведомую тайну родства не по крови».⁶

Трилогия В.М. Цаголова «Послы гор» актуальна и в наши дни, учитывая сегодняшние политические, социальные и национальные реалии. Это произведение нуждается в новом современном прочтении и переосмыслении, ибо нельзя забывать с каким трудом, кровью и потом, десятилетиями лучшие сыны Иристоната пытались и, наконец, добились единения с могучей державой — императорской Россией, поднявшей осетин на новый виток интеллектуального, экономического, политического и культурного развития.

Книги В.М. Цаголова дают нам возможность это понять и осознать.

¹ Второстепенный герой романа «Ожидание».

² Зураб Елиханов (он же Егоров, Азовов, Магкаев) — руководитель осетинского посольства (1749-1752), выходец из селения Зарамаг, обладал незаурядными способностями политического деятеля.

³ Ожидание. ИР, Орджоникидзе, 1989, с. 447-448.

⁴ Эба Кесаев (он же Елисей Хетагов) — один из официальных послов от Осетии, крупный и влиятельный уздень; обладал большой физической силой и способностями военачальника.

⁵ Послы гор. Орджоникидзе, ИР, 1986, с. 279.

⁶ Андрей Турков. О современной осетинской литературе. Альманах «Литературная Осетия», Орджоникидзе, 1988, с. 61-62.

АРЫЛ

ВЛАДИКАВКАЗ

1 • 9 • 9 • 8

Компьютерный набор
Л.Т. Хаблиева

Компьютерная верстка
Э.А. ЛАВРОВСКАЯ

ИНДЕКС 78668